

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**ВОПРОСЫ
ЖУРНАЛИСТИКИ,
ПЕДАГОГИКИ,
ЯЗЫКОЗНАНИЯ**

**ISSUES
IN JOURNALISM,
EDUCATION,
LINGUISTICS**

16+

Том 40, № 1

ВОПРОСЫ ЖУРНАЛИСТИКИ, ПЕДАГОГИКИ, ЯЗЫКОЗНАНИЯ

2021. Том 40, № 1

Ранее журнал издавался под названием «Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки».

Основан в 1995 г. Журнал включен в Перечень ВАК рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (10.01.00 – литературоведение, 10.02.00 – языкознание, 13.00.00 – педагогические науки). Журнал зарегистрирован в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ).

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет».

Издатель: НИУ «БелГУ» Издательский дом «БелГУ». Адрес редакции, издателя: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор

Исаев И.Ф., доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики педагогического института НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)

Ведущий редактор

Ерошенкова Е.И., кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики педагогического института НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)

Заместители главного редактора:

Прохорова О.Н., доктор филологических наук, профессор, директор института межкультурной коммуникации и международных отношений НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)
Короченский А.П., доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики института общественных наук и массовых коммуникаций НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)
Ирхин В.Н., доктор педагогических наук, профессор кафедры теории и методики физической культуры педагогического института НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)

Ответственный секретарь

Тарасова С.И., кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики педагогического института НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)

Члены редколлегии:

Александрова О.В., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английского языкознания филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, (г. Москва, Россия)
Асташова Н.А., профессор, доктор педагогических наук, заведующий кафедрой художественного воспитания Брянского государственного университета им. И.Г. Петровского (г. Брянск, Россия)
Багана Ж., доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации института межкультурной коммуникации и международных отношений НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)

Белозерцев Е.П., доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры общей и социальной педагогики Воронежского государственного педагогического университета (г. Воронеж, Россия)
Дускаева Л.Р., профессор, доктор филологических наук, заведующий кафедрой медиалингвистики Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета, руководитель комиссии медиалингвистики при Международном комитете славистики (г. Санкт-Петербург, Россия)
Ермаков С.С., доктор педагогических наук, профессор кафедры физического воспитания Харьковской государственной академии дизайна и искусств (г. Харьков, Украина)
Жиро К., доктор философии, профессор Барселонского Автономного университета, директор Департамента средств массовой информации, коммуникации и культуры (г. Барселона, Испания)
Людвиг Х., доктор философии, профессор института педагогики Вестфальского университета им. Вильгельма (г. Мюнстер, Германия)
Нагорный И.А., доктор филологических наук, профессор института иностранных языков Цицилинского университета, профессор (г. Чанчунь, Китай)
Перси У., доктор филологии, профессор Университета Бергамо (г. Бергамо, Италия)
Подымова Л.С., профессор, доктор педагогических наук, заведующий кафедрой психологии образования Московского педагогического государственного университета (г. Москва, Россия)
Полонский А.В., профессор, доктор филологических наук, заведующий кафедрой журналистики НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)
Порхомовский В.Я., профессор, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института языкознания РАН, (г. Москва, Россия)
Петяга А., профессор, доктор филологии, заведующий кафедрой русского языка и переводоведения Гданьского университета (г. Гданьск, Польша)
Риё Ж., доктор филологических наук, профессор кафедры французского языка и литературы Университета София Антиполис, (г. Ницца, Франция)
Стоянова Е.В., профессор, доктор филологии, заведующий кафедрой русского языка Шуменского университета им. Епископа Константина Преславского, (г. Шумен, Болгария)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС 77-77958 от 19.02.2020. Выходит 4 раза в год.

Выпускающий редактор Л.П. Коханова. Корректура, компьютерная верстка и оригинал-макет О.Г. Томусяк. Гарнитуры Times New Roman, Arial, Iprast. Уч.-изд. л. 12,3. Дата выхода 30.03.2021. Оригинал-макет подготовлен отделом объединенной редакции научных журналов НИУ «БелГУ». Адрес: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

СОДЕРЖАНИЕ

ЖУРНАЛИСТИКА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

- 5 **Максимова Т.И.**
Практическая реализация принципов независимости и подотчетности в медийной деятельности Британской вещательной корпорации
- 16 **Турпалов Л.А.**
Северокавказская региональная пресса как фактор большевистского тоталитарного режима
- 28 **Хорольский В.В.**
Стиль современной западной публицистики как предмет научного изучения (на материале статей и эссе Дж. Барнса и Д. Рейфилда)
- 39 **Ястребов-Пестрицкий М.С.**
Речевые и орфоэпические ошибки в аудиовизуальных СМИ: тавтологические обороты и некорректное склонение числительных

ПЕДАГОГИКА

- 49 **Асанова З.Р.**
Феномен любви к детям в этнопедагогике крымскотатарского народа
- 60 **Кучерявенко С.А., Назарова А.Н., Стенюшкина С.Г.**
Формирование нового образа и компетенций выпускника-2030 через призму концепции всеобщего управления качеством
- 69 **Поначугин А.В., Пичужкина Д.Ю., Смекалова Е.С.**
Влияние цифровых технологий на учебный процесс в сфере дополнительного образования

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- 78 **Багдужева А.В., Rogozная Н.Н.**
Категория считаемости в теории языковых контактов (на материале русского и китайского языков)
- 89 **Вахрушева А.Я., Солнышкина М.И., Куприянов Р.В., Гафиятова Э.В., Климагина И.О.**
Лингвистическая сложность учебных текстов
- 100 **Майданский М.А.**
Семантические аспекты британского английского языка и нигерийского варианта английского языка
- 111 **Позднякова Е.Ю.**
Прецедентные феномены в наименованиях коммерческих предприятий
- 120 **Прохорова О.Н., Чекулай И.В., Кононова А.И.**
Оценочно-семантический анализ прилагательных английского языка, передающих значение «привлекательность»
- 129 **Сюй Лили**
Репрезентация концепта «упрямство» в русской языковой картине мира (на материале фразеологических единиц)
- 139 **Шуран О.В.**
Методика фреймового сценария языковой единицы с сакральной семантикой

ISSUES IN JOURNALISM, EDUCATION, LINGUISTICS

2021. Volume 40, No. 1

Previously magazine was published under the title "Belgorod State University Scientific bulletin. Humanities series".

Founded in 1995

The journal is included into the List of Higher Attestation Commission of peer-reviewed scientific publications where the main scientific results of dissertations for obtaining scientific degrees of a candidate and doctor of science should be published (10.01.00 – literary criticism, 10.02.00 – linguistics, 13.00.00 – pedagogical sciences). The journal is introduced in Russian Science Citation Index (РИИЦ).

Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education «Belgorod National Research University».

Publisher: Belgorod National Research University «BelGU» Publishing House.

Address of editorial office, publisher: 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia.

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL

Chief Editor

Isaev, I.F., Head of Department of Pedagogics Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Belgorod National Research University (Belgorod, Russia)

Commissioning editor

Eroshenkova, E.I., Associated Professor of the Department of Pedagogy, Belgorod National Research University (Belgorod, Russia)

Deputies of chief editor:

Prohorova, O.N., Director of Institute of Intercultural Communication and International Relations, Doctor of Philological Sciences, Professor, Belgorod National Research University (Belgorod, Russia)

Korochensky, A.P., Doctor of Philological Sciences, Professor, Belgorod National Research University (Belgorod, Russia)

Irkhin, V.N., Professor of Department of Pedagogy, Doctor of Pedagogical Sciences, Belgorod National Research University (Belgorod, Russia)

Executive secretary

Tarasova, S.I., Associated Professor of the Department of Pedagogy, Belgorod National Research University (Belgorod, Russia)

Members of Editorial Board:

Aleksandrova, O.V., Head of the Department of English linguistics of the philological faculty of Lomonosov Moscow state University, doctor of philological Sciences, Professor (Moscow, Russia)

Astashova, N.A., Head of the Department of Art Education of the Bryansk State University named after I.G. Petrovsky, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Bryansk, Russia)

Baghana, J., Professor of the Department of Romance and Germanic Philology and Intercultural Communication of the Institute of Intercultural Communication and International Relations, Doctor of Philology, Professor of National University «BelSU» (Belgorod, Russia)

Belozertsev, E.P., Honored Scientist of the Russian Federation, Professor of the Department of General and Social Pedagogy, Voronezh State Pedagogical University, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Voronezh, Russia)

Duskaeva, L.R., Professor, doctor of Philology, head of the Department of media linguistics of the Higher school of journalism and mass communications of Saint Petersburg state University (Saint Petersburg, Russia), head of the Commission of media linguistics under the International Committee of Slavistics

Ermakov, S.S., Professor of the Department of Physical Education of Kharkov State Academy of Design and Arts, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Kharkov, Ukraine)

Giro, X., Ph. D., Professor of the Barcelona Autonomous University, Director of the Department of Media, Communication and Culture (Barcelona, Spain)

Ludwig, H., professor of The University of Münster, doctor of philosophy (Muenster, Germany)

Nagorny, I.A., professor of the Institute of Foreign Languages of Jilin University, Doctor of Philology, Professor (Changchun, China)

Persi H., Doctor of Philology, Professor University of Bergamo (Bergamo, Italy)

Podymova, L.S., Head of the Department of Psychology of Education, Moscow State Pedagogical University, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Moscow, Russia)

Polonskiy, A.V., Head of the Department of Journalism of Belgorod National Research University, Doctor of Philology, Professor (Belgorod, Russia)

Porkhomovsky, V.Y., Chief Researcher of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philology, Professor (Moscow, Russia)

Pstyga, A., Professor, doctor of Philology, head of the Department of Russian language and translation studies at the University of Gdansk (Gdansk, Poland)

Rieu, J., Professor of the Department of French Language and Literature, University of Sofia Antipolis, Professor, Doctor of Philology (Nice, France)

Stoyanova, E.V., Head of the Department of Russian Language of Shumen University, named after bishop Konstantin Preslavsky, Doctor of Philology, Professor (Shumen, Bulgaria)

The journal is registered in Federal service of control over law compliance in the sphere of mass media and protection of cultural heritage. Certificate of registration of mass media ЭЛ № ФС 77-77958 от 19.02.2020. Publication frequency: 4 /year

Commissioning Editor L.P. Kokhanova. Pag Proofreading, computer imposition O.G. Tomusyak. Page layout by P.V. Goleusov. Typefaces Times New Roman, Arial, Impact. Publisher's signature 12,3. Date of publishing 30.03.2021. The layout was pre-pared by the Department of the joint editorial Board of scientific journals of NRU "BelSU". Address: 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

CONTENTS

JOURNALISM AND PUBLIC RELATIONS

- 5 **Maksimova T.I.**
Practical implementation of the principles of independence and accountability in the media activities of the BBC
- 16 **Turpalov L.A.**
North Caucasian regional press as an actor of the Bolshevik totalitarian regime
- 28 **Khorolsky V.V.**
Style of contemporary Western public writing as the object of scientific scrutiny
(after J. Barnes' s and D. Rayfield's articles and essays)
- 39 **Yastrebov-Pestritsky M.S.**
Speech and orthoepic errors in audiovisual mass media: tautological phrases and incorrect declension of numerals

PEDAGOGICS

- 49 **Asanova Z.R.**
The phenomenon of love for children in the ethnopedagogy of the Crimean Tatar people
- 60 **Kucheryavenko S.A., Nazarova A.N., Stenyushkina S.G.**
Formation of a new image and competencies of the Graduate-2030 through the prism
of the total quality management concept
- 69 **Ponachugin A.V., Pichuzhkina D.Yu., Smekalova E.S.**
Impact of digital technologies on the educational process in the field of additional education.

LINGUISTICS

- 78 **Bagdueva A.V., Rogoznaya N.N.**
The category of counting in the theory of language contacts (on the material of Russian and Chinese languages)
- 89 **Vakhrusheva A.Y., Solnyshkina M.I., Kuprijanov R.V., Gafiyatova E.V., Klimagina I.O.**
Linguistic complexity of academic texts
- 100 **Maidansky M.A.**
Semantic Aspects of Standard British English and the Nigerian
- 111 **Pozdnyakova E.U.**
Precedent phenomena in commercial organizations' proper names
- 120 **Prokhorova O.N., Chekulai I.V., Kononova A.I.**
Evaluative and semantic analysis of English adjectives with the meaning of 'attractiveness'
- 129 **Xu Lili**
Concept «stubbornness» in the Russian language picture of the world: phraseological representation
- 139 **Shkuran O.V.**
Frame scenario methodology language unit with sacred semantics

ЖУРНАЛИСТИКА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ JOURNALISM AND PUBLIC RELATIONS

УДК 811.161.1

DOI 10.18413/2712-7451-2021-40-1-5-15

Практическая реализация принципов независимости и подотчетности в медийной деятельности Британской вещательной корпорации

Максимова Т.И.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: maksimova_t@bsu.edu.ru

Аннотация. Деятельность британская вещательная корпорация Би-Би-Си как общественной организации подразумевает опору на принципы независимости и подотчетности. Однако в современных условиях противоречивой геополитической ситуации, когда вещательные корпорации являются инструментом формирования имиджа страны на мировой арене, закономерно возникает вопрос об их редакционной и экономической зависимости. При этом в научном дискурсе наблюдается недостаток работ, посвящённых анализу практической реализации принципов независимости и подотчетности медиакорпорации Би-Би-Си. В связи с этим автором поставлена цель определить степень соответствия декларируемых Корпорацией нормативных стандартов её реальной деятельности через изучение различных аспектов нормоприменения. В ходе исследования выявлены несоблюдение принципов редакционной и экономической независимости, подотчетности перед аудиторией. Полученные результаты вносят вклад в развитие теории журналистики, общественного вещания и профессиональной журналистской этики.

Ключевые слова: Би-Би-Си, общественное вещание, принципы общественного вещания, принцип независимости общественного вещания, принцип подотчетности общественного вещания, подотчетность Би-Би-Си.

Для цитирования: Максимова Т.И. 2021. Практическая реализация принципов независимости и подотчетности в медийной деятельности Британской вещательной корпорации. Вопросы журналистики, педагогики, языкознания, 40 (1): 5–15. DOI 10.18413/2712-7451-2021-40-1-5-15

Practical implementation of the principles of independence and accountability in the media activities of the BBC

Tatyana I. Maksimova

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russian Federation
E-mail: maksimova_t@bsu.edu.ru

Abstract. The British Broadcasting Corporation, the BBC, whose activities as a public organization are based on the principles of independence and accountability, in the mass consciousness represents the ideal

of an objective media. However, in the current conditions of a contradictory geopolitical situation, when broadcasting corporations are an instrument for shaping the country's image on the world stage, the question of their editorial and economic dependence naturally arises. At the same time, there is a lack of scientific discourse devoted to the analysis of the practical implementation of the principles of independence and accountability of the BBC media corporation. In this regard, the author aims to determine the degree of compliance of the Corporation's declared regulatory standards with its actual activities through the study of various aspects of standard application. The study revealed non-compliance with the principles of editorial and economic independence, accountability to the audience. The results obtained contribute to the development of the theory of journalism, public broadcasting and professional journalistic ethics.

Key words: BBC, public service broadcasting, principles of independence, principle of accountability, independence of BBC.

For citation: Maksimova T.I. 2021. Practical implementation of the principles of independence and accountability in the media activities of the British Broadcasting Corporation. Issues in Journalism, Education, Linguistics, 40 (1): 5–15 (in Russian). DOI 10.18413/2712-7451-2021-40-1-5-15

Введение

Данное исследование продолжает уже разрабатываемую автором тему о практической реализации принципов общественного вещания Британской вещательной корпорации¹ в её медийной деятельности. Ранее была рассмотрена практическая реализация принципов беспристрастности и службы общественным интересам.

На протяжении всей своей уже почти вековой истории Би-Би-Си позиционирует себя как объективная и независимая медийная организация, служащая исключительно интересам общества как «источник надежных и беспристрастных новостей»² [Истомин, 2014]. Кроме того, «новостные программы Британской телерадиовещательной корпорации считаются объективным источником информации, имеющим особую значимость для всей современной англоязычной культуры» [Дечева, Ильина, 2017, стр. 106].

Являясь общественной организацией, существующей за счет своей аудитории, однако установленной и частично финансируемой государством, Би-Би-Си часто провоцировала вопросы, относящиеся к собственной объективности и независимости. В русле советской школы медиаисследований существовала практика критики Британской вещательной корпорации. Исследователи приводили в качестве примера ее зависимости различные способы воздействия на нее государства. В. Артемов и В. Семенов называли корпорацию «главным органом внешнеполитической пропаганды Великобритании» [Артемов, Семенов, 1978, стр. 14] и даже ввели в дискурс понятие «фактологическая пропаганда» [там же, стр. 112] – метод подачи информации, основанный на тенденциозном представлении фактов под видом объективных сообщений, в итоге которого формируемая картина мира оказывается необъективной. «В.М. Карелина указывала на то, что правящие классы предпочитают применять внутренние, скрытые от глаз широкой общественности механизмы воздействия на вещание Би-Би-Си, подчиняя её таким образом политиче-

¹ Максимова Т.И. 2020а. Практическая реализация принципов беспристрастности и службы общественным интересам в медийной деятельности британской вещательной корпорации. Вопросы журналистики, педагогики, языкознания, 39 (3): 345–355. DOI 10.18413/2712-7451-2020-39-3-345-355

² Истомин М. 2014. Иновещание ВВС: самый высокий прирост аудитории в последнее время достигается за счет России. Информационный ресурс ОВОВ.TV – Обзорное оборудование и бродкастинга. URL: <http://obob.tv/statistka/inoveshhanie-bbc-samyjj-vysokijj-prirost-au/> (дата обращения: 17 января 2021).

ской конъюнктуре» [Цит. По: Шампорова, 2014, стр. 61]. Корни этого явления советские исследователи видели в редакционной политике первого генерального директора Би-Би-Си Дж. Рейта: «Он в достаточной мере понимал, что независимое положение новой корпорации обеспечивается сдержанностью в проявлениях этой независимости» [Артемов, Семенов, 1978, с. 39].

Современные российские [Вартанова, 2003; Орешкина, 2004; Любимов, 2008] и зарубежные [Aitken, 2008; Curran, Seaton, 2009; Allan, 2010] исследователи иначе оценивают степень независимости Би-Би-Си и ее роль в европейском общественном вещании. Е.Л. Вартанова рассматривает Корпорацию как «едва ли не идеальный пример общественной вещательной монополии» [Вартанова, 2003, с. 179]. К. Якубович считает, что британская модель общественного вещания неразрывно связана с развитым гражданским обществом и демократическими ценностями. Из всех моделей общественного вещания, британская наиболее успешная, потому что «она сочетает в себе независимость от власти, коммерческих структур и строгое соблюдение интересов общества в целом» [Jakubowicz, 2011, с. 56].

В настоящее время исследователей интересуют трансформации модели общественного вещания в условиях развития новых медиа и коммерциализации рынка СМИ [Покровская, 2010; Григорьева, 2012; Шампорова, 2016]. Большое внимание уделяется структурным и внешним изменениям, произошедшим с Корпорацией, таким как открытие новых телеканалов и радиостанций, продажа собственности [Любимов, 2008], коммерциализация, политизация [Орешкина, 2004], цифровизация, «калчартеймент» [Покровская, 2010].

В современных условиях, когда «геополитическая ситуация всё чаще определяется тем, что любая страна мира нуждается в создании эффективной системы противодействия формированию ее негативного имиджа на мировой арене» [Якунин, 2019, стр. 77], британская вещательная корпорация является практически идеальным инструментом такой системы, что противоречит ее основополагающим принципам. Но несмотря на возрастающий общественный интерес и авторитетный статус Британской вещательной корпорации в глобальной медиасреде, в современном научном дискурсе отсутствуют работы, посвященные изучению внутренних, нормативных аспектов ее медиатеатральности, принципов и норм. В связи с этим автором поставлена цель определить степень соответствия декларируемых Корпорацией нормативных стандартов её реальной деятельности через изучение различных аспектов нормоприменения.

Исследование базируется на использовании теоретического и компаративного методов, метода контент-анализа и основывается на изучении внутренних регулирующих документов корпорации и изложенных в них принципов в их практической реализации (в публикациях Би-Би-Си, служащих эмпирической основой исследования).

Принцип независимости в медийной деятельности Би-Би-Си

Принято выделять три основных принципа программной политики общественного вещания: универсальность, разнообразие, независимость. «Под принципом универсальности понимается доступность аудитории общественного вещания независимо от социального статуса и финансовых возможностей. Разнообразие понимается в трех определениях: жанров, тем и аудиторий, на которых направлено вещание. Принцип независимости предполагает, что общественное вещание не подвержено влиянию ни правительственных, ни коммерческих структур, руководствуясь в своей деятельности только интересами общества» [Максимова, 2020б].

При учреждении общественных вещателей в каждом отдельном регионе мира определяются специфичные и актуальные конкретно для него цели и принципы обще-

ственного вещания. История Британской вещательной корпорации позволяет выделить собственные специфичные принципы общественного вещания, на которые она опирается в своей деятельности: *«общедоступность (универсальность), независимость, разнообразие, подотчетность, служение интересам общества, содействие развитию культуры и науки, образованию и просвещению, качество»* [Максимова, 2020а].

В основном документе редакционной политики Би-Би-Си "Editorial Guidelines" подчеркивается, что **принцип независимости** является основой репутации Би-Би-Си как в Великобритании, так и во всем мире: *«Наша аудитория должна доверять Би-Би-Си и быть уверенной, что на наши решения не влияют внешние интересы, политическое или коммерческое давление, или любые личные интересы»*¹ (здесь и далее перевод наш. – Авт.).

Согласно редакционным правилам, принцип независимости включает в себя следующее:

- *«Независимость от внешних интересов и договоренностей, которые могут подорвать редакционную целостность;*
- *невозможность поддержки любой другой организации, ее продуктов, деятельности, услуг, взглядов или мнений;*
- *недопустимость чрезмерного внимания коммерческим продуктам или услугам;*
- *при вступлении во внешние отношения Би-Би-Си должна обеспечить, чтобы ее службы не транслировали спонсорский контент или рекламу. Договоренности с внешними организациями не должны создавать впечатления, что услуги Би-Би-Си спонсируются;*
- *выбор партнеров должен быть соответствующим и обоснованным и не должен приносить Корпорации дурную славу»*².

Таким образом можно выделить две составляющие принципа независимости Би-Би-Си: редакционную независимость и экономическую.

Практическая реализация принципа независимости Би-Би-Си через призму партнерства и рекламы (для коммерческих сервисов) выражается в коллаборациях с другими организациями в национальных интересах. В 2018–2019 гг. Корпорация установила 300 партнерств и коллабораций, сфокусированных на общественной деятельности, поддерживающей экономику Великобритании, которые различаются по размеру, масштабу и цели. Би-Би-Си сотрудничает более чем с сотней медиа-организаций, научных центров и благотворительных организаций, в числе которых³: "Open University", "Marine Conservation Society", "Women's Institute", "Surfers Against Sewage", "Mental Health Foundation", "Public Health England", "Reading Agency". Кроме того, в список партнеров Корпорации входят музеи, театры и библиотеки: "Royal Society and Science Museum Group", "Imperial War Museums", "National Portrait Gallery", "Google Arts and Culture", "Tate", "British Library", "National Archives", "National Library of Wales", "Libraries NI", "National Media Museum", "National Theatre Wales", "Theatr Genedlaethol" [там же].

Если открытой рекламы в общественном вещании Би-Би-Си действительно не существует (в коммерческом секторе Би-Би-Си присутствует минимальное количество рекламных материалов [Максимова, 2016]), то неизбежный в контексте правдоподобного отражения действительности Product placement присутствует практически в каждом продукте Би-Би-Си, так или иначе выходящем в свет. Editorial Guidelines подчеркивают, что в таких случаях рекомендовано избегать концентрации внимания зрителя на бренде, однако некоторые сюжетные повороты мыльных опер (куда проще всего вставить продукт), благодаря сценаристам, требуют заострения внимания на предмете, всего лишь отражающем окружающую действительность.

¹ Editorial Guidelines 2019. BBC Copyright: p. 246

² Editorial Guidelines 2019. BBC Copyright: p. 246-250

³ BBC Group Annual Report and Accounts 2018/19. 2019. BBC Copyright, p. 292.

Например, в одной из серий культового научно-фантастического сериала «Доктор Кто», вышедшей в октябре 2014 года, заострялось внимание на компании Apple, официальном партнере Би-Би-Си: заметив в руках у «менеджера загробного мира» планшет этой фирмы, герой спросил:

«– У вас здесь есть Apple?»

– *Берите выше – у нас есть Стив Джобс*», – ответили ему.

Сюжетной важности в дальнейшем этот момент не имел абсолютно никакой, а значит, и ссылка на коммерческий продукт не была обоснована.

Абсолютно противоположным в плане необходимости отражения действительности и сюжетной важности является эпизод из другого брендового сериала Би-Би-Си – «Шерлок». В серии «Скандал в Белгравии» внимание зрителя естественным образом концентрируется на сотовом телефоне популярной марки Blackberry, который в ключевой момент серии показывают крупным планом¹. Экран блокировки мобильного телефона содержит языковую игру, смысл которой является важным для понимания дальнейшего развития сюжета. Подобное заострение внимания на изображении коммерческого продукта оправдано необходимостью раскрытия взаимоотношений между героями.

Принцип подотчетности в медийной деятельности Би-Би-Си

Традиционный и универсальный для общественных вещательных организаций принцип подотчетности в рамках деятельности Би-Би-Си делится на финансовую отчетность и подотчетность перед своей аудиторией. На законодательном уровне он заключается в предоставлении органам власти отчетов о собственной деятельности и счетов, а перед аудиторией Корпорация отчитывается последующей публикацией этих отчетов: Би-Би-Си стремится к максимальной прозрачности своей деятельности для аудитории. Внутреннее регулирование посредством редакционных правил "Editorial Guidelines" дополняет эти требования очень важным с точки зрения формирования доверительных отношений аспектом – работой с жалобами аудитории: «*Мы открыты для признания ошибок и хотим учиться на них; мы обязуемся установить и публиковать процедуры рассмотрения и разрешения жалоб*»².

Редакционные правила 2019 года регламентировали и сократили процедуру рассмотрения жалоб, которая на данный момент включает в себя следующее:

1. Рассмотрение конкретной жалобы подразделением по работе с жалобами на возможные нарушения редакционных стандартов Би-Би-Си (редакционные правила уточняют, что жалобы могут быть на любые услуги или продукты, за которые корпорация несет ответственность).

2. В случае необходимости решения подлежат пересмотру генеральным директором Би-Би-Си.

3. В случаях выявления серьезного нарушения редакционных стандартов результаты публикуются на веб-сайте Би-Би-Си. Среди предписаний могут быть рекомендации о принесении извинений или об исправлениях.

4. В случае неудовлетворенности выводом и если жалоба касается контента общественного вещания Би-Би-Си, заявитель может передать ее в офком, который может рекомендовать Корпорации пересмотреть вопрос; однако он не имеет дальнейших правомочий.

5. Жалобы на содержание коммерческого контента и контента в социальных сетях не входят в компетенцию офкома и рассматриваются без его участия [там же].

¹ Что вы упустили, посмотрев «Шерлока» в дубляже. 2017. Лайфхакер. URL: <https://lifehacker.ru/2017/02/01/sherlock-english/> (дата обращения: 17 января 2021).

² Editorial Guidelines 2019. BBC Copyright: p. 16

Вытекающие из принципов подотчетности нормы акцентируют внимание не столько на предоставлении отчетов о деятельности и счетов Корпорации ответственным лицам и последующей публикации, сколько на работе с жалобами на контент Би-Би-Си. Ранее нормы уважительного и вежливого отношения к заявителю, количества дней на ответ и правила публикации решения¹ [Editorial Guidelines, 2014, p. 214] были прописаны в самих редакционных правилах, но в редакции 2019 года, как уже было сказано ранее, раздел, отвечающий за подотчетность, был сокращен, и его содержание в общем виде переместилось в начало редакционных правил. В настоящий момент все нормы, регулирующие подачу жалоб и их рассмотрение, сконцентрированы в отдельном документе редакционной политики Би-Би-Си – "BBC Complaints Framework" и включают следующее:

- ответ в течение 10 рабочих дней;
- принесение извинений как индивидуально, так и путем публикации извинений онлайн или трансляции в эфире;
- публикация отчетов о полученных жалобах в целях совершенствования своих программ и услуг;
- право не отвечать на жалобу, если она неточна, повторяется или была исследована ранее, а также содержит оскорбительные выражения².

На практике Би-Би-Си реализация принципа подотчетности выражается в опубликованных за всю историю существования онлайн-платформы более чем 100 отчетных аналитических документов (многие из которых дублируются на национальных языках Великобритании) на различные темы: представленности женщин среди сотрудников Корпорации, налоговые стратегии, годовые планы, экологические отчеты, отчеты по взаимодействию с региональными СМИ. Такое огромное количество документов, составляющее достаточно большой объем информации, заставляет задуматься о самой концепции открытости и прозрачности Би-Би-Си. Это явление можно назвать *«парадоксом прозрачности»* – чем больше отчетов и анализов предоставляет Корпорация, тем проще ввести аудиторию в заблуждение и скрыть информацию (например, о количестве партнеров (единого списка нет) и рекламодателей). В настоящий момент, помимо 108 опубликованных отчетов в разделе "Reports", каждый год Би-Би-Си публикует "Annual report and accounts" (только последние три года представляющий собой единый документ, до этого ежегодный отчет мог состоять из двадцати различных документов), годовые планы, консультационные заключения – помимо руководств, правил и прочих редакционных документов.

Кроме отчетных документов, на сайте Би-Би-Си существует раздел "BBC Complaints", на главной странице которого описаны три возможности жалоб на контент Би-Би-Си или неполадки в трансляции посредством заполнения онлайн-формы жалобы, звонка в отдел жалоб или почты. По всем полученным жалобам аудитории служба "BBC Audience Services", принимающая жалобы, и "Executive Complaints Unit" (Исполнительный отдел жалоб), включающие в себя в том числе и 24-часовой контактный центр, готовятся и публикуются отчеты с периодичностью раз в две недели (отчеты до ноября 2017 года показывают ежемесячные итоги жалоб с кратким изложением проблем). Всего за полугодовой период в 2020 г. Би-Би-Си получила 241 795 жалоб на общественное вещание и контент онлайн-платформы. Из них 128 307 жалоб было на контент Корпорации, 113 488 – на качество трансляции, сигнала и другие технические аспекты вещания.

Двухнедельные отчеты содержат количественную информацию о поступивших за отчетный период жалобах, подробно рассказывая только о тех «проблемных» материалах, которые набрали более 100 жалоб (указывается название программы, канал передачи, дата

¹ Editorial Guidelines 2014 in full. 2014. BBC Copyright: p. 214

² BBC Complaints Framework. 2020. BBC Copyright: p. 15

выхода в эфир суть и количество поступивших на нее жалоб). Отдельно выделяются жалобы, которые были разрешены на первой стадии подразделением "BBC Audience Services" (их всегда подавляющее большинство), и жалобы, которые были не удовлетворены на первой стадии и на основании которых подразделением "Executive Complaints Unit" было проведено расследование (большинство из которых остается «не поддержаны» без указания в отчете причин (возможно потому, что Би-Би-Си оставляет за собой право отвечать заявителю жалобы лично, а не в публичном пространстве)).

Чаще всего Би-Би-Си отвечает (но никогда не извиняется) на несколько однотипных жалоб одной публикацией с объяснениями своих редакционных целей, если они не были ясно выражены. Так, например, получив много жалоб на то, что смерти Дэвида Боуи уделяется слишком много внимания, Би-Би-Си ответила: *«Дэвид Боуи был одной из величайших звезд нашей эстрады. Он был одним из самых влиятельных музыкантов своего времени. Его смерть была внезапной и неожиданной, никто, кроме близкого круга его друзей, не знал о его болезни. Наше освещение события — это попытка отразить его статус как музыканта, новаторство которого изменило форму музыкальной индустрии, так и потрясение от его смерти во всем мире»*¹.

Всколыхнувшая в своё время весь мир тема отречения от королевских полномочий герцога и герцогини Сассекских также вызвала вопросы у аудитории, которая была *«недовольна уровнем освещения»* (с чем конкретно связано недовольство, не уточняется), на что Би-Би-Си ответила: *«эта тема была главной новостью, имеющей большое конституционное значение, также, как и огромный общественный интерес. Герцог и герцогиня Сассекские имеют очень высокий авторитет дома и за рубежом, и их решение затрагивает всю королевскую семью, а также поднимает вопросы об уровне общественной поддержки»*². Также Би-Би-Си уточнила, что она нашла *«место для других важных тем, в том числе событий в Иране и Австралии, которые мы освещали»* [там же].

Некоторые ответы имеют уточняющий характер, к примеру, в ответ на жалобу о недостаточном освещении обстоятельств смерти Дж. Флойда Би-Би-Си ссылается на ранее опубликованные материалы и выпуски новостей: *«мы более подробно рассмотрели самого Джорджа Флойда, например, в статье <https://www.bbc.co.uk/news/world-us-canada-52871936>. Мы указали, что арест г-на Флойда последовал после сообщения об использовании фальшивых купюр, например, на канале "BBC News" в шесть и в десять часов 27 мая и в выпуске "Панорамы": "Джордж Флойд: убийство, которое потрясло мир" 15 июня – позже также ссылаясь на то, что г-н Флойд провел время в тюрьме за вооруженное ограбление и преступления, связанные с наркотиками»*³.

В конце года все публичные ответы на жалобы (решенные как на первой, так и на второй стадии) суммируются в один архив и также остаются в открытом доступе. Так, например, за 2019 год Би-Би-Си опубликовала 103 ответа⁴, за 2018 – 54, за 2017 – 40, за

¹ BBC News, Coverage of the death of David Bowie, January 2016. BBC public complaints responses 2016. Available at: <https://www.bbc.co.uk/contact/sites/default/files/2019-05/BBC%20public%20complaints%20responses%202016.pdf> (accessed: 09 January 2021).

² BBC News, Royal Family coverage, January 2020. BBC Complaints. Available at: <https://www.bbc.co.uk/contact/complaint/newsharrymeghan> (accessed: 09 January 2021)

³ BBC News, May & June 2020. BBC Complaints. Available at: <https://www.bbc.co.uk/contact/complaint/floydarrest> (accessed: 09 January 2021)

⁴ Public BBC responses to complaints. BBC Complaints. Available at: <https://www.bbc.co.uk/contact/complaints/recent-complaints?category=All&page=7> (accessed: 09 January 2021)

2016 – 32, за 2015 – 38. Однако общих годовых отчетов, которые содержали бы в себе анализ поданных жалоб, Би-Би-Си не предоставляет.

Ответы на многие жалобы, на наш взгляд, являются неполными ввиду отсутствия внятного и четкого текста самой жалобы. Например: «*Мы получили жалобы от людей, которые недовольны выпуском "Horrible Histories: Brexit film"* (познавательная историческая серия передач на детском канале СВВС)¹. Полный текст ответа является исчерпывающим и оправдывающим выпуск передачи, однако конкретные претензии аудитории остаются неясными.

Объясняет Би-Би-Си не только вопросы соотношения освещения новостей, но и вопросы философского характера, которые могли быть затронуты в художественных продуктах Би-Би-Си, но не до конца поняты аудиторией (что, конечно же, является нежелательным, учитывая принцип универсальности и общедоступности, но иногда, в случаях со «сложным продуктом», как такие передачи называет сама Би-Би-Си, случается). После выхода в октябре 2014 года серии научно-фантастического сериала «Доктор Кто», в которой затрагивались аспекты загробной жизни, Би-Би-Си получила очень много жалоб на то, что подобное освещение религиозных тем может ввести в заблуждение, игнорирует религиозные догмы, в которые верят семьи многих зрителей. Поскольку Корпорация придерживается политики неограничения простора для творчества и самовыражения своих сотрудников, ее ответ на жалобы содержал в себе несколько пунктов:

«1. Сложные темы уместны в контексте улучшения научно-фантастических аспектов мира сериала.

2. Словами главного антагониста Доктора зритель был несколько раз предупрежден о том, что главный секрет серии может быть для него расстраивающим.

3. Главный герой сериала ни на секунду не сомневается, что показанное в серии устройство загробного мира – обман, и в конце концов уничтожает его, оставляя зрителя с теми же укоренившимися традиционными представлениями о жизни после смерти»².

Стоит отметить также, что сообщения о поступивших жалобах и ответы Би-Би-Си на них, часто содержащие не извинения или признание ошибок и их исправление, а объяснение своих действий, публикуются исключительно в разделе, полностью посвященном жалобам аудитории, и на главную страницу платформы "BBC Online" не попадают.

Раздел онлайн-платформы "BBC Complaints", посвященный жалобам, сложно найти (вероятнее всего, это связано с необходимостью поместить работу глобальной медиакорпорации на одном домене), но форма заполнения жалобы достаточно проста и понятна, кроме того, имеется возможность пожаловаться тремя различными способами. Однако редкое признание Би-Би-Си своих ошибок и отсутствие извинений за них, придает сервису "BBC Complaints" оправдательный характер, смысл существования которого в том, чтобы создать видимость открытости в отношениях с аудиторией.

Выводы

Таким образом, в результате проведенного исследования, предметом которого являлась практическая реализация принципов независимости и подотчетности в деятельности Би-Би-Си в настоящее время, мы пришли к выводу о том, что вышеперечисленные принципы независимости и подотчетности соблюдаются в деятельности Би-Би-Си не в полном объеме.

¹ Horrible Histories: Brexit film, 2020. BBC Complaints. Available at: <https://www.bbc.co.uk/contact/complaint/horriblehistoriesbrexit> (accessed: 09 January 2021)

² BBC public complaints responses 2014. BBC Complaints. Available at: <https://www.bbc.co.uk/contact/sites/default/files/2019-05/BBC%20public%20complaints%20responses%202014.pdf> (accessed: 09 January 2021)

Рамки принципа редакционной и экономической независимости, установленного редакционными правилами, размываются посредством демонстрации в контенте коммерческого и общественного вещания отсылок на продукцию официальных партнёров Би-Би-Си, так называемого Product placement, лишь иногда являющегося художественной необходимостью, призванной отражать реальную действительность.

Подотчетность перед своей аудиторией заключается в публикации отчетов о своей деятельности, однако огромное количество документов разнообразной тематики с большим объемом информации приводит нас к парадоксу прозрачности – чем больше отчетов и анализов предоставляет Корпорация, тем проще ввести аудиторию в заблуждение и скрыть информацию.

С другой стороны, подотчетность Корпорации предполагает прямую работу с аудиторией, в Editorial Guidelines дифференцированную как работа с жалобами. Нормы подотчетности заключаются в уважительном обращении с запросами аудитории, решении возникающих проблем и признании ошибок, однако тоже соблюдаются не в полном объеме: все поступившие жалобы на контент Би-Би-Си действительно обрабатываются, однако в случаях «сложного контента» Корпорация не признает ошибок, а только объясняет свои действия. Отчетов, обобщающих и анализирующих проделанную с жалобами работу или хотя бы содержащих в себе ссылки на конкретные жалобы, Би-Би-Си не предоставляет, что придает всей схеме работы с аудиторией оправдательный характер, создающий только видимость открытости.

Полученные результаты исследования вносят вклад в развитие теории международной журналистики и общественного вещания и могут быть основой для новых исследований в области изучения транснациональных и общественных средств массовой информации.

Список источников

1. Артемов В.Л., Семенов В.С. 1978. Би-би-си. История, аппарат, методы радиопропаганды. М., Искусство, 256 с.
2. Вартанова Е.Л. 2003. Медиаэкономика зарубежных стран. М., Аспект Пресс, 337 с.

Список литературы

1. Григорьева И.В. 2012. Трансформация общественного телевидения в мультимедийной среде: зарубежный опыт. Дис. ... канд. филол. наук. М., 185 с.
2. Дечева С.В., Ильина К.А. 2017. Звучащее своеобразие новостных программ ВВС: традиции и инновации. Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология, 23 (2): 106-111. DOI 10.18287/2542-0445-2017-23-2-106-111
3. Любимов Б.И. 2008. Британская модель вещания в конце XX — начале XXI вв. Медиаскоп, 1. URL: <http://www.mediascope.ru/британская-модель-вещания-в-конце-xx—начале-xxi-вв> (дата обращения: 17 января 2021).
4. Максимова Т.И. 2016. Структура и содержание программ телеканала BBC World News. В кн.: Достижения современной науки. XIII Международная научно-практическая конференция г. Москва, 1 июля 2016 года. М., Издательство «Олимп»: 479–483.
5. Максимова Т.И. 2020а. Практическая реализация принципов беспристрастности и службы общественным интересам в медийной деятельности британской вещательной корпорации. Вопросы журналистики, педагогики, языкознания, 39 (3): 345–355. DOI 10.18413/2712-7451-2020-39-3-345-355
6. Максимова Т.И. 2020б. Реализация принципа подотчетности общественного вещания в коммуникативных практиках Би-Би-Си. Современный дискурс-анализ. Дискурсные практики в кинематографе и масс-медиа. Вып. 25. URL: <http://www.discourseanalysis.org/ada25/st282.shtml> (дата обращения: 02 июня 2020).

7. Орешкина Н. 2004. Би-би-си между политизацией и коммерциализацией. Меди@льманах, 7(4-5): 34–48. URL: http://mediaalmanah.ru/files/2004/2004_4-5_0.pdf (дата обращения: 12 января 2021).
8. Покровская С.И. 2010. Жанр минисериала Би-би-си в условиях коммерциализации телевидения Великобритании. Дис. ... канд. филол. наук. М., 213 с.
9. Шампорова Ю.С. 2016. Тенденции в развитии общественного телерадиовещателя Би-би-си в период перехода на цифровое распространение программ (2006–2014 гг.). Дис. ... канд. филол. наук. М., 206 с.
10. Якунин С.А. 2019. Лингвистические средства ведения информационной войны. Политическая лингвистика, 3 (75): 77–82. DOI 10.26170/pl19-03-09
11. Aitken R. 2008. Can We Trust the BBC? United Kingdom, Published by Bloomsbury Publishing PLC, 256 p.
12. Allan S. 2010. News Culture. Issues in Cultural and Media Studies. Maidenhead, McGraw Hill - Open University Press, 311 p.
13. Curran J., Seaton J. 2009. Power Without Responsibility: Press, Broad-casting and the Internet in Britain. Routledge, 448 p.
14. Jakubowicz K. 2011. Media revolution in Europe: ahead of the curve. Strasbourg, Council of Europe Publishing, 609 p.

References

1. Grigor'eva I.V. 2012. Transformatsiya obshchestvennogo televideniya v mul'timediynoy srede: zarubezhnyy opyt [Transformation of Public Television in the Multimedia Environment: Foreign Experience]. Dis. ... Cand. philol sciences. M., 185 p.
2. Decheva S.V., П'ина К.А. 2017. Zvuchashchee svoeobrazie novostnykh programm BBC: traditsii i innovatsii [The Sounding Identity of BBC News: Tradition and Innovation]. Vestnik Vestnik of Samara University. History, Pedagogics, Philology, 23 (2): 106-111. DOI 10.18287/2542-0445-2017-23-2-106-111
3. Lyubimov B.I. 2008. Britanskaya model' veshchaniya v kontse XX – nachale XXI vv [British Broadcasting Model in the Late XX – Early XXI Centuries]. Mediascope, 1. Available at: <http://www.mediascope.ru/британская-модель-вещания-в-конце-xx—начале-xxi-вв> (accessed: 17.01. 2021).
4. Maksimova T.I. 2016. Struktura i sodержanie programm telekanala BBC World News [The structure and content of the programs of the BBC World News]. In: Dostizheniya sovremennoy nauki [Achievements of modern science]. XIII International Scientific and Practical Conference Moscow, July 1, 2016. M., Publ. Olimp: 479–483.
5. Maksimova T.I. 2020. Practical implementation of the principles of impartiality and public interest in the media activities of the British Broadcasting Corporation. Issues in Journalism, Education, Linguistics, 39 (3): 345–355 (in Russian). DOI10.18413/2712-7451-2020-39-3-345-355
6. Maksimova T.I. 2020b. Realizatsiya printsipa podotchetnosti obshchestvennogo veshchaniya v kommunikativnykh praktikakh Bi-Bi-Si [Implementation of the principle of accountability of public service broadcasting in the communication practices of the BBC]. Sovremennyy diskurs-analiz. Diskursnye praktiki v kinematografe i mass-media [Discourse practices in cinematography and mass media.]. Iss. 25. Available at: <http://www.discourseanalysis.org/ada25/st282.shtml> (accessed: 02.06. 2020).
7. Oreshkina N. 2004. Bi-bi-si mezhdru politizatsiey i kommertsializatsiey [BBC between politicization and commercialization]. Medi@lmanah, 7 (4-5): 34–48. Available at: http://mediaalmanah.ru/files/2004/2004_4-5_0.pdf (accessed: 12.01.2021).
8. Pokrovskaya S.I. 2010. Zhanr miniseriala Bi-bi-si v usloviyakh kommertsializatsii televideniya Velikobritanii [The Genre of the BBC Miniseries in the Context of UK Television Commercialization]. Dis. ... Cand. philol. sciences. M., 213 p.
9. Shamporova Yu.S. 2016. Tendentsii v razvitiy obshchestvennogo teleradioveshchatelya Bi-bi-si v period perekhoda na tsifrovoe rasprostranenie programm (2006–2014 gg.) [Trends in the Development of the BBC Public Broadcaster during the Digital Transition of Programs (2006–2014)]. Dis. ... Cand. philol. sciences. M., 206 p.
10. Yakunin S.A. 2019. Lingvisticheskie sredstva vedeniya informatsionnoy voyny [Linguistic Means of Information Warfare]. Politicheskaya lingvistika, 3 (75): 77-82. DOI 10.26170/pl19-03-09

11. Aitken R. 2008. Can We Trust the BBC? United Kingdom, Published by Bloomsbury Publishing PLC, 256 p.
12. Allan S. 2010. News Culture. Issues in Cultural and Media Studies. Maidenhead, McGraw Hill - Open University Press, 311 p.
13. Curran J., Seaton J. 2009. Power Without Responsibility: Press, Broad-casting and the Internet in Britain. Routledge, 448 p.
14. Jakubowicz K. 2011. Media revolution in Europe: ahead of the curve. Strasbourg, Council of Europe Publishing, 609 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Максимова Татьяна Игоревна, ассистент кафедры журналистики института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatyana I. Maksimova, Assistant of the Department of Journalism, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

УДК 070 (091)
DOI 10.18413/2712-7451-2021-40-1-16-27

Северокавказская региональная пресса как фактор большевистского тоталитарного режима

Турпалов Л.А.

Комплексный научно-исследовательский институт им. Х. Ибрагимова Российской академии наук
Россия, 364051, г. Грозный, Старопромысловское шоссе, д. 21а
E-mail: kniiran@mail.ru

Аннотация. Утверждение Советской власти на Северном Кавказе было во многом обусловлено поддержкой национальных движений. Журналистика использовалась властью в качестве инструмента социально-политического управления обществом и средством формирования авторитарно-тоталитарного мышления. В советской исторической науке сложилась концепция, которая утверждала, что большевистская авторитарная система с присущей ей практикой массовых репрессий и ограничений свободы слова сложилась в 1930-х годах в процессе укрепления сталинского режима под лозунгом обострения классовой борьбы по мере продвижения к социализму. Немало сторонников данной концепции в России и сегодня. Отдельными политиками и учеными все еще предпринимаются попытки реабилитации коммунистической теории под знаменем ленинизма, не связывая ее со сталинским «кровавым террором». До сих пор не дана объективная оценка роли местных СМИ в идеологическом обеспечении массовых репрессий на Северном Кавказе. Автором предпринята попытка пересмотреть некоторые утверждения и тезисы исследований, выполненных в эпоху коммунистического авторитаризма, что позволяет продемонстрировать несостоятельность мифа о массовой поддержке в крае идеологических установок большевистской партократии.

Ключевые слова: история северокавказской журналистики, пресса большевистского тоталитаризма.

Для цитирования: Турпалов Л.А. 2021. Северокавказская региональная пресса как фактор большевистского тоталитарного режима. Вопросы журналистики, педагогики, языкознания, 40 (1): 16–27. DOI 10.18413/2712-7451-2021-40-1-16-27

North Caucasian regional press as an actor of the Bolshevik totalitarian regime

Lema A. Turpalov

Kh. Ibragimov Complex Institute of the Russian Academy of Sciences (CIRAS)
21a Staropromyslovskoe highway, Grozny, 364051, Russian Federation
E-mail: kniiran@mail.ru

Abstract. The establishment of Soviet power in the North Caucasus was largely due to the support of national movements. Journalism was used by the authorities as an instrument of socio-political management of society and as a means of shaping authoritarian-totalitarian thinking. Soviet historical science developed a concept which argued that the Bolshevik authoritarian system, with its characteristic practice of mass repression and restrictions of freedom of speech, emerged in the 1930s in the process of consolidation of the Stalinist regime under the slogan of "intensifying the class struggle as one moves toward socialism". There are still many proponents of this concept in Russia today. Some politicians and scholars are still trying to rehabilitate communist theory under the banner of Leninism, without connecting it to Stalin's "bloody terror. An objective assessment of the role of local media in the ideological support of mass repressions in the North Caucasus has not yet been given. The author has made an attempt to revise some of the assertions and theses of studies carried out in the era of communist authoritarianism, which allows us to demonstrate the invalidity of the myth

of mass support in the region for the ideological guidelines of the Bolshevik partyocracy. The work aims to identify the main trends in the transformation of the system of journalism of the peoples of the Northern Caucasus into a mouthpiece of Bolshevik power, to show the place of the press in the ideological context of Soviet totalitarianism. The article is a continuation of the author's works, devoted to the formation of the periodical press in the North Caucasus during the years of socialist modernization in 1917–1930. The methodology of the study is based on the principle of historicism, which reveals the interconnection and interdependence of social processes and the functioning of the press in specific historical conditions, as well as content analysis of periodicals.

Keywords: history of North Caucasian journalism, press of Bolshevik totalitarianism.

For citation: Turpalov L.A., 2021. North Caucasian regional press as an actor of the Bolshevik totalitarian regime. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 40 (1): 16–27 (in Russian). DOI 10.18413/2712-7451-2021-40-1-16-27

Введение

Система журналистики большевистского авторитарного режима в 1917–1938 годы складывалась под воздействием многочисленных, порой противоречивых как объективных, так и субъективных факторов. Одним из таких факторов является использование СМИ в решении идеологических, политических и социальных задач, поставленных правящей партией в контексте зарождения и функционирования государства тоталитарного типа. Эти процессы в национальных автономиях, которые отставали от центральных областей советского государства во всех отношениях, а особенно по уровню образованности, имели свои особенности. Как утверждают Е.В. Ахмадулин и А.И. Станько, «исследование одного из звеньев общей цепи местной печати России имеет историко-теоретическое и методологическое значение» для выявления тенденций развития всей отечественной журналистики [Ахмадулин, Станько. 2014, с. 7]. Между тем этот аспект деятельности большевистской партии по контролю над прессой Северного Кавказа все еще остается малоисследованным и не получил соответствующей оценки, что способствует, с одной стороны, искажению картины, характерной для журналистики края первых десятилетий социалистического строительства, с другой, появлению в литературе противоречащих друг другу утверждений. Это присуще даже исследованиям, выполненным в постсоветское время. Так, в работах, посвященных становлению прессы северокавказских регионов [Хуако, 1991; Ахмедов, Камалов, 2006; Гусейнова, 2000; Амерханова, 2013], содержатся тезисы о ведущей роли местной печати в успешном осуществлении коллективизации, в разоблачении так называемых «врагов народа». В исследованиях других северокавказских ученых [Магулаевой, 2010; Каражаевой, 2003; Текеевой, 2003] обозначены противоположные подходы о негативной роли журналистики в ходе репрессий 1920–1930-х годов. Однако все-сторонне эта тема не разработана.

Не стали объектом исследования вопросы, касающиеся провокационной деятельности органов печати по созданию атмосферы подозрительности в обществе, практика организации писем-доносов от имени рабочих и сельских корреспондентов, активистов местных советских учреждений, присуждения «ишачьих премий», «орденов буйвола» и т. д. Поэтому все еще актуальна задача переосмысления и дополнения научных представлений об истории краевой журналистики. Исследование механизмов использования СМИ как дубинки против оппозиции в советский период очень важно в современных условиях, чтобы избежать возвращения к авторитаризму [Турпалов, 2015, с. 150]. Между тем тенденции такой трансформации заметны в сегодняшних СМИ. По крайней мере, на северном Кавказе в последнее время резко усилилась вмешательство властей в сферу журналистики.

Автором поставлена цель выявить основные тенденции трансформации системы журналистики народностей Северного Кавказа в рупор большевистской власти, показать место прессы в идеологическом контексте советского тоталитаризма.

Статья является продолжением работ автора, посвященных вопросам становления системы периодической печати на Северном Кавказе в годы социалистической модернизации в 1917–1930-е годы [Турпалов, 2015, 2020].

Впервые в статье введены в научный оборот воспоминания одного из участников описываемых событий, известного западного критика теории и практики большевизма Абдурахмана Авторханов, выходца с Северного Кавказа.

Методология исследования основана на принципе историзма, который позволяет выявить взаимосвязанность и взаимозависимость социальных процессов и функционирования прессы в конкретных исторических условиях, а также контент-анализе периодических изданий.

Зарождение тоталитарной модели прессы в автономиях Северного Кавказа

Монополию на средства массовой информации и пропаганды большевистская партия ввела сразу после октябрьского (1917) переворота. Основа для системы однопартийной журналистики была заложена уже в первые дни революции. Известный западный советолог А. Авторханов утверждает, что «полоса духовных и физических репрессий в стране <...> началась на второй же день после победы революции – надо было очистить почву для победы социализма в стране в "фантастический короткий срок" – в шесть месяцев!» [Авторханов, 1990, с. 320]. «Прежде всего Ленин, как предпосылку к уничтожению "врагов народа" <...>, – пишет он, – создал два важнейших механизма диктатуры: цензуру для уничтожения свободы слова и политическую полицию с чрезвычайными правами для уничтожения "врагов народа" без суда и следствия. <...> Она была создана, когда не было ни "белого террора", ни гражданской войны – через месяц и 20 дней после прихода к власти, а именно 7(20) декабря 1917 года» [Авторханов, 1990, с. 320].

Сегодня нельзя обойти вопросы участия СМИ в укреплении сталинского тоталитарного режима. Как утверждает историк журналистики Р.П. Овсепян, «советская журналистика всей своей деятельностью способствовала созданию культа личности Сталина. ...Пресса стала трибуной идейно-теоретического обоснования сталинизма» [Овсепян, 1999, с. 110].

Большевистская партократия, отмечает исследователь К.С. Гаджиев, в своем стремлении подавить всякое инакомыслие, монополизировать общественное мнение и установить вездесущий контроль над всеми сферами жизни общества использовала различные пропагандистские кампании по разоблачению мнимых «врагов народа», по идеологическому обеспечению массового террора против граждан, развернутого в 1920–1930-е годы [Гаджиев, 1993, с. 169].

Особенно негативно отразились репрессии на духовную сферу малых народов. Немногочисленная прослойка национальной интеллигенции, которая только начала складываться, была практически уничтожена. «Большой урон для литературы был нанесен политическими репрессиями 1930-х годов, – отмечает историк прессы Карачаево-Черкессии Э. Н. Урусова. – В сталинских тюрьмах и лагерях погибли молодой и талантливый поэт Азрет Уртенев, публицист и литературовед Ислам Хубиев (Карачайлы), ученый и государственный деятель Умар Алиев, деятели культуры, представители интеллигенции Саид Халимов, Курман Курджиев, писатели Хасан Аппаев и многие др. [Урусова, 2006, с. 81]. Характеризуя последствия этой политики большевистской партии для развития местной журналистики, исследователь З.Ю. Хуако пишет: «С конца 20-х годов, когда в идеологии и на практике взяли верх властно-административные методы управления, пресса становится средством агитационно-пропагандистского обеспечения курса на жесткую систему

централизации и командования. Тенденция к жесткой централизации власти, когда приоритет отдавался принуждению и насилию по отношению к личности, породила социально-политические деформации, которые своим деструктивным воздействием не обошли и печать. Это отразилось, прежде всего, на формировании системы печати национальных образований, когда из центра диктовалось, какое издание, какую сеть газет и журналов иметь в той или иной автономной республике и области» [Хуако, 1991, с. 244]. Вообще заслуги прессы и журналистов в становлении и «обслуживании» тоталитарных режимов, по мнению Т.М. Горяевой, не только значительны, но и определяющи. Подмена нравственных основ в понимании сущности профессиональной этики журналистов принципами «партийности печати и литературы» обусловила функции и характер советских СМИ [Горяева, 2009, с. 9].

Заявленный большевистской партией в качестве основного курса на победу коммунизма в мировом масштабе не воплотился в конкретный план преобразований в России после установления диктатуры пролетариата. Бессистемные реформы, «поспешная и непродуманная национализация собственности, запрет свободной торговли, сокращение денежного обращения, внедрение практики временного выборного коллективного управления производственной сферой имели для народного хозяйства страны негативные последствия» [Анфертьев, 2019, с. 8]. Ужесточение внутренней репрессивной политики на практике преследовало цель массовой мобилизации населения на реализацию идеи мировой пролетарской революции. Неразработанный в теоретическом и практическом отношении проект переустройства мира на новых идеологических основаниях, тем более с опорой на единственную и немногочисленную социальную группу – большевистскую часть РСДРП, не мог иметь перспективу.

Волонтаристские шаги партии перманентно порождали кризисные ситуации. Однако, чтобы скрыть свою неумелую политику, большевистское руководство страны перекладывало ответственность на мифических «врагов народа». А чтобы население не сомневалось в их реальности, регулярно проводились «чистки» на всех уровнях, даже среди соратников по революционному прошлому. Чаще всего жертвами репрессий становились представители образованной прослойки общества и руководящие кадры, так как выдвигать обвинения в идеологическом перерождении или «шпионаже в пользу империалистических государств» против малограмотных или неграмотных рабочих и крестьян было абсурдно даже в условиях тоталитаризма. С другой стороны, с целью закрепить и упрочить правящее положение в партии, ее лидеры и ближайшее окружение применяли превентивное удаление из нижестоящих эшелонов властной партийной вертикали возможных соперников. Замена репрессированных кадров велась не с учетом деловых качеств кандидатов, наличия образования. В приоритете были такие критерии, как управляемость, демонстрация идеологической приверженности, участие в пропагандистских кампаниях.

Как отмечает эксперт Независимого Института Коммуникативистики А. Цуладзе, при коммунистическом режиме «СМИ отводится роль приводного ремня государственного аппарата. Задача СМИ – создавать ту "картину мира", которая выгодна аппарату, а не обществу» [Цуладзе, 2004, с. 3]. И в соответствии с этой моделью проблема взаимодействия государства и СМИ решалась жесткой системой запретов, четкими правилами «политкорректности», которым должны были следовать все журналисты.

Пресса как карательное средство во внутрипартийной борьбе большевистских вождей

Партийно-советские СМИ, принадлежавшие монополю одной партии, а на практике – узкой партийной верхушке, которая занимала руководящую роль как в государстве, так и в обществе, выступали не только как рупор коммунистической идеологии, но и как инструмент публичной порки малейшего поползновения к оппозиции.

С целью манипулирования массовым сознанием в прессе в 1920-е и особенно в 1930-е годы была развернута беспрецедентная идеологическая кампания. Как правило, травля очередной группировки, обвиненной в мелкобуржуазности или причастности к шпионской, диверсионной деятельности, начиналась в ведущих центральных газетах. Затем, как метастазы, разоблачительные публикации расплозились по всем местным изданиям. Известно, что из центра рассылались разнарядки, сколько человек должны быть репрессированы на местах. Конечно, печать Северного Кавказа, как и вся партийно-советская журналистика, тоже помогала карательным органам выполнять этот большевистский заказ. Как утверждает Х.А. Текеева, «национальная пресса в силу своей принадлежности партийным комитетам не смогла избежать рокового участия в репрессивной машине сталинской эпохи. Будучи органами партийных комитетов, периодические издания национальных регионов участвовали во всех политических кампаниях, которые приносили и позитивные, и негативные, с точки зрения истории, результаты» [Текеева, 2003, с. 98]. Так, непосредственным толчком к началу чисток в Карачаево-Черкессии послужила опубликованная 15 сентября 1928 года в «Правде» статья «Карачаевский заповедник», после обсуждения которой V пленум областного комитета ВКП(б) и областной контрольной комиссии констатировал «засоренность советского аппарата чуждыми людьми» и призвал к «решительной чистке советского и кооперативного аппарата от антисоветских и контрреволюционных элементов» [Бекижев, 1978, с. 141]. 25 ноября 1928 г. в областной газете был помещен «План областной комиссии по чистке советско-кооперативных и других общественных учреждений КАО», где особо отмечалось, что «комиссия гарантирует подавшим заявление на лиц, подлежащих чистке, сохранение фамилий и местожительства в тайне»¹. А в руководящей статье следующего номера редакция призывала «все трудящиеся массы Карачая» проявить «всю свою инициативу в помощи комиссии по выявлению враждебных нам элементов»².

Демонстрируя готовность выполнять директивы партийных комитетов, редакции областных газет открывали специальные рубрики для разоблачения «чуждых, примазавшихся, перерожденцев»: «Чистка в Карачае», «Время чистки в партии и комсомоле», «Дурную траву с поля вон», «Листок Рабоче-Крестьянской Инспекции» [Магулаева, 2010, с. 88]. Поскольку внутривластные чистки следовали в стране одна за другой, в прессе с окончанием одной кампании вскоре открывалась следующая. Так, газета «Таулу джашау» 2 декабря 1928 г. констатировала: «Чистка в Карачае началась»; несколько месяцев спустя сообщала: «Надо подготовиться к чистке партии»; 3 декабря 1929 г.: «Чистка закончилась», а 11 ноября 1930 г. снова призывала: «Подготовимся к чистке антисоветских элементов в партаппарате».

В период проведения коллективизации местные партийные и советские органы при поддержке своих печатных изданий не только стремились выполнить разнарядку на раскулачивание, но и стали широко применять перевод середняков в разряд кулаков, чтобы перевыполнить спущенный сверху план. В национальных республиках и областях Северного Кавказа, как, впрочем, во всех национальных регионах, эта деятельность проводилась под лозунгом борьбы с якобы национализмом в унижительной для народностей форме бичевания народных традиций и обычаев, религиозности населения. Повсеместное распространение получило «перекрытие норм», «контрольных цифр», «заданий» по раскулачиванию. В газетах появлялись заметки и корреспонденции, рассказывавшие о том, кого и где раскулачивали, как передавали их дома и имущество беднякам. Нередко в печати публиковались письма селькоров, в которых назывались фамилии тех, кто, по мнению авторов, был кулаком или «подкулачником». Такие газетные материалы являлись основанием для последующих репрессий и высылки. Главный большевистский орган «Правда» так оценил в статье

¹ Таулу джашау. – 1928. – № 190.

² Таулу джашау. – 1928. – № 191.

под названием «Сделать все выводы из процесса» деятельность печатных изданий в организации травли так называемых уклонистов, которые сами и не ведали, что таковыми являются: «...Велика и роль печати в ликвидации последствий вредительства... Она вела и разоблачительную работу, вскрывая безобразия, но, очевидно, далеко недостаточно»¹. В советской периодике стало характерным приклеивание ярлыков к так называемым «правым» или «левым» уклонистам [Волкова, 2013, с. 39]. Пример подавали вожди партии. Все неудачи советской власти они связывали с этими мифическими «врагами народа». Их называли «лакеями» кулачества². Для их характеристики в публикациях выстраивались сложные словесные конструкции, суть которых читателю невозможно было понять.

Новый виток разоблачений «контрреволюционеров» по всей стране начался после февральского (1937) пленума ЦК ВКП (б), на котором выступил И. Сталин с критикой в адрес местных руководителей за недостаточно последовательную борьбу с «врагами народа». В «Правде» 26 января 1937 года была опубликована статья «Троцкистская шайка реставраторов капитализма» по итогам судебной расправы над так называемым блоком правых уклонистов. И уже 27 января появилась ее перепечатка в органе Чечено-Ингушского обкома ВКП(б) «Грозненский рабочий». В том же номере под рубрикой «Суровая рука закона сметет с лица земли троцкистскую нечисть» были опубликованы письма трудящихся, в которых осуждались известные деятели государства, якобы готовившие переворот в стране. Только непонятно, как успели читатели прислать отклики на публикацию в тот же день. Ведь номер за 27 января сдавался в печать 26-го. Заголовки «писем» читателей говорят сами за себя: «Лютые враги партии Ленина-Сталина, фашистские выродки-троцкисты ставили целью насильственное свержение советской власти, чтобы лишить нас величайших завоеваний». Подобные подборки печатались в каждом номере несколько недель. Это было характерно для всей местной партийно-советской прессы. Также под рубрикой «Письма» в «Пролетарии Осетии» уже 27 января опубликованы отклики читателей с заголовками «Выкорчевать до конца последышей Троцкого – презренных предателей родины», «Мерзавцам – высшую меру наказания».

Подобная пропаганда шла повсеместно. Так, состоявшаяся 26 мая – 3 июня 1937 года XIV конференция Дагестанской областной партийной организации, прошла под флагом усиления борьбы с «буржуазными националистами». К их числу были отнесены даже старые большевики, которые фактически устанавливали Советскую власть в республике. Среди них председатель Совнаркома ДАССР К. Мамедбеков и председатель Дагестанского ЦИКа М. Далгат. Вина первого заключалась, по утверждениям выступавших, в том, что он на заседании бюро обкома «не очень твердо голосовал за исключение из партии» Б. Астамирова, обвиненного в принадлежности к троцкистской оппозиции, а второго обвинили за то, что не выступил против своего брата [Какагасанов и др., 1997, с. 16].

Травля видных руководителей республики, которые якобы проявляют нерешительность в борьбе с «врагами народа», развернулась на страницах местной прессы. Газеты выходили под аншлагами «До конца разоблачить и разгромить буржуазных националистов», «Вредителей в сельском хозяйстве – к суровой ответственности», «Отребье буржуазно-националистической нечисти в Каякентском районе», «Когда будет уничтожен классовый враг».

В «Дагестанской правде» 12 сентября появилась статья без подписи «Выкорчевать и разгромить до конца буржуазных националистов», которая содержала бездоказательные обвинения в адрес заслуженных общественных деятелей, по сути дела, призывала расправиться с ними.

Публикации республиканской печати на эту тему получили поддержку центральных изданий. В «Правде», «Известиях», «Комсомольской правде» в сентябре одна за дру-

¹ Правда, 1937, 2 февраля.

² Коганович Л. 1932. Задачи украинских большевиков в работе на селе. Партийное строительство, 14, С. 3.

гой появились статьи, о направленности которых можно судить только по названиям: «Политические слепцы в Дагестанском обкоме», «Буржуазные националисты орудуют в Дагестане», «Гнилая позиция Дагестанского обкома», которые недвусмысленно призывали к карательным мерам против руководства республики. Явно провокационную роль сыграла последняя публикация в руководящем органе ЦК ВКП (б) специального корреспондента «Правды» М. Мзенина. Статья была направлена непосредственно против республиканского руководства и содержала огульные обвинения. «Буржуазные националисты вкупе с троцкистами, шпионами и диверсантами – Коркмасов, Шовринский, Астемиров, «литератор» Лелевич – пробрались в руководящие советские и партийные органы, – клеймит автор известных местных деятелей. – В течение ряда лет они предавали народы многонациональной республики, хотели вернуть власть князьям, помещикам и духовенству... Председатель Дагестанского ЦИК и член бюро обкома Магомед Далгат – близкий друг разоблаченных врагов Габиева, Ковалева, Коркмасова – всегда считал этих презренных выродков своими «идейными» руководителями. <...> Не менее ясна антипартийная физиономия председателя Совнаркома Дагестана... Керима Мамедбекова. <...> Отлично понимая исключительную роль печати в Дагестане, буржуазные националисты усиленно засоряли аппарат издательств и редакций крупных республиканских газет — на русском, аварском и кумыкском языках темными элементами, бывшими белыми офицерами, кулацкими и поповскими сынками... Секретарь обкома тов. Самурский располагает всеми материалами о действиях буржуазных националистов. Но он, странно, непонятно, бездействует, – и заканчивает призывом. – До каких пор будет терпеть Дагестанская партийная организация такое положение»¹. Одной публикацией было обвинено практически все руководство Дагестана. И не одного конкретного факта. Уже 26 сентября, через день после появления публикации в «Правде» (номер еще не успел поступить в продажу подписчикам в Дагестане), бюро обкома партии исключило из рядов ВКП (б) М. Далгата и К. Мамедбекова. В тот же день оба они были арестованы органами НКВД. Обсуждение статьи в партийных организациях республики продолжалось в течение трех месяцев. В итоге этой кампании к концу 1937 года были исключены из партии, сняты с работы и репрессированы 330 человек. Даже через год все еще слышались ее отголоски. На XIV конференции Дагестанской областной партийной организации в июне 1938 году первый секретарь обкома М. Сорокин сообщал, что после выхода статьи М. Мзенина в обком поступило более 1500 заявлений на 400 партийно-советских работников республиканского и районного звена, руководителей предприятий и организаций с сигналами о их политической неблагонадежности и большинство – по его словам – подтвердилось [Какагасанов и др., 1997, сс. 22, 28, 32]. Авторханов отметил, что «при Ленине чекистская машина была инструментом партии, а при Сталине сама партия превратилась в инструмент чекистской машины» [Авторханов, 1990, с. 321].

Трасформация в рупор сталинского режима

Пресса использовалась, как цепная собака, для организации травли надуманных «врагов народа», как выражались большевистские лидеры, там, где, по их мнению, была ослаблена «большевистская бдительность». Редакция постоянно напоминали в директивной форме, чтобы в публикациях разоблачались попытки проникновения в журналистику «врагов народа», их стремление захватить в свои руки газеты, «притупить такое острое орудие борьбы, как печать, обратив его против партии», «пролезть в аппарат газет, журналов и издательств». Журналисты вынуждены были заниматься не столько информационной деятельностью, сколько пропагандой, чаще всего, искажая действительность по указке партийных комитетов. Чтобы выполнить поставленные перед ними задачи, прихо-

¹ Дагестанская правда, 1937, 25 сентября

дилось использовать глобальную и своего рода системную ложь, которую А.В. Видяева назвала «черной» пропагандой» [Видяева, 2014, сс. 25, 27]. Информация становится дезинформацией во всех случаях, «когда надо скрыть имеющуюся действительность и когда надо построить «новую» – отмечает К. В. Бахнян [1983, с. 49]. Применительно к советской действительности такая ситуация была повсеместной. И везде редакции использовали различные способы искажения действительности. Как пишет Н.А. Купнина, в результате тотальной идеологизации общества «появляется огромное количество людей, слушающих, не слыша и говорящих, не думая», а тоталитарное общество в целом становится обществом двоедушия» [Купина, 1995, с. 3].

Разгром так называемых оппозиционных блоков открыл путь к окончательному утверждению административно-командного государства в стране. Тоталитаризм утвердился как форма государственного управления, впервые так четко проявивший себя в период раскулачивания. Миллионы людей стали узниками ГУЛАГа, дармовой силой в осуществлении планов индустриализации, в выполнении заданий первых пятилеток.

В деятельности прессы конца 1920-х и в 1930-е годы было немало трудностей и ошибок. Особенно это касалось местных изданий, которые по многим причинам, и в первую очередь из-за того, что местная партийная бюрократия была намного менее образованная, чем в столицах, и, соответственно, больше занималась демагогией и страховалась от обвинений в уклоне от генеральной линии партии. «Пресса Северного Кавказа в силу своего положения в обществе всегда считалась рупором новой власти и выполняла ее политический заказ осознанно, – указывает на эту особенность Х.А. Текеева. – Нельзя полагать, что она была вне этого и не имела никого отношения к формированию и укреплению репрессивной машины в лице государственных и местных институтов управления обществом» [Текеева, 2003, с. 100]. Это было характерно для всей краевой печати. «Лакская пресса внесла... свою незавидную лепту в претворении в жизнь ошибочных решений властей в общественно-политическом, хозяйственном и культурном строительстве в Дагестане, – подчеркивает М.Ш. Гусейнова. – И это объяснимо, поскольку она являлась "проводником линии партии", и о ее "оппозиционности" к режиму не могло быть и речи» [Гусейнова, 2000, с. 175].

Большевистские лидеры как в центре, так и на местах стремились скрывать собственные ошибки, перекалывая вину на конкретных исполнителей среднего и низшего звена руководящего состава, отмечает И.А. Анфертьев. В качестве идеологической маскировки подлинных причин кризисных явлений муссировались ожидание мировой революции, происки внутренних и внешних врагов, корыстолюбие сельских тружеников. Кампании по подписке на государственные займы, организации бесплатного труда (субботники, воскресники), «социалистического» соревнования, борьбы с «волокитой, спекуляцией, разгильдяйством и бюрократизмом» свидетельствовали о растерянности партийных руководителей из-за невозможности реализовать на практике иллюзорные доктринальные установки учения марксизма-ленинизма [Анфертьев, 2019, с. 12].

По утверждению Н. М. Тобольцевой, пропагандируя классовую ненависть, пресса в годы «красного террора» превратилась в орудие массового устрашения, что является одной из основных ее характеристик как журналистики авторитарного режима. На страницах газет декларировалась система ограничений и запретов, при этом демонстрировалось, чем грозит их нарушение. Устрашение стало одним из средств воздействия на сознание. Таким способом культивировался в людях страх в качестве определяющего побудительного мотива поведения [Тобольцева, 2004, с. 27]. Таким образом, в качестве основного формировался пропагандистский механизм, наиболее полно отвечающий целям больше-

вистской власти и ставший одним из наиболее характерных способов воздействия в системе пропаганды при тоталитаризме.

Заключение

Способствуя развитию экономики, культуры, просвещения, северокавказская региональная пресса в 1920–1930-е годы оказалась подчиненной политизированной административно-командной системе, абсолютно лишенной самостоятельности. Перекосы особенно сильными были в идеологической сфере. Пресса создавала и навязывала аудитории выдуманную партократией картину советской действительности. Даже очевидные искажения признанной непогрешимой теории коммунизма не становились темой выступлений. Когда Центральный комитет иногда вынужден был отменять свои же неверные решения, страницы газет заполнялись дифирамбами в адрес вождей. Складывалась парадоксальная ситуация: решения принимались на самом верху, а отвечать за ошибки приходилось низшим эшелонам власти, которые вообще лишены были самостоятельности.

В публикациях замалчивалось все, что могло бросить тень на руководящую роль коммунистической партии, посеять сомнение в абсолютной правильности ее линии, хотя внутривнутрипартийная борьба шла именно среди вождей. Конечно, верх одерживали более искусные кукловоды. А журналистика ими использовалась как политический пресс и средство расправы со своими оппонентами, проводник идеологии классовой борьбы и ее обострения по мере продвижения страны к социализму.

Нужно признать, что в формировании сталинского режима печать сыграла важную роль как орудие административно-командной системы. Пресса в условиях тоталитарного режима стала средством формирования культа личности Сталина, жестким орудием осуществления административно-командного давления, средством расправы с теми, кто не выполнял указаний и директив самой печати. Массы, вырванные из привычного социального контекста, зачастую овладевшие лишь элементарной грамотностью, представляли собой благоприятную почву для восприятия официальной идеологии через централизованную пропагандистскую систему.

Между тем развязанные сталинским режимом репрессии имели более тяжелые последствия для окраин в силу того, что только родившаяся и немногочисленная национальная интеллигенция была уничтожена на корню. Местные власти в своем рвении зачастую превосходили центральные. Перегибы на местах стали постоянной составной частью советской политической культуры и как реальность, и как своеобразное «алиби» для политического руководства.

Настойчивое проведение местными СМИ авторитарной идеологии способствовало тому, что она проникала во все сферы не только экономической, но и духовной жизни горского общества. Журналистика в 1920–1930-е годы оказалась полностью подчиненной административно-командной системе и лишенной самой незначительной самостоятельности.

Анализ исследований, посвященных истории развития журналистики на Северном Кавказе в годы социалистических преобразований, содержания изданий, партийных документов, новых источников, которые не были доступны в советский период, позволяет опровергнуть сложившийся стереотип о том, что коммунистическая идеология принесла горским народам освобождение от мракобесия. Автором впервые обобщены и систематизированы результаты исследований по истории журналистики Северного Кавказа периода формирования большевистского тоталитарного режима.

Список источников

1. Авторханов А.Г. 1990. Ленин в судьбах России. Размышления историка. Garmisch-Partenkirchen: Prometheus-verlag. 448 с.

2. Горяева Т.М. 2009. Радио России. Политический контроль советского радиовещания в 1920-1930-х годах. Документированная история. М., РОССПЭН; Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 159 с.
3. Овсепян Р.П. 1999. История новейшей отечественной журналистики. Под ред. Я.Н. Засурского. М., Изд-во МГУ, 304 с.
4. Репрессии 30-х годов в Дагестане. 1997. Документы и материалы. Сост. Г.И. Какагасанов, М.Д. Бутаев, Р.И. Джамбулатова. Махачкала, Изд-во «Юпитер», 528 с.

Список литературы

1. Амерханова Л.Р. 2013. Становление и развитие ингушской национальной периодической печати в первой трети XX в. Дис. ... канд. истор. наук. М., 192 с.
2. Анфертьев И.А. 2019. РКП(б)-ВКП(б) и модернизация РСФСР/СССР в 1920–1930-е гг.: программы преобразований и борьба за власть. Дис. ... докт. истор. наук. М., 789 с.
3. Ахмадулин Е. В., Станько А. И. Региональная печать Дона и Северного Кавказа. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального ун-та, 2014. 370 с.
4. Ахмедов Д., Камалов А. 2006. Столетие дагестанской прессы. История возникновения, становления и развития журналистики Страны гор. Махачкала, Союз журналистов РД, 252 с.
5. Бахнян К.В. 1983. Язык и идеология: социолингвистический аспект. В кн. Язык как средство идеологического воздействия. Под ред. Ф.М. Березина. М., ИНИОН АН СССР: 34–58.
6. Бекижев М.М. 1978. Формирование социалистической интеллигенции у народов Северного Кавказа (1917–1941 гг.). Ставрополь, Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, 286 с.
7. Видяева А.В. 2014. Отражение политических репрессий 30-х гг. XX в. в периодической печати Мордовии. Дис. ... канд. филолог. наук. Саранск, 180 с.
8. Волкова Е. П. 2013. Феномен «врага народа» в советской печати конца 1920-х – первой половине 1930-х гг.: по материалам центральных партийных изданий. Дис. ... канд. филолог. наук. М., 228 с.
9. Гаджиев К.С. 1993. Фашизм и большевизм: облики тоталитаризма. В кн.: Тоталитаризм: что это такое? Сборник статей, обзоров, рефератов, переводов. Под ред. Л.Н. Верченова. Ч. 2. М., ИНИОН РАН: 156–184.
10. Гусейнова М.Ш. 2000. Становление и развитие лакской национальной прессы и ее роль в общественной, экономической и культурной жизни лакского народа, 1920–1953 гг. Дис. ... канд. историч. наук. Махачкала, 186 с.
11. Каражаева М.Б. 2003. Становление системы журналистики Северной Осетии: путь к автономии, 1917–1924 гг. Дис. ... канд. филолог. наук. Санкт-Петербург, 193 с.
12. Купина Н.А. 1995. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. Под ред. Т.В. Матвеевой. Екатеринбург – Пермь, Изд-во Урал. ун-та, ЗУУНЦ, 144 с.
13. Магулаева Ф.А. 2010. Становление и развитие прессы Карачая (1918–1959). Ставрополь, Изд-во СГУ, 288 с.
14. Текеева Х.А. 2003. Национальная печать Северного Кавказа: формирование, структура, тенденции (на материалах периодики Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Осетии. 1920–1936 гг.). Дис. ... канд. филолог. наук. М., 150 с.
15. Тобольцева Н.М. 2004. Тоталитаризм и журналистика. М., Фак. журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, 256 с.
16. Турпалов Л.А. 2020. Контроль над местной прессой как инструмент управления большевистского авторитарного режима в условиях Северного Кавказа (1917–1938 гг.). Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика, 3: 135–139.
17. Турпалов Л.А. 2015. Роль прессы в формировании системы сталинской партократии (к вопросу о публикации А. Авторханова в «Правде» об ошибках при проведении коллективизации на Северном Кавказе). Вестник Чеченского государственного университета, 4: 146–150.
18. Урусова Э. Н. 2006. Возникновение и развитие журналистики Карачаево-Черкесии: национально-культурное своеобразие (конец XIX – середина XX вв.): дис. ... канд. филолог. наук. Санкт-Петербург, 225 с.

19. Хуако З.Ю. 1991. Формирование системы печати в условиях советской автономии (на опыте партийно-советской прессы народов Северного Кавказа. 1920–1936 гг.). Дис. ... докт. историч. наук. М., 294 с.

20. Цуладзе А. 2004. СМИ в системе общественного диалога в контексте формирования установок толерантности. В кн.: Социальное насилие и толерантность: реальность и медиа-образы. URL: http://dzyalosh.ru/02-03-Vospriyatie-Ponimanie/nasilie/2_culadze.pdf (дата обращения: 31.10.2019)

References

1. Amerkhanova L.R. 2013. Stanovlenie i razvitie ingushskoy natsional'noy periodicheskoy pechati v pervoy treti KhKh v. [Formation and development of the Ingush national periodicals in the first third of the twentieth century]. Dis. ... Cand. history. sciences. M., 192 p.

2. Anfert'ev I.A. 2019. RKP(b)-VKP(b) i modernizatsiya RSFSR/SSSR v 1920–1930-e gg.: programmy preobrazovaniy i bor'ba za vlast' [RCP (b) -VKP (b) and the modernization of the RSFSR / USSR in the 1920s – 1930s: transformation programs and the struggle for power]. Dis. ... Doct. history. sciences. M., 789 p.

3. Akhmadulin E.V., Stanko A.I. 2014. Regionalnaya pechat Dona i Severnogo Kavkaza [Regional Press of the Don and North Caucasus]. Rostov-na-Donu. 370 p.

4. Akhmedov D., Kamalov A. 2006. Stoletie dagestanskoy pressy. Istoriya vzniknoveniya, stanovleniya i razvitiya zhurnalistiki Strany gor [Centenary of the Dagestan Press. The history of the origin, formation and development of journalism in the Country of mountains]. Makhachkala, Publ. Soyuz zhurnalistov RD, 252 p.

5. Bakhnyan K.V. 1983. Yazyk i ideologiya: sotsiolingvisticheskiy aspekt [Language and Ideology: Sociolinguistic Aspect]. In: Yazyk kak sredstvo ideologicheskogo vozdeystviya [Language as a means of ideological influence]. Ed. F.M. Berezin. M., Publ. INION AN SSSR: 34–58.

6. Bekizhev M.M. 1978. Formirovanie sotsialisticheskoy intelligentsii u narodov Severnogo Kavkaza (1917–1941 gg.) [Formation of the socialist intelligentsia among the peoples of the North Caucasus (1917–1941)]. Stavropol', Publ. Karachaevo-Cherkesskoe otделение Stavropol'skogo knizhnogo izdatel'stva, 286 p.

7. Vidyayeva A.V. 2014. Otrazhenie politicheskikh repressiy 30-kh gg. XX v. v periodicheskoy pechati Mordovii [Reflection of Political Repressions of the 30s. XX century in the periodicals of Mordovia]. Dis. ... Cand. philologist. Sciences. Saransk, 180 c.

8. Volkova E. P. 2013. Fenomen «vraga naroda» v sovetskoj pechati kontsa 1920-kh – pervoy polovine 1930-kh gg.: po materialam tsentral'nykh partiynykh izdaniy [The phenomenon of the "enemy of the people" in the Soviet press of the late 1920s – first half of the 1930s: based on materials from the central party publications]. Dis. ... Cand. philologist. sciences. M., 228 p.

9. Gadzhiev K.S. 1993. Fashizm i bol'shevizm: obliki totalitarizma [Fascism and Bolshevism: Forms of Totalitarianism]. In: Totalitarizm: chto eto takoe? Sbornik statey, obzorov, referatov, perevodov [Totalitarianism: What Is It? Collection of articles, reviews, abstracts, translations]. Ed. L. N. Verchenov. Ch. 2. M., INION RAN: 156–184.

10. Guseynova M.Sh. 2000. Stanovlenie i razvitie lakskoy natsional'noy pressy i ee rol' v obshchestvennoy, ekonomicheskoy i kul'turnoy zhizni lakskogo naroda, 1920–1953 gg. [Formation and development of the Lak national press and its role in the social, economic and cultural life of the Lak people, 1920-1953]. Dis. ... Cand. history. sciences, 186 p.

11. Karazhaeva M.B. 2003. Stanovlenie sistemy zhurnalistiki Severnoy Osetii: put' k avtonomii, 1917–1924 gg. [Formation of the journalism system in North Ossetia: the path to autonomy, 1917–1924]. Dis. ... Cand. philologist. Sciences. Sankt-Peterburg, 193 p.

12. Kupina N.A. 1995. Totalitarnyy yazyk: Slovar' i rechevye reaktsii [Totalitarian Language: Vocabulary and Speech Responses]. Ed. T.V. Matveeva. Ekaterinburg — Perm', Publ. Ural. un-ta, ZUUNTs, 144 p.

13. Magulaeva F.A. 2010. Stanovlenie i razvitie pressy Karachaya (1918–1959) [Formation and development of the press in Karachay (1918-1959)]. Stavropol', Publ. Izd-vo SGU, 288 p.

14. Tekeeva Kh.A. 2003. Natsional'naya pechat' Severnogo Kavkaza: formirovanie, struktura, tendentsii (na materialakh periodiki Kabardino-Balkarii, Karachaevo-Cherkessii, Osetii. 1920–1936 gg.) [National press of the North Caucasus: formation, structure, trends (based on materials from periodicals

of Kabardino-Balkaria, Karachay-Cherkessia, Ossetia. 1920–1936)]. Dis. ... Cand. philologist. sciences. M., 150 p.

15. Tobol'tseva N.M. 2004. Totalitarizm i zhurnalistika [Totalitarianism and Journalism]. M., Publ. Fak. zhurnalistiki MGU im. M.V. Lomonosova, 256 p.

16. Turpalov L.A. 2020. Control over the local press as an instrument of control of the Bolshevik authoritarian regime in the North Caucasus (1917–1938). Bulletin of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism, 3: 135–139 (in Russian).

17. Turpalov L.A. 2015. The role of the press in the formation of the system of the Stalinist partocracy (to the question of A. Avtorkhanov's publication in Pravda about mistakes in collectivization in the North Caucasus). Bulletin of the Chechen State University, 4: 146–150 (in Russian).

18. Urusova E.N. 2006. Vozniknoveniye i razvitiye zhurnalistiki Karachayevo-Cherkesii: natsional'no-kul'turnoye svoeyebraziye (konets XIX – seredina XX vv.) [The emergence and development of journalism in Karachay-Cherkessia: national-cultural identity (end of the nineteenth – mid-twentieth centuries)]: Dis. ... cand. philologist. sciences. St. Petersburg. 225 p.

19. Khuako Z.Yu. 1991. Formirovaniye sistemy pechati v usloviyakh sovetskoy avtonomii (na opyte partiyno-sovetskoy pressy narodov Severnogo Kavkaza. 1920–1936 gg.) [Formation of the press system in the conditions of Soviet autonomy (on the experience of the party-Soviet press of the peoples of the North Caucasus. 1920–1936)]. Dis. ... Doct. history. sciences. M., 294 p.

20. Tsuladze A. 2004. SMI v sisteme obshchestvennogo dialoga v kontekste formirovaniya ustanovok tolerantnosti [Media in the system of public dialogue in the context of the formation of tolerance attitudes]. In: Sotsial'noe nasilie i tolerantnost': real'nost' i media-obrazy [Social Violence and Tolerance: Reality and Media Images.]. Available at: http://dzyalosh.ru/02-03-Vospriyatie-Ponimanie/nasilie/2_culadze.pdf (accessed: 31.10.2020)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Турпалов Лема Абдоллаевич, ведущий научный сотрудник лаборатории историко-этнологических исследований Комплексного научно-исследовательского института им. Х. Ибрагимова Российской академии наук, г. Грозный, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lema A. Turpalov, Leading Researcher of the Laboratory of Historical and Ethnological Research, Kh. Ibragimov Complex Research Institute, the Russian Academy of Sciences, Grozny, Russia

УДК 083

DOI 10.18413/2712-7451-2021-40-1-28-38

Стиль современной западной публицистики как предмет научного изучения (на материале статей и эссе Дж. Барнса и Д. Рейфилда)

Хорольский В.В.

Воронежский государственный университет,
Россия, 394006, г. Воронеж, Университетская пл., 1
E-mail: Khorolbox@mail.ru

Аннотация. Анализ стиля и языка текстов считается фундаментом и магистральным направлением герменевтики и филологии, что на каждом историческом этапе развития гуманитаристики делает проблематику данного исследования неизбежно актуальной, несмотря на постоянный поток научных публикаций на эту тему. Целью нашего исследования стала характеристика целеполагающих языковых установок англоязычных авторов Дж. Барнса и Д. Рейфилда, анализ их иронического стиля, взятого в контексте эволюции постмодернистской эстетической игры. В результате выявлена функция голоса нарратора, фокусирующего политический и этический ландшафт Англии, сделаны выводы о необходимости использования разработок медиалингвистики при создании общей теории дискурсного анализа. Впервые рассмотрены некоторые новые аспекты толкования стиливых особенностей медийных текстов, в частности выявлены маркеры основного тона и «голоса» автора-повествователя в текстах Дж. Барнса и Д. Рейфилда, не всегда совпадающие с интонационным строем речи диегетического нарратора.

Ключевые слова: медийный текст, медийный дискурс, стиль, эссеизм, методология анализа текста.

Для цитирования: Хорольский В.В. 2021. Стиль современной западной публицистики как предмет научного изучения (на материале статей и эссе Дж. Барнса и Д. Рейфилда) Вопросы журналистики, педагогики, языкознания, 40 (1): 28–38. DOI 10.18413/2712-7451-2021-40-1-28-38

Style of contemporary Western public writing as the object of scientific scrutiny (after J. Barnes' s and D. Rayfield's articles and essays)

Viktor V. Khorolsky

Voronezh State University,
1 Universitetskaya Sq., Voronezh, 394006, Russian Federation
E-mail: Khorolbox@mail.ru

Abstract. Style and language analysis is considered to be the basis and the main trend of hermeneutics and philology, and due to the novelty of every historical turn in Humanities it makes the problems of this article ever-constantly new and relevant. The aim of the article was to characterize teleological linguistic inclinations of J. Barnes and D. Rayfield, narrative style of these authors and their irony connected with postmodern aesthetic play. The results: The conclusions are drawn about necessity of combining achievements of mass media theory and media linguistics for the sake of creating meta-theory of discourse analysis. The article deals with some new aspects of media texts style scrutiny, including markers of author-storyteller's main tone and "voice" differing from the voice of diegetic narrator in J. Barnes' s and D. Rayfield's articles and essays.

Key words: media text, media discourse, style, essays, methodology of text analysis.

For citation: Khorolsky V.V. 2021. Style of contemporary Western public writing as the object of scientific scrutiny (after J. Barnes' s and D. Rayfield's articles and essays). Issues in Journalism, Education, Linguistics, 40 (1): 28–38 (in Russian). DOI 10.18413/2712-7451-2021-40-1-28-38

Введение

Изучение стиля и языка медийных текстов (МТ), особенно так называемых культурологических публицистических текстов, отражающих бытие и восприятие художественно-эстетических ценностей, считается магистралью нескольких отраслей гуманитарных наук: дискуртологии, медиалингвистики, медиалогии, лингвостилистики и других. Влияние общей лингвистики в этом случае очень велико, но языковые особенности текстов не исчерпывают их художественности, тем более – медийности. Разграничение терминологических и функциональных векторов в стилевых регистрах МТ всегда было актуально, а новая методология анализа МТ, основанная на синтезе множества наук и разрабатываемая в России сравнительно не так интенсивно, как требует ситуация, требует обращения к опыту прошлого, чтобы с водой методических новаций не был выброшен «ребенок», рожденный классикой герменевтики.

Много значимых работ было посвящено изучению языка и стиля художественных текстов (ХТ) и публицистических текстов (ПТ), в том числе и созданных западными авторами [Лосев, 1977; Jucker, 1992; Кожемякин, 2018; Полонский, 2018]. Однако поток научных исследований не всегда может догнать журналистскую практику, особенно в эпоху Интернета. И научные критерии, и методика преподавания литературы в вузе, и процессы медиатизации в искусстве – всё это диктует новые законы познания и обсуждения МТ, что не отменяет универсальные законы познания мира по принципу дополнительности, с учетом диалектического единства новации и традиции. Столкновение традиционного и нового в науке о стиле также соответствует законам диалектики.

Необходимость постоянной переоценки методологических подходов и уточнения смысла художественно-эстетических и сложноорганизованных аналитических МТ, необходимость обновления терминосистемы при анализе медийных дискурсов (МД) в цифровую эпоху стала особенно очевидной в информационном («информационном», согласно М. Кастельсу) обществе [Хорольский, 2019, с. 24; Vuković, 2001; Couldry, 2010], где конвергенция жанров, стилей, форматов трансляции текстов привела к формированию феномена мультимедийности, что поменяло и формы многих традиционных МТ. Конвергенция жанров и стилей, возрастание роли гедонистической составляющей массовых коммуникаций, запрос студентов на использование «геймификации», визуализации и «эдьютейнмента» [Казак, 2010; McMahon, 2021] подтолкнули многих авторов к изучению постмодернистской техники привлечения внимания аудитории. Как известно, постмодернисты постоянно подчеркивали свою неприязнь по отношению к элитарным построениям эпохи модерна, отрицали метатеории и серьезно-патетические дискурсы, противопоставляя им тотальную иронию, реминисцентность и теории релятивизации ценностей, что импонировало широкой публике. Воспитанная на законах массового медиапотребления западная публика увидела родство привычной массовой культуры и продукта более интеллектуальных авторов-постмодернистов, осмеивающих данную культуру в сатирических эссе, иронически изображающих и масскульт, и потребителей духовного «фастфуда», и себя как творцов-пересмешников, пишущих для массовой неангажированной аудитории. Но в то же время это был еще один шаг навстречу обычным людям, которым некогда читать М. Пруста, Т. Манна или М. Бахтина. Как верно подметила Е. Варганова, «антропологический поворот» коснулся и отечественных медиаисследований, в которых изучение аудитории... стало более популярным» [Варганова, 2019, с. 8]. Усиление позиций медиа-

критиков и аналитиков МД, знакомых с проблемой таргетирования аудитории, исследователи справедливо связывают с усилением в социуме «мягкой силы» в управлении обществом: убеждать целесообразнее, чем приказывать и наказывать. Медийные дискурсы меняют ориентиры масс.

Исследователь А.В. Полонский так описывает базовые целевые задания дискурса массмедиа на современном этапе: «Опознание текущей социальной действительности..., информационно-мировоззренческое сопровождение жизни и деятельности человека... дискурс масс-медиа – механизм оперативного социально-когнитивного и ценностно-идеологического регулирования» [Полонский, 2018, с. 210]. Дискурс как совокупность текстов определенной тематико-смысловой направленности стал более ходовым термином, нежели дискурс как текст, погруженный в пространство культуры и являющийся квантом коммуникации и/или когниции. Орудием регулирования отношений в социуме часто выступают СМИ, СМК, пропагандистские акции и т.д., причем особенно значительный медиа-эффект демонстрируют те ПТ, которые тяготеют к художественности стиля. Другой ученый, говоря о методологии научного познания МТ и МД, констатировал, что сегодня важно внедрить в терминосистему медиалогии и детализировать понятие «конструктивизма», имея в виду «какая действительность создается текстами масс-медиа..., как (выделено нами. – В.Х.) текст становится действительностью» [Кожемякин, 2018, с. 161]. Иными словами, журналистика всегда и справедливо обращала первоочередное внимание на содержание (контент), а вопрос «как» оставался на периферии анализа МТ, что мешало ответить на вопрос «как текст становится реальностью психофизиологической жизни человека». Процесс восприятия подчас редуцировался к пониманию смысла как фабулы нарратива, а эмоциональное «прочувствование» и форма высказывания в МД и МТ оставалась на втором месте.

Запрос на формальную игру с читателем и игру в эстетическую игру с критикой вызвал к жизни новое обращение к приемам писателей, склонных к конструированию «фикциональной», домысливаемой или вовсе вымышленной реальности в МТ. Это парадоксальный феномен неомодернизма и постмодернизма в журналистике, реанимирующий традиции мифологизации обыденности. Мир, созданный авторами МТ с помощью нарративов и мифов, где «фактуальность» каждодневного опыта, подобие истинной картины мира, был нередко симулякром, копией копии обычного (фактуального) мира. Искажение научной и адекватной картины мира в СМИ порождает вымысел, что нормально и допустимо в ХТ, где критериями качества являются в первую очередь образность и эстетическое содержание, часто зависящее напрямую от стиля повествования. Еще в позапрошлом веке К. Маркс, отталкиваясь от гегелевских «Лекций по эстетике», верно писал о воплощении в стиле сути художественного мышления, формы, «...составляющей духовную индивидуальность» [Маркс, Энгельс, 1955–1974, с. 304], внутренний мир личности.

Выдающийся французский ученый-просветитель Ж.-Л. Бюффон в своем «Рассуждении о стиле» говорил, что «стиль – это и есть человек»¹. В журналистике это далеко не всегда так. Когда мы анализируем стиль МД в журналистике, на первый план выступает не личное мнение, не образность, а стиль нарратива о конкретных реальных событиях на аргументации, основанной на документе, робастности цифр и доверии к свидетелям события. Стиль в публицистике – это и человек, и коллектив, и эпоха. Филолог и философ Ж.-Л. Бюффон метко подметил, что темы, факты и аргументы могут быть у пишущих одни и те же, но их трактовка, авторские интонации, видение – разными. Всё это так, постулат древний, известный и в эпоху античности, но новые трактовки старой идеи о зависимости манеры письма от характера и психологии личности встречаются и сегодня неред-

¹ Buffon J.-L. 1954. Discourse sur le style. Oeuvres philosophiques de Buffon. Paris, 504 p. (с. 496)

ко, более того, они, традиционные методы психологизма и биографизма, также по-своему бесспорны и работают. Другое дело, когда наблюдается абсолютизация теоретических постулатов или примет индивидуального стиля, что ведет к фетишизации даже верных установок, например, к преувеличению роли социологизма или психологизма, о чем много лет назад писал А. Лосев, пробиваясь сквозь напластования «человеческого, слишком человеческого» (Ф. Ницше) в герменевтике. Спор в те годы шел о важности изучения формы высказывания, о сути индивидуального таланта, традиции и массовой рецепции. А.Ф. Лосев [1977], рассматривая теории стиля в искусстве, упомянул работу швейцарского исследователя А. Морье «Психология стилей», в которой стиль соединен с понятиями нравов, со способами национального бытия, с темпераментом личности. Психолог А. Морье скрупулезно типологизировал стили, принимая во внимание психофизиологические особенности их создателей, что вызвало справедливые нарекания. Но и отбрасывать данный фактор нельзя, вся проблема – в формулировании закона внутренней меры, баланса разнородных элементов в системе целого, в органике любого текста. Пока попытки сформулировать такой закон, на наш взгляд, особых успехов не имели. А. Лосев сглаживает очевидные издержки позитивистских теорий Морье, Ж.-Л. Бюффона и других ученых, ориентирующихся на психологию или естественные науки. У самого А.Ф. Лосева термин «выражение», т.е. репрезентация действительности в тексте, служит именно установлению внутренней меры вещей в стиле, установлению динамического равновесия и «баланса интересов» формы и содержания. «Выражение» (воплощение) понимается как «слияние внутреннего и внешнего», как «диалектический синтез субъекта и объекта» [Лосев, 1977, с. 240]. Тем более эта поправка при рассмотрении классических теорий стиля важна, если мы вспомним, что индивидуальный стиль не перечеркивает стиль направления и эпохи, но дополняет его крупицей личного опыта любого автора. В литературе индивидуальное субъективное воображение определяет образ и стиль в ХТ, а для аналитика в сфере массовых коммуникаций важнее адекватное отражение объективного коллективного опыта, взятого в ракурсе «незастывшей современности» (М. Бахтин) и задокументированного дискурса. Баланс объективного и субъективного в речевых актах нарраторов в МТ и ХТ разная. Указанная лосевская идея, не привлекая еще должного внимания современных ученых, при рассмотрении классических теорий стиля еще более релевантна, когда мы анализируем индивидуальный стиль публициста, который никак не перечеркивает стиль направления и эпохи, но дополняет и обновляет его.

Естественно, нельзя сводить усилия создателей текстов только к их манере выражать свои мысли. Стиль отражает не только склад ума и эмоции творцов. В сетевых текстах, особенно в эпоху Постмодерна, все активнее проявляется тенденция к коллективному сотворчеству, анонимность которого заставляет вспомнить о фольклоре, особенно о стиле анекдота, лапидарного сообщения. Однако эстетическая составляющая МТ и МД стала вновь предметом пристального внимания ученых именно сегодня, когда политический «содержанизм» и мета-истории, связанные с монологичными стратегиями управления обществом, потерпели историческое фиаско.

Объекты и методы исследования

Метод исследования, который нам видится как адекватный при анализе стиля в культурологической публицистике в жанре «нон-фикшн», можно в рабочем порядке определить как *информационно-культурологический*, предполагающий в нашем случае выявление доминанты стиля наррации, прежде всего основного тона и «голоса» автора-повествователя. Важен при таком подходе к стилю и языку МТ регистр речи рассказчика и персонажей, эксплицирующий эстетическую природу «события рассказывания», как его понимают последователи М. Бахтина. В старой проблеме разграничения голосов автора и нарратора, уточняющего процедуры, цели и методы стилистического анализа в условиях

релятивизации научно-гуманитарных задач вузовского обучения, есть и совсем новые повороты и «выверты», порожденные эпохой смены и подмены образа традиционного автора-демиурга образом (имиджем) нарратора, подмены индивидуального творца коллективным, чаще всего сетевым «аффттаром», который «жжот» и ёрничает даже там, где надо держать паузу.

Автор-демиург в МТ близок автору биографическому, может выступать в роли участника событий, который не только фиксирует события, но и меняет их, нарушая семантические границы. В таком случае он может характеризоваться как диегетический нарратор, один из «голосов» события рассказывания и актер, повлиявший на ход событий. В МТ можно выделить две базовых инстанции сатирического говорения: прямая критика негативных явлений и скрытая подтекстовая ирония, как правило, подкрепляемая интонационной импликацией. Умолчание и паузация, когда между различными смысловыми квантами зияет пропасть всеми ощущаемого намеренного молчания, когда на фоне заявленной откровенности и предписываемой информационной активности коммуникаторов вдруг возникает неловкая заминка, свидетельствует о том, что нарратором использована фигура умолчания как стилистический маркер, предполагающий взаимопонимание автора и аудитории, как фигура, несущая значительную стилевую нагрузку.

В англо-американской «новой критике» наррация воспринималась в первую очередь как самодостаточное слово и сюжетотворческая практика, как практика художников, создающих собственную картину мира и свой стиль «говорения» о мире. Нарратив в публицистическом тексте (дискурсе) отличается от художественного дискурса наличием авторской воли к четкому финальному выводу, к медиаэффекту, предполагающему нужный отклик реципиента, который уже предусмотрен (инципирован) в авторском целеполагании, в идеальной картине «обратной связи». Распад старых форм общения под напором робототехники и искусственного интеллекта, помогающего журналистам создавать МТ, тоже нельзя сбрасывать со счетов. Нельзя, естественно, думать, что стиль МТ – дело только индивидуальное, факультативное и субъективное. Машинный стиль, поточным методом синтезирующий массовый медиапродукт и любые другие виды и стили МД, тоже существует. Но до органической целостности ХТ дискурсу в новостном потоке, созданном роботом, еще далеко.

Есть еще один методологический аспект в затронутой выше проблеме. Находящийся в становлении информационно-культурологический подход к стилю МТ базируется на идеях отечественных ученых, опирающихся на труды М. Бахтина, А. Лосева, Ю. Лотмана, хотя теоретиков такого масштаба в рядах исследователей медиа пока нет. Ясно, что методологический подход к МД у науки о СМИ иной, чем, допустим, подход литературоведов и культурологов к ХТ. Напрашивается простая метафора: если мы делаем салат или винегрет, то компоненты могут легко угадываться: картофель, морковь, горошек, даже перемешанные со сметаной, хорошо видны. Однако если взять большой миксер, перемолоть наш винегрет и сделать из него однородную пасту – то горошек уже не виден, хотя и ощутим на вкус. То же самое и с проблемой стилевой органичности текста: обычно это «паста», где о разграничении компонентов говорить крайне трудно. Мозг человека создает нужные ассоциации, а стиль их пока имитирует.

Изучение стиля МТ – это не только классификация языковых явлений, метафор или прецедентных текстов, но и поиск смысловой магистрали построения целого в его контекстуальной эстетической завершенности. Художественность, будучи категорией, тесно связанной с понятием стилевого совершенства, подразумевает, говоря словами А.Ф. Лосева, «эстетическую предметность живой пропорциональности» [1977, с. 249], или говоря языком литературоведов конца прошлого века, стиль произведения отражает органическую целостность и системность текста, гармонию пропорций и интонаций, выбор оптимальных решений для воплощения взаимосвязи элементов в ХТ и МТ [Хорольский, Петрушова, 2020]. Ниже речь пойдет о ПТ Дж. Барнса и Д. Рейффилда, реализовавших

многие теоретические положения постмодернизма в интересных документальных историях, обогативших мировую сферу «нон-фикшн».

Результаты и их обсуждение

Выдающимися представителями англоязычной публицистики, ориентированной на постмодернистскую чувствительность (*postmodernsensitivity*), с уверенностью можно назвать Джулиана Барнса и Дональда Рейффилда. Для многих исследователей постмодернистский стиль Дж. Барнса и Д. Рейффилда – это пример сложности анализа МТ, связанный с проблемой учебно-научного анализа чужого слова в целом. Но речь идет и об умении этих авторов с помощью подтекстовых импликаций и интонационного намека передать свое отношение к событию или явлению жизни. Джулиан Патрик Барнс считается представителем «писательской публицистики», в конце XX века он в своих эссе и статьях часто рассуждал о культуре и политике. Его проза и публицистика по праву считаются выдающимся достижением английской словесности [Барнс, 2005; Барнс, 2008]. Барнсовский иронический стиль коррелирует с игровым методом воссоздания облика своей страны, других стран мира, особенно США и России. Работая политическим обозревателем в элитно-информационном американском журнале «Нью-Йоркер», он привык к жесткости и оперативности нарративов о текущей жизни, к стилю доказуемых фактов и выверенных комментариев, о чем свидетельствует следующая цитата:

«Писать для журнала "Нью-Йоркер" означает – повезло так повезло подвергаться редактуре, бесконечно цивилизованный, радательный и благотворный процесс, который откровенно сводит тебя с ума. Это начинается в приснопамятном – не всегда с нежностью – департаменте, известном как "полиция стиля". Это суровые пуритане, которые разглядывают твои фразы и, вместо того чтобы увидеть в них, как ты сам, счастливую смесь правды, благолепия, ритма и остроумия, обнаруживают исключительно никчемные руины поверженной грамматики. Плотно стиснув губы, они делают все возможное, чтобы защитить тебя от тебя же. Ты издаешь сдавленные хрипы протеста и пытаешься восстановить свой первоначальный текст. Приходит новый набор гранок, и иногда тебе милостиво дозволяется единственная небрежность; но рано радоваться – одновременно ты обнаруживаешь, что они исправили другой грамматический недочет» [Барнс, 2008, с. 9].

Эта цитата показательна как пример эссеизма, иронической манеры Барнса – сотрудника американского журнала, требовательного к авторам. Раскрытию природы метафорической стилистики эссе способствует символика явной когнитивной направленности. Словосочетания вроде *wreckage of capsized grammar* (никчемные руины поверженной грамматики) детализируют описание будничной жизни редакции, где цензура – это «бесконечно цивилизованный, радательный и благотворный процесс». Но тут же по контрасту с мягкой иронией эпитетов, следует саркастическое и пространное описание «кухни» журнала, где работает «полиция стиля». В самой эмоциональной номинации очевиден сарказм автора-мемуариста. Контраст внешнего и внутреннего голосов (антитегическая вокализация) составляет базу иронических воспоминаний Барнса о работе журналистом, двуплановость наррации и подтекст обуславливают стилевую дихотомию авторской позиции и критической рецепции корректоров-цензоров. Незлобивая насмешка автора-повествователя, данная в предисловии к книге «Письма из Лондона», служит камертоном в процессе сопоставления позиций англичанина и американцев: «Ты издаешь сдавленные хрипы протеста и пытаешься восстановить свой первоначальный текст». Не тут-то было: ребята из редакции своё дело знают. Вот пример их позиции:

«После того, как твою статью подкорнали и подзавили (не всегда гладкий процесс: иногда тебе кидают обратно сущего пуделя), она доставляется в отдел проверки информации The New Yorker. Фактчекеры – люди молодые, бдительные, безупречно веж-

ливые и на редкость упертые. Они выколачивают из тебя всю душу, а потом спасают твою задницу. Также они подозрительно относятся к обобщениям и риторическим преувеличениям и предпочли бы, чтобы последнее предложение выглядело так: "Они выколачивают из тебя четверть души и в 17,34 процента случаев спасают твою задницу". Давать показания под присягой перед судом – это пустяки по сравнению с тем, чтобы предстать перед отделом проверки из New Yorker'a. Им наплевать, кому позвонить, чтобы удовлетворить свою страсть к блохоискательству. Они переспрашивают тебя, твоих информаторов, сверяются со своей компьютеризированной системой информации, с непредвзятыми экспертами; они наводят справки очно и заочно. Когда я интервьюировал Тони Блэра в Палате общин, на меня произвели впечатление элегантные дверные петли в зале Теневого Кабинета. Мой Певзнеровский гид сообщил мне, что они принадлежат Пуджину или, точнее, "Огастесу У.Н. Пуджину". Певзнер утверждает: "Не рискуя ошибиться, мы можем сказать, что он разработал дизайн всех металлических деталей, витражей, плитки и так далее, вплоть до фурнитуры дверей, чернильниц, вешалок и проч.". Затаив дыхание — проглотит ли отдел проверки фразу "не рискуя ошибиться", я приписал в своей статье эти петли "Огастесу Пуджину" и принялся ждать звонка фактчекера по этой и смежным темам. "Могли бы мы убрать слово "Огастес", чтобы не перепутать его с его отцом?", — раздался первый выстрел. Да, пожалуйста, о чем речь: я написал "Огастес Пуджин" исключительно из тех соображений, что, как мне казалось, американцы предпочитают говорить "Джон Мильтон" вместо "Мильтон" (правда состоит еще и в том, что я не подозревал, что у Пуджина был отец, не говоря уже о том, что мое сокрытие инициалов спровоцирует генеалогическую катастрофу)» [Барнс, 2008, с. 8].

В словах автора о тяге редакторов к точности и достоверности есть элемент иронической гиперболизации, что не противоречит жанру этической сатирической зарисовки. Маркеры стиля в данном отрывке – это ключевые лексемы и образы типа страсть к блохоискательству, спасают твою задницу, мое сокрытие инициалов спровоцирует генеалогическую катастрофу, которые говорят о наличии подтекста, усиливаемого интонационным строем высказывания. Основной тон нарратора, сливаясь с грубоватой лексикой, снижающей планку редакторских запросов, делает размышление о пребывании биографического автора в статусе журналиста неизбежно комическим. Сопоставление подстриженного текста с пуделем призвано подчеркнуть не всегда удачную правку, намекнуть в подтексте на принципиальную мысль, что критики не всегда превосходят авторов в литературном чутье. Эссеизм Дж. Барнса и Д. Рейфилда как игровая манера повествования и стилевая доминанта, соединяясь с пафосностью «ризомы», символа постмодернистской чувствительности, с сатирическим модусом нарратива, диктует стратегию интерпретации стиля названных авторов именно как «винегретного» (хотя и системно организованного), а не «пастового» (или органичного) стиля, что вполне соответствует трендам эпохи Постмодерна. Обоих публицистов роднит идеал целостности видения мира, но их публицистика далека от органичности стиля, скажем, Э. Хемингуэя или Ф.С. Фитцджеральда [Хорольский, 2020], для которых историческое видение всей эпохи было принципиально. Стилиевой регистр современных авторов чаще всего игровой и насмешливый. Например, Барнс с сарказмом говорит о таком странном явлении, как «пушная форель» (furbearing trout). Эту рыбу якобы выловили на Севере, где вода крайне холодная, поэтому форель обрастает пухом. Подобные симулякры и фейки, кочующие в массмедиа, Дж. Барнс делает символом национальной жизни, культивирующей удобные мифы и странности англосаксонского менталитета. Таков и образ-символ якобы украденных Ронни Брауном, «депутатом-ТВ» (так и назван очерк Барнса) трусов депутатской любовницы, изменившей Ронни с ковороторгом, который вступил в драку с депутатом. Кража, а точнее унесенное по ошибке бельё любовницы, подавшей в суд на депутата Ронни как на грабителя, стала «рыбной историей», мифом, а образ нахрапистого политика и интимного друга секретарши Нонны, которая, как

и Моника Левински, стала в Великобритании конца прошлого века мемом, стал в свою очередь знаком духовного нездоровья элиты. Дело о трусах Нонны «живо обсуждалось в прессе не один месяц», что и говорит о постмодернистской составляющей стиля МТ.

В «Заметках об Англии» Дональда Рейффилда [1994], как и в ПТ Дж. Барнса, иронически воссозданы мораль среднего класса, нравы «доброй старой Англии», стереотипы людского поведения. Лишенный и намек на гротеск и фантастику стиль бытописателя обычно базируется на контрасте серьезного тона и смешной мелочности фабулы. Например, такая зарисовка о посещении рассказчиком аристократического замка: «Гость богатого лорда с трудом жует странные, скудные, полухолодные блюда при тусклом освещении и в почти безмолвной компании; дети хозяев упрятаны от гостя в каком-то отдаленном флигеле; в средневековой ванной он напрасно ждет горячей воды и всю ночь страдает от бессонницы: дует из окон, на крыше ухают сычи и филины, и крысы снуют по чердаку, опрокидывая заброшенную мебель» [Рейффилд, с. 229]. Перечислительная интонация служит маркером косвенной иронии, высвечивающей детали деградации британской элиты. Точно также сравнительно бесстрастное наукоподобное описание пауков становится символом лицемерия англичан: паук вместо льва становится в «Заметках ...» национальным символом (любовь к родному гнезду, матриархат, нелюдность, молчаливость, трудолюбие – чем паук не англичанин?) [Рейффилд, с. 230]. Рейффилд пускается в многословный и, казалось бы, необязательный разговор о пауках, но в его подробнейших рассуждениях наррация не теряет подспудный смысл МТ: есть и тут интонационный намек на более серьезные вещи. Англичанин Рейффилд, как и его соотечественники Дж. Фаулз, П. Акройд, Д. Лодж, Дж. Барнс, эксплицирует свой явный интерес к сопоставлению научного взгляда на мир с картиной постмодернистского абсурда, выступая в роли диегетического автора в условном мире домысливаемой реальности прошлого и настоящего, что делает релевантным его упор на интонации сарказма в отображении национального менталитета.

Деконструируя национальные мифы, автор в «Заметках об Англии» часто размышляет о литературе и искусстве как панацее от излишнего пессимизма, от тотальной иронии своих современников. Его стиль пересмешника не чужд пафосности. Стиль МТ, как известно, создается не только интонационным строем текста, но и структурой эмоций творцов и их персонажей. В то же время выводы в МТ английских авторов продиктованы не только волей автора-пропагандиста гуманизма и правды, но и самим ходом жизненного сюжета, разочарованием таргетированной аудитории в мифе о превосходстве англосаксов. Подчас саморазвитие идеи, не нуждающейся в прямолинейной оценке автора, приводит читателя к правильному пониманию авторского намека. В этом и проявляется, на наш взгляд, логика взаимодействия МТ и ХТ при характеристике потока обыденной жизни.

Заключение

Рассмотрение проблемы языка и стиля авторов, которых волнует способ языковой репрезентации образа мира в СМИ, специфика вербального выражения (презентации) идей в МТ, дает основание для следующих выводов.

1. Теоретическая рефлексия в сознании обычного носителя стиля не системна. Авторы, как правило, используют ресурсы естественной речи, факты повседневной жизни, делая их частью жанрово-стилевого репертуара. Медийные нарративы обязаны быть фактуальными, как и научные. Это их онтологический признак и онтическая телеология. Нарратив в МТ, тяготея к документализму, использует стилистику ХТ как рычаг дополнительной образности и экспрессивности, а не как самоцельную стратегию. Отбор новостей – вот самоочевидный пример фермента субъективного стиля наррации СМИ. Но это стиль работы редакций и хозяев медиабизнеса. Нас, естественно, интересовал стиль авторов, тоже субъективный, но чаще более реалистичный и правдивый, чем стиль общения в медиаиндустрии.

2. Язык МТ сегодня оказывается, как правило, либо предметом рассмотрения чистой лингвистики, в частности, лингвостилистики, либо поводом для рассмотрения стиля сугубо как рычага выразительности при передаче идей, поводом для сторонников «содержанности» оправдать редуцирование и сведение разговора о форме МТ к методикам системности при очень скромной роли органики целого. Вот с этим последним подходом, думается, нельзя соглашаться. Упрощение вопроса о целостности МТ и его «организменной» природе всё чаще воспринимается как малозначительный момент при анализе социальной проблематики. А это то малое отклонение траектории анализа, которое дает большую промашку в результате. Эстетическое своеобразие МТ и МД во многом определяет успех коммуникации и её эффект.

Публицист Дж. Барнс является одним из создателей иронического образа нарратора-хроникера, ядовитого критика политической повседневности.

Дональд Рейфилд, также широко использующий иронические игровые приемы, чаще отдаёт предпочтение бытовой магистрали в структуре наррации, сардонический голос рассказчика и снижение пафоса традиционных ценностных деклараций в его эссе демонстрируют достижения стиля, базирующегося на голосовой полифонии автора и его героев, на тонкой наблюдательности автора, на умении увидеть в заурядном коммуницировании соотечественников, в деталях быта рядовых граждан символическую репрезентацию исторических перемен.

3. Голос автора-демиурга в МТ более жестко, чем в ХТ, определяет границу эстетического дискурса. В то же время иронию в ПТ создает не только автор, но и потребитель, который может совершенно не доверять автору, что в ХТ встречается гораздо реже. В рассмотренных МТ преобладает диалог-спор, в ХТ – привычнее ситуация диалога-согласия. Мы рассмотрели случаи скрытого спора с современниками, что позволило увидеть потенциал постмодернистского способа репрезентации

4. Изучение языка и стиля МТ не может не быть междисциплинарным, но одновременно методологические штудии должны опираться на понимание смысла отдельных текстов и медийных дискурсов в зависимости от интересов каждого цеха, причем аналитики МТ должны видеть в самых трафаретных и далеких от эстетических «красот» газетных сообщениях повод для разговора о художественной эффективности медийных сообщений и самых простых репортерских статей. Перспективой дальнейшей работы может служить мысль о пределах сложности построений создателей ПТ, особенно в аналитическом и художественном срезе медийных дискурсов, с одной стороны, и познавательных границ, интенций, возможностей новых герменевтических схем его интерпретаторов, с другой. Здесь, думается, аналитика должна чаще приводить нас к генерализациям философско-эстетического порядка, к методикам нестандартного и нетрадиционного анализа, сближающим категории «медийность» и «художественность». Актуально движение научной мысли к методикам, которые соединяют строгий позитивистский эмпиризм и научное «вчувствование» в текст.

Список источников

1. Барнс Д. 2008. Письма из Лондона. Пер. Л. Данилкина. М., АСТ, АСТ М., ХРАНИТЕЛЬ, 444 с. (Barnes J. 1995. Letters from London 1990–1995. L., Picador, 368 p.)
2. Барнс Дж. 2005. История мира в 10 ½ главах. Пер. В.В. Бабкова. Под ред. Е.А. Лазарева. М., АСТ, ЛЮКС, 352 с. (Barnes J. 1989. A History of the World in 10 1/2 chapter's. London, Jonathan Cape.)
3. Маркс К., Энгельс Ф. 1955–1974. Сочинения, тома 1–39. Издание второе. Т. 1. М., Издательство политической литературы, 537 с.
4. Рейфилд Д. 1994. Заметки об Англии. Иностранная литература, 6: 229–238.

Список литературы

1. Вартанова Е.Л. 2019. Представления аудитории о СМИ: к вопросу о теоретическом осмыслении. *МедиаАльманах*, 4 (93): 8–19.
2. Добросклонская Т. 2005. Медiateкст: теория и методы изучения. *Вестник Моск. Унта. Сер.10. Журналистика*, 2: 28–35.
3. Землянова Л. М. 2012. *Журналистика и коммуникативистика. Концептуализация медийных процессов в современной зарубежной науке*. М., МедиаМир, 188 с.
4. Казак М.Ю. 2010. Медiateкст как открытый тип текста. В кн.: *Стилистика сегодня и завтра: медiateкст в прагматическом, риторическом и лингвокультурологическом аспектах. Доклады Международной научной конференции ф-та журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва, 27–29 октября 2010 года*. М.: 87–93.
5. Кожемякин Е.А. 2018. Медиадискурс в фокусе социального конструктивизма: эпистемические практики в медиасообществах. В кн.: *Медийный текст: социальные практики, технологии, теории*. Под ред. А.В. Полонского, М.Ю. Казак. Белгород, ИД «Белгород» НИУ «БелГУ»: 158–200.
6. Лосев А.Ф. 1977. Материалы для построения современной теории художественного стиля. В кн. *Контекст-75. Литературно-теоретические исследования*. Под ред. Н.К. Гей, А.С. Мясникова, П. В. Палиевского, Я.Е. Эльсберга. М., Наука: 211–240.
7. Полонский А.В. 2011. Дискурс: социально-когнитивная морфология коммуникации. *Global Media Journal*. Вып. 1. Т. 2.
8. Полонский А.В. 2018. Дискурс и масс-медиа: когнитивно-коммуникативный опыт культуры. В кн. *Белоедова А.В., Казак М.Ю., Карпенко И.И. и др. Медийный текст: социальные практики, технологии, теории*. Под ред. А.В. Полонского, М.Ю. Казак. Белгород, ИД «Белгород» НИУ «БелГУ»: 200–218.
9. Хорольский В.В. 2019. *Зарубежная публицистика в эпоху Постмодерна. Проблемы анализа медийных дискурсов*. Воронеж, Воронежский государственный университет, 110 с.
10. Хорольский В.В., Петрушова В.Е. 2020. Языковая личность Ф.С. Фитцджеральда сквозь призму тропов романа «Ночь нежна». В кн.: *Актуальные аспекты лингвистики, лингводидактики и межкультурной коммуникации. Материалы Всероссийской научно-практической конференции*, г. Краснодар, 28 марта, 2020 года. Под ред. З.И. Гурьевой, Л.Г. Аксютенковой, Ю.В. Баклаговой. Краснодар, Кубанский государственный университет: 198–206.
11. Bignell J. 2000. *Postmodern media culture*. Edinburgh University Press, 248 p.
12. Couldry N. 2012. *Media, Society, World: Social Theory and Digital Media Practice*. Polity Press, 242 p.
13. Jucker A.H. 1992. *Social Stylistics. Syntactic Variations in British Newspapers*. Berlin, N.-Y., Mouton de Gruyter, 297 p.
14. McMahon M. 2021. What is Edutainment? URL: <http://www.wisegeek.com/what-is-edutainment.htm> (accessed: 22.01.21).
15. Roussin Ph. 2010. *Genealogies de la narratologie, dualisme des theories du recit. Narratologies contemporaines. Nouvelles approches pour la théorie et l'analyse du récit*. Paris: Éditions des Archives contemporaines. Paris: 45–49.
16. Vuković N. 2001. *Stilističke ideje*. Beograd, Jasen, 297 p.

References

1. Vartanova E.L. 2019. *Predstavleniya auditorii o SMI: k voprosu o teoreticheskom osmyslenii* [Audience perceptions of the media: to the question of theoretical comprehension]. *MediaAlmanah*, 4 (93): 8–19.
2. Dobrosklonskaya T. 2005. *Mediatekst: teoriya i metody izucheniya* [Media text: theory and methods of study]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, 2: 28–35.
3. Zemlyanova L.M. 2012. *Zhurnalistika i kommunikativistika. Kontseptualizatsiya mediynykh protsessov v sovremennoy zarubezhnoy nauke* [Journalism and communication. Conceptualization of media processes in modern foreign science]. M., Publ. MediaMir, 188 p.
4. Kazak M.Yu. 2010. *Mediatekst kak otkrytyy tip teksta* [Mediatext as open text type]. In: *Stilistika segodnya i zavtra: mediatekst v pragmaticheskom, ritoricheskom i lingvokulturologicheskom*

aspektakh [Stylistics today and tomorrow: media text in pragmatic, rhetorical and linguistic and cultural aspects]. Reports of the International Scientific Conference of the Faculty of Journalism of Lomonosov Moscow State University, Moscow, October 27–29, 2010. M.: 87–93.

5. Kozhemyakin E.A. 2018. Mediadiskurs v fokuse sotsial'nogo konstruktivizma: epistemicheskie praktiki v mediasoobshchestvakh [Media discourse in the focus of social constructivism: epistemic practices in media communities]. In: Mediynny tekst: sotsial'nye praktiki, tekhnologii, teorii [Media text: social practices, technologies, theories]. Eds. A.V. Polonsky, M.Yu. Kazak. Belgorod, Publ. ID "Belgorod" NIU "BelGU": 158–200.

6. Losev A.F. 1977. Materialy dlya postroeniya sovremennoy teorii khudozhestvennogo stilya [Materials for the construction of a modern theory of artistic style]. In: Kontekst-75. Literaturno-teoreticheskie issledovaniya [Context-75. Literary theoretical research]. Eds. N.K. Gey, A.S. Myasnikov, P.V. Palievsky, Ya.E. El'sberg. M., Publ. Nauka: 211–240.

7. Polonskiy A.V. 2011. Diskurs: sotsial'no-kognitivnaya morfologiya kommunikatsii [Discourse: Socio-Cognitive Morphology of Communication]. Global Media Journal. Iss. 1. Vol. 2.

8. Polonskiy A.V. 2018. Diskurs i mass-media: kognitivno-kommunikativnyy opyt kul'tury [Discourse and Mass Media: Cognitive and Communicative Experience of Culture]. In: Beloedova A.V., Kazak M.Yu., Karpenko I.I. i dr. Mediynny tekst: sotsial'nye praktiki, tekhnologii, teorii [Media text: social practices, technologies, theories]. Eds. A.V. Polonsky, M.Yu. Kazak. Belgorod, Publ. ID "Belgorod" NIU "BelGU": 200–218.

9. Khorol'skiy V.V. 2019. Zarubezhnaya publitsistika v epokhu Postmoderna. Problemy analiza mediynnykh diskursov [Foreign journalism in the postmodern era. Problems of analysis of media discourses]. Voronezh, Publ. Voronezhskiy gosudarstvennyy universitet, 110 p.

10. Khorol'skiy V.V., Petrushova V.E. 2020. Yazykovaya lichnost' F.S. Fittsdzheral'da skvoz' prizmu tropov romana «Noch' nezna» [The linguistic personality of F.S. Fitzgerald through the prism of the tropes of Tender is the Night.]. In: Aktual'nye aspekty lingvistiki, lingvodidaktiki i mezhkul'turnoy kommunikatsii [Actual aspects of linguistics, linguodidactics and intercultural communication]. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Krasnodar, March 28, 2020. Eds. Z.I. Gur'eva, L.G. Aksyutenkova, Yu.V. Baklagova. Krasnodar, Publ. Kubanskiy gosudarstvennyy universitet: 198–206.

11. Bignell J. 2000. Postmodern media culture. Edinburgh University Press, 248 p.

12. Couldry N. 2012. Media, Society, World: Social Theory and Digital Media Practice. Polity Press, 242 p.

13. Jucker A.H. 1992. Social Stylistics. Syntactic Variations in British Newspapers. Berlin, N.-Y., Mouton de Gruyter, 297 p.

14. McMahon M. 2021. What is Edutainment? URL: <http://www.wisegeek.com/what-is-edutainment.htm> (accessed: 22.01.21).

15. Roussin Ph. 2010. Genealogies de la narratologie, dualisme des theories du recit. Narratologies contemporaines. Nouvelles approches pour la théorie et l'analyse du récit. Paris: Éditions des Archives contemporaines. Paris: 45–49.

16. Vukovic N. 2001. Stilističke ideje [Stylistic Ideas]. Belgrade, Publ. Jasen, 297 p. (in Serbian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Хорольский Виктор Васильевич, профессор кафедры журналистики и литературы факультета журналистики Воронежского государственного университета, г. Воронеж, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Viktor V. Khorolsky, Professor of the Department of Journalism and Literature, Faculty of Journalism, Voronezh State University, Voronezh, Russia

УДК 811.161.1

DOI 10.18413/2712-7451-2021-40-1-39-48

Речевые и орфоэпические ошибки в аудиовизуальных СМИ: тавтологические обороты и некорректное склонение числительных

Ястребов-Пестрицкий М.С.

Государственный архив РФ,
Россия, 119435, г. Москва, ул. Большая Пироговская, д. 17
E-mail: myp-63@mail.ru

Аннотация. Орфоэпические ошибки, допускаемые в аудиовизуальных СМИ, – достаточно своеобразное поле деятельности для исследователя-лингвиста. Некорректное склонение числительных дикторами, радиоведущими, гостями студии настолько всеобъемлюще, что можно говорить о скором изменении нормы русского языка. Для обсуждения приводится и другое явление сегодняшних СМИ: тавтологические обороты и обороты-плеоназмы. Примеры были выбраны из устных текстов, явно неподготовленных заранее, и текстов печатных – так же мало продуманных и проработанных авторами. Цель статьи – зафиксировать внимание лингвистов на уже происходящем изменении нормы русского языка.

Ключевые слова: российские СМИ, аудиовизуальные СМИ, язык СМИ, публицистика, публицистический стиль, тавтология, плеоназм, сложное числительное.

Для цитирования: Ястребов-Пестрицкий М.С. 2021. Речевые и орфоэпические ошибки в аудиовизуальных СМИ: тавтологические обороты и некорректное склонение числительных. Вопросы журналистики, педагогики, языкознания, 40 (1): 39–48. DOI 10.18413/2712-7451-2021-40-1-39-48

Speech and orthoepic errors in audiovisual mass media: tautological phrases and incorrect declension of numerals

Mikhail S. Yastrebov-Pestritsky

Scientific Library of the State Archive of the Russian Federation (SARF SL)
17 Bolshaya Pirogovskaya St, Moscow, 119435, Russian Federation
E-mail: myp-63@mail.ru

Abstract. Spelling mistakes made in audiovisual media are quite a peculiar field of activity for a linguist researcher. Incorrect declension of numerals by announcers, radio hosts, and studio guests is so comprehensive that we can talk about an imminent change in the norm of the Russian language. Another phenomenon of today's mass media is also discussed: tautological turns and pleonasm turns. The examples were selected from oral texts that were clearly not prepared in advance, and printed texts that were also poorly thought out and elaborated by the authors. The purpose of the article is to fix the attention of linguists on the already occurring change in the norm of the Russian language.

Keywords: mass media of Russia, audiovisual mass media, language of mass media, journalism, journalistic style, tautology, pleonasm, complex numeral.

For citation: Yastrebov-Pestritsky M.S. 2021. Speech and orthoepic errors in audiovisual mass media: tautological phrases and incorrect declension of numerals. Issues in Journalism, Education, Linguistics, 40 (1): 39–48 (in Russian). DOI 10.18413/2712-7451-2021-40-1-39-48

Введение

Особую роль в жизни и деятельности общества играют СМИ – те средства, которые не только обеспечивают потребность общества в информационном обмене, но и оказывают моделирующее влияние на его духовную жизнь, культуру и языковое сознание [Солганик, 2004; Лысакова, 2005; Ensslin, 2007; Солганик, 2008; Полонский, 2009; Казак, 2012; Полонский, 2018; Vednarek, 2018]. Перед исследователями, как замечает А.В. Полонский, стоит сегодня масштабная и чрезвычайно актуальная задача – «осмыслить роль медиа в производстве языка, а следовательно, человека, его культуры, сознания, памяти, истории, его текущей реальности. Медиа сегодня являются тем фактором, который обладает особой силой влияния. Они не просто присутствуют в жизни человека, предлагая ему свои посреднические услуги, а являются тем концептуальным предложением, на которое ориентированы практически все его духовные запросы, сконцентрировано все его внимание, все его силы, весь его интеллектуальный и эмоциональный потенциал. Медиа – это тотальный феномен. Они форсированно внедряются во все сферы жизни и деятельности человека, во все его культурные практики и коммуникативные пространства – массовое, публичное и приватное, создавая качественно новую социальную, культурную и языковую реальность» [Полонский, 2019, с. 209].

Сегодня в средствах массовой информации тотальный характер приобретают случаи тавтологии, как корневой, так и семантической. Особенно ярко это проявляется в аудиовизуальных СМИ (радио, TV), где произносимый текст зачастую является спонтанным, не подготовленным заранее. Тем не менее сообщения, произносимые, например, по «Радио России», подлежат широкому вещанию на всю страну, что, безусловно, должен учитывать говорящий, произнося такую, например, фразу (приводим, для начала, наименее яркий пример): «...Вопрос о *роли* гендерных *ролей*» (Радио России. 2019 г. 13 июня. 18:35. Передача о фестивале в Германии). Пример тавтологично выстроенного предложения: «Почему фигуранты *процесса* были оправданы на Нюрнбергском *процессе*?» (Радио России. 2020. 19 дек., 20:30. Передача о евгенике). Здесь рядом стоящие словосочетания расположены в одном вопросительном предложении, образуя повтор. В обоих случаях говорящий явно не готовился к выступлению и, не очень задумываясь, говорил так, как ему в данный момент было удобно. По мнению известнейшего петербургского учёного, основателя Ленинградской фонологической школы Л.В. Щербы, «в речи неизбежен конфликт между коллективом, нуждающимся в общепонятных средствах общения, и индивидом, эгоистически стремящимся говорить так, как угодно лично ему» [Щерба, 2007]. К приведённой цитате добавим: не только общепонятную, но и эстетически приемлемую речь рассчитывает услышать радиослушатель, включая радиоприёмник во всех регионах огромной России.

Однако этим позитивным установкам противоречат такие высказывания, как «*наместники на местах*» (Радио России. 2019 г. 20 июня. 18:25. Передача о театре); «В основу <...> *положено положение...*» (Радио России. 2019 г. 15 июля. Блок новостей в 06:00. Сюжет о российско-японских отношениях).

А.А. Грабельников в диссертационной работе пишет: «...Так непрофессионализм пробил брешь в строгой системе СМИ, и в "пробоину" хлынул поток ошибок, опечаток, неточностей, а то и преднамеренной дезинформации, фальсификации и т. д.» [Грабельников, 2001, с. 166]. Затем исследователь констатирует: «Отступления от норм русского литературного языка в СМИ разнообразны и многочисленны. Прежде всего, это касается обычной неграмотности, увлечения иностранными словами, использования в текстах ненормативной лексики» [Грабельников, 2001, с. 167]. Настоящая статья заостряет внимание не на всех отмеченных учёным отступлениях, обращая внимание лишь на два, вынесенные в заглавие. Продолжим рассмотрение первого из них.

Тавтологические обороты и обороты-плеоназмы

Нанизывание тавтологических словоформ можно услышать не только в блоке новостей (что было бы отчасти оправданно: новости поступают в радиостудию быстро, порой внезапно; подаваться слушателю должны сжато и оперативно), но и в "культурной" радиопередаче: «...наследие, которое мы унаследовали» (Радио России. 07.06.2019, 18:45. Передача о парково-архитектурных комплексах) – в течение 2 минут существенное наследие повторялось в ней ещё более 6 раз, и в политической: «В строгом соответствии с соответствующими правилами» (Радио России. 2019 г., 1 июля. Передача Елены Щедруновой о политических событиях).

Зададим себе вопрос: озабочен ли культурой речи кто-либо ещё (кроме профессиональных филологов, поистине «хранителей языка»)? Судя по обилию писем и обращений в радиопередачу «Как это по-русски?» (данная радиопередача, транслируемая из Санкт-Петербурга, в Москве выходила в записи в последние годы по субботам в 07:30), – да, неравнодушных носителей языка всё ещё достаточно много.

Справедливо мнение Г.Я. Солганика о языке информационных средств: «Место, которое занимал в XIX–XX вв. язык художественной литературы, переходит к публицистическому стилю, языку СМИ. Пока ещё недооценённый в научной литературе, он многое определяет в современной языковой ситуации. Меняется языковое сознание, представление о литературной норме, о стилистических вкусах и др.» [Солганик, 2008, с. 7–8].

Итак, язык художественных произведений и язык публицистики сегодня практически равны по своей значимости. Но вновь и вновь приходится слышать в радиоэфире: «Приходили заведомо уведомив» (Радио России. 2 апреля 2019 г., 07:25. Передача о надзорных органах); «...фактически опираются на фактические данные» (Радио России. 6 апреля 2019 г., 18:05. Блок новостей, сюжет о вреде сахара); «...радикально настроенных радикалов» (Радио России. 1 мая 2019 г., 12:00. Блок новостей); «...с заключением торгового заключения» (Радио России. 12 мая 2019 г., 06:00. Блок новостей).

Говоря о журналистских традициях, Н.И. Клушина весьма к месту вспомнила «Максимы» Гройса (свод правил для СМИ) [Клушина, 2008, с. 285]. Как видим, работников СМИ призывали придерживаться определённых требований ещё во времена «безальтернативной печати», т. е. когда звуковых средств массовой информации ещё не было. Действительно, в газетах (особенно в текстах прежних эпох) были немислимы обороты: «Лагерь располагался на территории оборудованной территории, то есть курортной территории» (Радио России. 2019. 23 июля, 12:10. Передача Е. Щедруновой); «В Минобороны отметили, что праздник отметят...» (Радио России. 2019. 28 июля, 06:00 мин. Блок новостей); «Мы поговорим об этом... Точнее говоря, не поговорим!» (Радио России. 2019. 5 сент., 19:10. Передача «Вечерняя смена»).

Поскольку невольно пришло сравнение радио- и газетных текстов, приведём мнение исследователя по поводу последних: В.В. Тулупов считает: «...Очень мало ярких индивидуальностей, а те немногочисленные профессионалы, которые есть, растворились в массе средних по уровню газет. В редакциях как бы прервалась связь времён – молодых некому и некогда обучать. Всё, что ни выйдет из-под их пера, практически без правки идёт в номер» [Тулупов, 2000, с. 18]. Далее учёный переходит на конкретное издание: «Конечно, в "МК" все признаки бульварной прессы налицо – редакция сама не отрещивается от такой направленности» [Тулупов, 2000, с. 43].

Впрочем, как поясняет, оглядываясь на собственную историю, сама газета «МК» (авторы которой время от времени охотно обсуждают тему различных ошибок и опечаток на своих страницах), опечатки неистребимы [Добровольский, 2016, с. 12].

И.М. Дзялошинский, заняв наиболее либеральную позицию, предостерегает: «Как только исчезает понимание гибкости норм и правил и они отождествляются с некими шаблонами, исчезает и творческий характер профессии. Регулируя и поддерживая в за-

данных общественных условиях необходимый уровень деятельности и обеспечивая определённый уровень качества продуктов журналистского труда, эти нормы и правила, будучи бездумно, некритически усвоенными, могут привести к безликости журналиста, стандартности его материалов. Очевидно, что именно этот процесс мы сейчас наблюдаем в российских СМИ» [Дзялошинский, 2013, с. 40]. Т.Н. Прохорова, выступая против такой «гибкости», ссылается на общепризнанный авторитет: «Известно, что В.И. Даль был сторонником пуризма. Именно поэтому он несколько болезненно реагировал на любые тенденции изменения языковой нормы. По сути дела, в своих пометах он лишь констатирует эти тенденции, выражая несогласие с ними» [Прохорова, 2003, с. 132].

И эта научная дискуссия вокруг языка СМИ, очевидно, далека от своего завершения. Примеры небрежно-тавтологичной речи в радиоэфире лишь подтверждают нашу констатацию: «...Значатся такие *значительные* имена, как...» (Радио России. 2019. 24 сент., 07:15. Сюжет о сценическом искусстве). «*Пополняется* молодым *пополнением*» (Радио России. 2019. 1 окт., 06:05. Блок новостей, сюжет о призыве в армию).

Б.Н. Головкин в диссертационном труде рассуждает: «С позиций теории информации и теории информационных инверсий тексты современных СМИ обладают характеристиками информационной плотности, информационной надёжности и информационной качественности» [Головкин, 2005, с. 48]. Что можно добавить к сказанному? С позиций теории – да, безусловно! Практика же такова (примеры, говорящие сами за себя): «Этому он уделяет очень много *времени в своё свободное время*» (Радио России. 2019. 18 авг., 06:40. Обзор зарубежных фильмов). Достаточно было бы сказать: «...уделяет очень много *свободного времени*». «Медиацация *нужна* тогда, *когда в ней нуждаются*» (Радио России. 28 апреля 2019 г., 07:28, сюжет об отношениях «врач – пациент»). Последний пример – лишённое смысла сложноподчинённое предложение, в котором неопределённо-личное придаточное полностью дублирует и без того уже высказанную мысль: *медиацация нужна*. То есть главное и придаточное, тавтологизирующие друг друга, можно безболезненно менять местами. Речевым излишеством является и выражение: «Елена Исинбаева показала *более лучшие* баллы, чем...» (Радио России. 2019. 3 окт., 22:20. Передача о спорте). Надеемся, что такое обилие случаев с наложением **тавтологичных оборотов** и **оборотом-плеоназмов** не размозит окончательно культуру речи работников современных СМИ.

Выше был процитирован труд Б.Н. Головкина. В той же работе диссертантом синтезирована выборка ключевых понятий по откликам читателей (какими качествами должна обладать газета). Среди нескольких десятков номинаций одной из первых значится высокий стиль профессионализма, которому можно доверять [Головкин, 2005, с. 157]. Однако легко подорвать читательское доверие могут подобные газетные сообщения, свидетельствующие как раз об отсутствии профессионализма пишущего: «Нелюбовь в *регионах* к богатой и успешной Москве, к сожалению, нередко встречается *в регионах*, и мы постоянно об этом слышим» [Жуковская, 2020, с. 5]. Неоправданный повтор *в регионах* в одном предложении.

Вернёмся, однако, к радиосообщениям. Приведём ещё более полутора десятков примеров, комментируя их (или с минимальными комментариями):

- в передаче о музыкантах андеграунда прозвучало даже выражение, абсурдно-тавтологичное: *волосатые волосы* (Радио России. 2019. 22 окт., 06:30);
- другие примеры тавтологии: «...и *одновременно в то же время* там учился Юсупов» (Радио России. 2019. 28 окт., 14:15. Передача о раритетных книжных собраниях);
- «*Наконец-то* подошли к *концу* тридцать дней строгой диеты!» (Радио России. 2019. 13 нояб., 18:08. Рекламный сюжет, часто повторяемый по радио);
- «*Ещё раз* повторю *опять же...*» (Радио России. 2019. 27 нояб., 06:40. Тавтологичный оборот, многократно повторяемый в рекламном сюжете на радио);

- «Если *внимательно* обратить *внимание*...» (Радио России. 2019. 28 нояб., 06:05. Блок новостей);
- «*Конечно*, в *конечном* итоге...» (Радио России. 2019. 23 дек., 18:20. Передача о театре РАМТ (Российский академический молодёжный театр));
- «...Не задекларировал *размер* своего вознаграждения в *размере*...» (Радио России. 2020. 5 янв., 15:00. Блок новостей);
- «Эти *изменения* <...> внесут существенные *изменения*...» (Выступление Д.А. Медведева. Радио России. 2020. 16 янв., 6:00. Блок новостей);
- «В *сцене* первой постельной *сцены*...» (Радио России. 2020. 25 янв., 06:38. Передача о киноиндустрии);
- «...оказывать *помощь с помощью* лекарств» (Радио России. 2020. 10 сент., 19:18. Передача о здоровье школьников);
- новый пример тавтологии (с оксюморонным подтекстом) в радиопередаче: «Панические и *необоснованные* ожидания, *основанные* на...» (А. Зубец, доктор экономических наук, гость передачи Елены Щедруновой. Радио России. 2020. 26 июня, 12:10);
- в той же передаче (Радио России. 2020. 17 июня, 12:20) и снова в речи гостя прозвучало тавтологичное выражение *пресноводная вода*;
- ещё из радиопередачи: «Приводится *пример, например*...» (передача о внутрикорпоративных родственных связях. Радио России. 2020. 16 нояб., 07:33);
- «*Оказывается*, они *оказались* самыми крепкими» (передача о пенсионерах в условиях коронавируса. Радио России. 2020. 18 нояб., 18:33). «Оказывается, они оказались» – здесь явно чувствуется желание интервьюируемого как можно больше «затемнить» ситуацию. Уместно вспомнить сентенцию, приведённую Л.Р. Дускаевой: «Интервью – усилие двоих по искажению истины» [Дускаева, 2004, с. 123];
- тавтологический оборот с участием аббревиации (данный пример взят из художественного произведения, опубликованного в периодической печати): «Начальнику областного управления УВД осталось два года до пенсии» [Астафьев, 1991, с. 15]. Аббревиатура УВД уже содержит в себе существительное *управление*. Таким образом, это – оборот-плеоназм.
- для сравнения: век тому назад СМИ часто вещали языком плаката. Но и тут удалось зафиксировать аналогичную ошибку – тавтологический оборот, связанный с аббревиатурой: «Председатели *Комбедов Бедноты*» [Как живут... (плакат), 1919: Инв. № 5772]. Аббревиатура *комбед* означает *комитет бедноты*, т.е. существительное «*беднота*» уже содержится в ней.

Тавтология может быть скрытой, во всяком случае, менее явной: «...делит результаты выборки на две *равные половины*» [Ивушкина, Виноградова, 2019, с. 6]. Выражение тавтологично: половины могут быть только равными, ибо часть, например, в 51 % (или 49 %), половиной не является.

С точки зрения И.П. Лысаковой, признаки, лежащие в основе типологии прессы, совпадают с источниками социальной дифференциации языка (классовыми, профессиональными, возрастными, гендерными) [Лысакова, 2005].

М. Милованова, выступая в передаче о русском языке, подчеркнула первичное значение слова по отношению к сознанию: «слово <...> формирует его» (Институт русского языка. Радио России, ноябрь, 2020). «Радио России» – поистине народное – можно сравнить в этом смысле с некоторыми печатными изданиями, не заостряющими внимания на безупречной грамотности преподносимых сообщений.

Некорректное склонение числительных

Переходя к другому «слабому месту» средств массовой информации, отметим, что числительные в них не только склоняются некорректно (в большей степени это каса-

ется сложных числительных), но зачастую приходится наблюдать полный отказ склонять их. Первые примеры (как и большая часть остальных) почерпнуты из радиопередач различной тематики:

– «По всей России около *девятис*та хостелов» (Радио России. 2019. 30 сент. 20:50. Передача «Вечерняя смена»);

– «От тысячи восьмисот до *семь* тысяч *четыре*ста долларов» (Радио России. 2019. 11 окт. 20:53. Передача «Вечерняя смена»). Конструкция требует родительной формы: до *семи* тысяч *четырёх*сот долларов.

В наших предыдущих работах [Ястребов-Пестрицкий, 2020а, 2020б] мы освещали тему «несклонения» или некорректного склонения числительных. Здесь – приводим примеры, не вошедшие в указанные работы, но несколько дополняющие их.

Собственно, примеры эти во многом тождественны (что, отчасти, делает бессмысленным увеличение их числа в настоящей работе: явление приобрело тотальный характер), и суть их одна: неумение или нежелание представителей СМИ правильно склонять числительные:

– «...и было ранено *около* *восемь*сот человек» (Радио России. 2019. 21 окт., 21:38. Статистическая сводка по ДТП). Номинативная форма числительного вместо генитивной: *восемь*сот;

– «...насчитывается от *восемь*сот до тысячи солдат» (Радио России. 2019. 27 окт., 12:00. Блок новостей). Номинативная форма числительного вместо генитивной: *восемь*сот;

– то же и в следующем примере в составе сложного числительного: «Порядка *семь*сот пятидесяти миллиардов – наш бюджет» (Радио России. 2019. 28 окт., 15:00. Блок новостей. Сюжет о наводнении);

– «...что соответствует *двести* *тридцать* сантиметров» (Радио России. 2019. 11 нояб., 07:00. Блок новостей).оборот требует дательной формы: *двум*стам *тридцати* сантиметрам;

– «Порядка *шесть* тысяч человек...» (Радио России. 2019. 12 нояб., 06:00. Блок новостей);

– «...около *девять*сот тысяч рублей» (Радио России. 2019. 15 нояб., 15:00. Блок новостей);

– «...около *шесть*сот гектар» (Радио России. 2019. 15 нояб., 18:40. Передача об арт-объектах);

– «...около *шесть*сот рублей» (Радио России. 2019. 5 дек., 07:18. Передача «Сигналы точного времени», сюжет о подготовке к Новому году);

– «Более *семь*сот человек...» (Радио России. 2019. 16 нояб., 09:45. Передача о военной подготовке);

– «В Китае более *восемь*десят процентов ресурсов загрязнены настолько...» (И. Калинин, эколог. Радио России. 2020. 16 янв., 07:42. Сюжет об экологии);

– «Порядка *пятис*та фуд-банков» (Ю. Назарова, гость студии. Радио России. 2020. 16 нояб., 07:49. Сюжет о food-банках).

Рекламные плакаты, размещённые в людных местах, безусловно, тоже являются средством массовой информации. Одна из таких рекламных надписей, вызывающая ряд вопросов, представлена здесь: «А знаете ли вы? За 25 лет мы помогли *более 1 млн.* человек. Объединённый ломбард» (Реклама в вагонах Санкт-Петербургского метрополитена). Поскольку под сокращением *1 млн* подразумевается дательная форма (*одному миллиону*), то перед собой она требует применения форманта *чем*: *помогли более чем одному миллиону человек*. Или рекламодателю следовало не мелочиться, а указать просто: *помогли одному миллиону человек*. Либо вообще избежать в данной конструкции форм дательного падежа: *За 25 лет нашей заботой было охвачено более 1 млн человек*. Но стремясь за простотой синтаксической конструкции, рекламодатель не справился со своей задачей.

Следующий пример из TV-источника: ошибка применения собирательного числительного в художественном произведении: «Нас же *двое!*» – отвечают герою А. Абдулова две *девушки* в кинофильме «Обыкновенное чудо», снятому по пьесе Е. Шварца. Ещё по школьной программе каждому изучавшему русский язык известно: **собирательные числительные** применимы только для мужской компании (*двое юношей*) или для компании, в которой есть хотя бы один мужчина (мальчик): *трое школьников; четверо учеников*. Девушек же (девочек, женщин) – может быть только *две (три, четыре, пять)*, но никак не *двое (трое, четверо, пятеро)* [Русский язык, 1992, с. 132–133].

Теперь, отступив от темы СМИ, сделаем исключение: приведём два примера из художественного текста. А.И. Солженицын (тонкий знаток русского языка, чуткий в отношении таких языковых упрощений, которые можно отнести к орфоэпическому кластеру городского просторечия) говорит от лица своих литературных героев:

– «К твоим *триста* Манюшка своих двести добавила, заплатили от себя шофёру, уж он привёз крупного угля» [Солженицын, 1990, с. 608];

– нагрейте её до *тридцать* градусов <...> и нагрейте её до *восемьдесят* градусов <...>. А ну-ка догреть до *сто?*» [Солженицын, 1990, с. 650].

Эти два примера помещены нами исключительно в сравнительных целях (один пример – возможно было бы посчитать случайным). Как видим, исследуемая проблема – проявила себя отнюдь не сегодня.

Наконец, приведём случай, удачно объединяющий в себе две темы, заявленные в заглавии настоящей статьи: «Вкладчики Сбербанка забрали 442 *миллионов* долларов за месяц» [Алпатова, 2020, с. 5]. Следовало: 442 *миллиона* долларов, как и во всех случаях, когда сложное числительное заканчивается на *два – три – четыре*. Эта фраза – подзаголовок газетной заметки И. Алпатовой. Но не менее интересно здесь и само заглавие: «Сбережения *рубль бережёт*». Оно представляется не вполне удачной инверсированной фразой (переименованный фразеологизм: *копейка рубль бережёт*). Но если в поговорке-первоисточнике *рубль* выступал как объект действия в винительном падеже, то здесь уже *рубль* – «деятель», субъект, а прямое дополнение *сбережения* (в винительном падеже) – дано инверсированно, что затрудняет восприятие всей фразы, заставляя вдумываться в смысл. Кроме того, что фраза инверсирована, она и тавтологична: *рубль бережёт сбережения* (при прямой, синтаксически нейтральной расстановке членов предложения). Корневая тавтология лишь усугубляет недоумение, вызываемое таким подзаголовком.

Заключение

Грубые ошибки, допускаемые в СМИ в отношении числительных, их некорректное применение как в печатных текстах, так и в «проговариваемом» варианте (радио, ТВ) приобретают в последнее время настолько массовый характер, что это размывает нормы кодифицированного языка и ставит под угрозу дальнейшее существование самих числительных как самостоятельной части речи, то есть числительные, продолжая номинально существовать, но «подстраиваясь» под другие части речи, имеют перспективу ассимилироваться, «раствориться» в них.

«Выловить» некорректное склонение числительных в печатном тексте трудно: зная о своём «слабом месте», журналисты, как правило, заменяют их цифрами. Но в аудиовизуальных СМИ все грамматические погрешности неизбежно вскрываются. Чтобы показать масштаб явления, в статье приведено много примеров (21 случай) неверного склонения сложных числительных в речи журналистов, радиоведущих, гостей студии «Радио России» (малая часть примеров взята из печатных источников). Каждый случай имеет чётко определённый «адрес» и «паспорт»: нами в процессе подготовки материалов статьи (2016–2020 гг.) были скрупулёзно зафиксированы координаты каждого источника (название передачи, дата и время ее выхода; номер и реквизиты печатного источника).

Что касается тавтологических оборотов и оборотов-плеоназмов, собранные в статье 35 примеров наглядно показывают, что речь, насыщенная ими, теряет свою строгость и официальность, что не всегда соответствует целеполаганию самих радиопередач, сообщающих, например, о серьёзных политических проблемах на мировой арене. Язык официальных СМИ в этом случае снижается до разговорного стиля, чего, несомненно, следует избегать, заранее прорабатывая тексты таких сообщений, не полагаясь на экспромты и сводя к возможному минимуму речевые излишества (к ним, помимо тавтологии и плеоназмов, можно отнести, например, чрезмерную метафоризацию, включение в официальную речь каламбуров, слишком ярких эпитетов, с одной стороны, и эвфемизмов, жаргонизмов, инвективной и обценной лексики – с другой).

Список источников

1. Алпатова И. 2020. Сбережения рубль бережёт. РГ, 8 окт., № 227. URL: <https://rg.ru/2020/10/07/vkladchiki-sberbanka-zabrali-442-millionov-dollarov-za-mesiac.html> (дата обращения: 30.11.2020).
2. Астафьев В.П. 1991. Любочка. Роман-газета, 4: 1–15.
3. Добровольский А. 2016. Цена очепятки. МК, 9–15 авг., № 172. URL: http://pressa.ru/files/issue/private/mk-moskovskij-komsomolets/2019/172-2019/raw_issue/mk-moskovskij-komsomolets-2019-172-2019.pdf (дата обращения: 30.06.2020).
4. Жуковская Ю. 2020. Москва ещё не достигла... Metro. 14 сент., № 103. URL: <https://rg.ru/2011/09/14/ovchinnikov.html> (дата обращения: 30.06.2020).
5. Ивушкина А., Виноградова Е. 2019. Век бы видеть. Известия. 27 сент., № 183. URL: https://cdn.iz.ru/sites/default/files/pdf/2019/27_09_2019.pdf (дата обращения: 30.06.2020).
6. Как живут русские люди под советской властью. 1919. Большевистские документы. Подлинные документы в «Русском бюро печати» (плакат). ГА РФ. Научная библиотека. Инв. № 5772.
7. Русский язык. 1992. Учебник для 6 класса средней школы. Изд. 16-е, дораб. – М., Просвещение, 336 с.
8. Солженицын А.И. 1990. В круге первом. М. – Кишинёв, Центр «Новый мир» – Нурегон, 752 с.
9. Солганик Г.Я. 2008. Предисловие. В кн.: Клушина Н.И. Стилистика публицистической речи. М., Медиамир: 7–8.
10. Щерба Л.В. 2007. О нормах образцового русского произношения. М., Аспект Пресс, 112 с.

Список литературы

1. Басовская Е.Н. 2011. Концепт «чистота языка» в советской газетной пропаганде. Дис... докт. филол. наук. Москва, 356 с.
2. Головкин Б.Н. 2005. Социолингвистическое моделирование управления современными СМИ. Дис. ... докт. филол. наук. Москва, 365 с.
3. Грабельников А.А. 2001. Массовая информация в России: От первой газеты до информационного общества. Дис. ... докт. истор. наук. Москва, 349 с.
4. Дзялошинский И.М. 2013. Коммуникационные стратегии социальных институтов в медиапространстве России. Дис. ... докт. филол. наук. Москва, 469 с.
5. Дускаева Л.Р. 2004. Диалогическая природа газетных речевых жанров. Дис. ... докт. филол. наук. Пермь, 359 с.
6. Казак М.Ю. 2012. Язык газеты. Белгород, ИД. «Белгород», 120 с.
7. Клушина Н.И. 2008. Интенциональные категории публицистического текста (на материале периодических изданий 2000 - 2008 гг.). Дис. ... докт. филол. наук. Москва, 352 с.
8. Лысакова И.П. 2005. Язык газеты и типология прессы: социолингвистическое исследование. СПб., Филологический факультет СПбГУ, 256 с.
9. Полонский А.В. 2009. Язык современных СМИ: культура публичного диалога. Мир русского слова, 1: 62–66.

10. Полонский А.В. 2018. Медиалект: язык в контексте медийной культуры. Современный дискурс-анализ. Вып. 3 (20). Т. 1: 189–198.
11. Полонский А.В. 2019. Лингвистика медиа: современная парадигма научного знания. *МедиаАльманах*, 1: 206–211. DOI: 10.30547/mediaalmanah.1.2019.206211.
12. Прохорова Т.Н. 2003. Реализация прагматического потенциала современного русского языка в жанрах газетной журналистики. Дис. ... докт. филол. наук. Белгород, 352 с.
13. Солганик Г.Я. 2004. Язык современных СМИ. *Журналистика и культура русской речи*, 1: 3–6.
14. Тулупов В.В. 2000. Дизайн и реклама в системе типологических признаков российских газет (филологический, философско-психологический и творческий аспекты). Дис. ... докт. филол. наук. Воронеж, 270 с.
15. Ястребов-Пестрицкий М.С. 2020а. Газетный текст дореволюционного периода: Структурно-репрезентативные особенности лексического и грамматического строя (компаративизация печатных изданий с полуторавековой временной дистанцией). Под ред. Е.В. Никольского. М., URSS, 288 с.
16. Ястребов-Пестрицкий М.С. 2020б. Числительные в СМИ: небрежность применения или постепенное редуцирование как отдельной части речи? В кн.: Реформы в повседневной жизни населения России: история и современность. Материалы международной научной конференции, г. Санкт-Петербург, 2–4 апреля, 2020 года. В 2-х тт. Т. 1. Под ред. В.А. Веременко, В.Н. Шайдурова. СПб, ЛГУ им. А.С. Пушкина: 162–167.
17. Bednarek M. 2018. *Language and Television Series. A Linguistic Approach to TV Dialogue*. Cambridge, Cambridge University Press, 318 p.
18. *Language in the Media: Representations, Identities, Ideologies*. 2007. Eds. S. Johnson, A. Ensslin. Udgiver Bloomsbury Publishing, 313 p.

References

1. Basovskaya E.N. 2011. Kontsept “chistota yazyka” v sovetskoj gazetnoy propaganda [The Concept of “Purity of Language” in Soviet Newspaper Propaganda]. Dis. ... doct. philol. sciences. Moskva, 356 p.
2. Golovko B.N. 2005. Sotsiolingvisticheskoe modelirovanie upravleniya sovremennymi SMI [Sociolinguistic Modeling of Modern Media Management]. Dis. ... doct. philol. sciences. Moskva, 365 p.
3. Grabel'nikov A.A. 2001. Massovaya informatsiya v Rossii: Ot pervoy gazety do informatsionnogo obshchestva [Mass Information in Russia: From the First Newspaper to the Information Society]. Dis. ... doct. history. sciences. Moskva, 349 p.
4. Dzyaloshinskiy I.M. 2013. Kommunikatsionnye strategii sotsial'nykh institutov v mediaprostranstve Rossii [Communication strategies of social institutions in the media space of Russia]. Dis. ... doct. philol. sciences. Moskva, 469 p.
5. Duskaeva L.R. 2004. Dialogicheskaya priroda gazetnykh rechevykh zhanrov [The dialogical nature of newspaper speech genres]. Dis. ... doct. philol. sciences. Perm', 359 p.
6. Kazak M.Yu. 2012. Yazyk gazety [Language of the newspaper]. Belgorod, Publ. ID. «Belgorod», 120 p.
7. Klushina N.I. 2008. Intentsional'nye kategorii publitsisticheskogo teksta (na materiale periodicheskikh izdaniy 2000–2008 gg.) [Intentional categories of publicistic text (based on the material of periodicals 2000–2008)]. Dis. ... doct. philol. sciences. Moskva, 352 p.
8. Lysakova I.P. 2005. Yazyk gazety i tipologiya pressy: sotsiolingvisticheskoe issledovanie [Language of the Newspaper and Typology of the Press: A Sociolinguistic Study]. SPb., Publ. Filologicheskij fakul'tet SPbGU, 256 p.
9. Polonskiy A.V. 2009. Yazyk sovremennykh SMI: kul'tura publichnogo dialoga [The language of modern media: a culture of public dialogue]. *The world of Russian word*, 1: 62–66.
10. Polonskiy A.V. 2018. Medialekt: yazyk v kontekste mediynoy kul'tury [Medialect: language in the context of media culture]. *Sovremennyy diskurs-analiz*, 3 (20). Vol. 1: 189–198.
11. Polonskiy A.V. 2019. Lingvistika media: sovremennaya paradigma nauchnogo znaniya [Linguistics of Media: a Modern Paradigm of Scientific Knowledge]. *MediaAlmanah Journal*, 1: 206–211. DOI: 10.30547/mediaalmanah.1.2019.206211.

12. Prokhorova T.N. 2003. Realizatsiya pragmaticeskogo potentsiala sovremennogo russkogo yazyka v zhanrakh gazetnoy zhurnalistiki [Realization of the pragmatic potential of the modern Russian language in the genres of newspaper journalism]. Dis. ... doct. philol. sciences. Belgorod, 352 p.
13. Solganik G.Ya. 2004. Yazyk sovremennykh SMI [The Language of Modern Media]. Zhurnalistika i kul'tura russkoy rechi, 1: 3–6.
14. Tulupov V.V. 2000. Dizayn i reklama v sisteme tipologicheskikh priznakov rossiyskikh gazet (filologicheskii, filosofsko-psikhologicheskii i tvorcheskii aspekty) [Design and advertising in the system of typological features of Russian newspapers (philological, philosophical, psychological and creative aspects)]. Dis. ... doct. philol. sciences. Voronezh, 270 p.
15. Yastrebov-Pestritskiy M.S. 2020a. Gazetnyy tekst dorevolutsionnogo perioda: Strukturno-reprezentativnye osobennosti leksicheskogo i grammaticheskogo stroya (komparativizatsiya pechatnykh izdaniy s polutoravekovoy vremennoy distantsiei) [Newspaper text of the pre-revolutionary period: Structural and representative features of the lexical and grammatical structure (comparativization of printed publications with a half-century time distance)]. Ed. E.V. Nikol'skiy. M., Publ. URSS, 288 p.
16. Yastrebov-Pestritskiy M.S. 2020b. Chislitel'nye v SMI: nebrezhnost' primeneniya ili postepennoe reduktirovanie kak otdel'noy chasti rechi? [Numbers in the media: negligence or gradual reduction as a separate part of speech?] In: Reformy v povsednevnoy zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost' [Reforms in the everyday life of the population of Russia: history and modernity]. Proceedings of the International Scientific conference, St. Petersburg, April 2–4, 2020. In 2 vols., vol. 1. Edited by V.A. Veremenko, V. N. Shaidurov. SPb, Publ. LGU im. A.S. Pushkina: 162–167.
17. Bednarek M. 2018. Language and Television Series. A Linguistic Approach to TV Dialogue. Cambridge, Cambridge University Press, 318 p.
18. Language in the Media: Representations, Identities, Ideologies. 2007. Eds. S. Johnson, A. Ensslin. Udgiver Bloomsbury Publishing, 313 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ястребов-Пестрицкий Михаил Сергеевич, кандидат филологических наук, ведущий специалист Научной библиотеки Госархива РФ (НБ ГАРФ), г. Москва, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhail S. Yastrebov-Pestritskiy, PhD in Philology, Leading Specialist of the Scientific Library of the State Archives of the Russian Federation (NB GARF), Moscow, Russia

ПЕДАГОГИКА PEDAGOGICS

УДК 37.035.6(=512.1)
DOI 10.18413/2712-7451-2021-40-1-49-59

Феномен любви к детям в этнопедагогике крымскотатарского народа

Асанова З.Р.

Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова,
Россия, 295015, Республика Крым, г. Симферополь, Учебный переулок, 8
E-mail: asanova.zarema@yandex.ua

Аннотация. В рамках гуманистической педагогики считается необходимым построение субъект-субъектных отношений между участниками воспитательного процесса как в семье, так и в образовательных организациях. Раскрытие феномена любви к детям с позиции этнопедагогике позволит обратить внимание на трансформацию взаимоотношений между взрослыми и детьми в народной культуре. В силу недостаточных исследований в этнопедагогике крымскотатарского народа автором на основе анализа психолого-педагогических, этнографических и фольклорных источников определено понятие «любовь к детям», охарактеризовано рассматриваемое явление с позиции построения взросло-детских отношений и ценностных установок в педагогической культуре крымских татар. Показано, что несмотря на социально-экономические преобразования, которые претерпевает современный мир, основные идеи и ценности, заложенные в рассматриваемом явлении, существенно не изменились. В них прослеживается общность со взглядами других народов и сторонников гуманистической педагогики, где категорически не приемлемо принуждение и насилие, а пропагандируется сочетание уважения к ребенку с разумной требовательностью. Специфичность проявления любви к детям в этнопедагогике крымских татар заключается в том, что она рассматривается как тихое чувство, которое, если проявляется чрезмерно активно, то расценивается как хвастовство.

Ключевые слова: любовь к детям, народная культура, духовные ценности, крымские татары.

Для цитирования: Асанова З.Р. 2021. Феномен любви к детям в этнопедагогике крымскотатарского народа. Вопросы журналистики, педагогики, языкознания, 40 (1): 49–59. DOI 10.18413/2712-7451-2021-40-1-49-59

The phenomenon of love for children in the ethnopedagogy of the Crimean Tatar people

Zarema R. Asanova

Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University
8 Uchebnyperuolok, Simferopol, Republic of Crimea, 295015, Russian Federation
E-mail: asanova.zarema@yandex.ua

Abstract. Within the framework of humanistic pedagogy, it is considered necessary to build subject-subject relations between participants in the educational process, both in the family and in educational organizations. The disclosure of the phenomenon of love for children from the standpoint of ethnopedagogy will allow paying attention to the transformation of relationships between adults and children in folk culture.

Due to insufficient research in the ethnopedagogy of the Crimean Tatar people, the author, based on the analysis of psychological, pedagogical, ethnographic and folklore sources, defines the concept of «love for children», characterizes the phenomenon under consideration from the point of view of building adult-child relations and value attitudes in the pedagogical culture of the Crimean Tatars. Despite the socio-economic transformations that the modern world is undergoing, the main ideas and values of the traditional Crimean Tatar culture associated with the attitude to the child continue to be cultivated and have practically not changed. They trace a commonality with the views of other peoples and supporters of humanistic pedagogy, where coercion and violence are categorically unacceptable, and the combination of respect for the child with reasonable exactingness is promoted. The specificity of the manifestation of love for children in the ethnopedagogy of the Crimean Tatars is that it is considered as a quiet feeling, which, if shown excessively actively, is regarded as bragging.

Keywords: love for children, national culture, spiritual values, Crimean Tatars.

For citation: Asanova Z.R. The phenomenon of love for children in the ethnopedagogy of the Crimean Tatar people. 2021. Issues in Journalism, Education, Linguistics, 40 (1): 49–59 (in Russian). DOI 10.18413/2712-7451-2021-40-1-49-59

Введение

В рамках гуманистической педагогики считается необходимым построение субъект-субъектных отношений между участниками воспитательного процесса как в семье, так и в образовательных организациях. Раскрытие феномена любви к детям позволит обратить внимание на переоценку ценностей в современном мире, трансформацию взаимоотношений между взрослыми и детьми, проблемы семейного воспитания, переосмыслить воспитательные традиции прошлого.

Этнопедагогика крымскотатарского народа как научная отрасль берет начало с последнего десятилетия XX века после появления серии научных изданий и первых диссертаций, связанных с исследованием крымскотатарской педагогической культуры, в которых охарактеризованы крымскотатарские традиции воспитания детей, обозначены педагогические условия воспитания в группах дошкольных образовательных организаций и классах школ с крымскотатарским языком обучения, систематизированы этнопедагогические средства и многое другое.

В этнопедагогике крымскотатарского народа М.А. Хайруллин [Хайруллин, 2003] дети обозначены как наивысшая ценность, воспитание которых основывается на органично связанных и взаимодополняющих национально-духовных, культурных, интеллектуальных, трудовых и физических ценностях. З.И. Мустафаева [Мустафаева, 2001] выделила пять основных компонентов крымскотатарской этнопедагогике (локъсалыкъ девери эдеби – народная фамииология, халкъ балашыналыкь – народное детоведение, халкъ дидактикасы – народная дидактика, кутлеви тербие амели – массовая воспитательная практика, халкъ тербиесининь эсаслары – народная деонтология), подчеркивая, что в них отражены народные знания о создании крепкой и здоровой семьи, об особенностях физического и психического развития детей, формирования духовного мира ребенка от рождения до вхождения во взрослую жизнь и т.п. Л.И. Кадырова [Кадырова, 2009], анализируя крымскотатарские традиции нравственного воспитания подрастающего поколения, отмечает, что дети являются последним звеном в семейной цепочке нравственно-ценностных взаимоотношений, вокруг которых строится вся жизнь крымскотатарской семьи. Э.Р. Зарединова [Зарединова, 2004], опираясь на специфику современной крымскотатарской семьи, определила педагогические условия формирования нравственно-ценностных взаимоотношений родителей и детей.

Учитывая ограниченность обращения к феномену любви к детям в предыдущих исследованиях, ставим перед собой цель раскрыть сущность рассматриваемого явления в этнопедагогике крымскотатарского народа, определив понятие «любовь к детям», охаракте-

ризовав его с позиции построения взросло-детских отношений и ценностных установок в педагогической культуре крымскотатарского народа.

Объекты и методы исследования

При рассмотрении феномена любви к детям мы руководствовались общелогическими приемами: от абстрактного (философского и психолого-педагогического осмысления феномена любви к детям) к конкретному (этнопедагогическому аспекту).

В ходе исследования применялись герменевтические методы – изучение, понимание, раскрытие значений и интерпретация особых текстов (произведений устного народного творчества, предметов и явлений материальной и духовной культуры и т.д.), применение которых характерно для этнопедагогического исследования (Ш.М.-Х. Арсалиев [2013], В.А. Вакаев [2001], М.А. Хайруддинов [2003] и др.).

Определяя идеал взросло-детских отношений и ценностных установок в педагогической культуре крымскотатарского народа, мы обращались к пословицам и поговоркам, в частности к сборникам малых жанров крымскотатарского фольклора Ш. Асанова [2013], Д. Бекирова [1993], А. Боданинского [1915], Р. Фазыла [1971]; к произведениям художественной литературы Ш. Алядина, А. Герайбая, Ю. Кандыма, М. Нузета, А. Одабаша, У. Токтаргазы, Н. Челебиджихана, Б. Чобан-заде и др.

Для того, чтобы представить, как складывались отношения взрослых к ребенку в прошлом, были изучены и этнографические материалы XVI–XIX вв.

Уточнить место ребенка, его значимость в жизни современной крымскотатарской семьи и крымскотатарской этнической общности в целом позволили изучение результатов научных исследований З.Р. Асановой [2015], Э.Р. Зарединовой [Зарединова, 2004], Л.И. Кадыровой [Кадинова, 2009], устные беседы с родителями крымскотатарских детей (80 респондентов, проживающих в Республике Крым) и анализ публикаций за последние два десятилетия в СМИ.

Сравнение народной педагогической культуры крымских татар с культурами других народов, описанными в исследованиях С.Ш. Гаджиевой [2005], Ф.С. Газизовой [2015], М.Б. Гуртуевой [1997], В.Г. Закировой [2002], А.Э. Измайлова [1991], Н.Д. Пчелинцевой [2001], Д. Селек [2012], позволило сопоставить сложившуюся на протяжении веков народную педагогическую практику родственных по тюркской и мусульманской линиям этнических сообществ.

Любовь к детям в традиционной крымскотатарской культуре

Понятие «любовь к детям» можно трактовать через отношение, принятие, привязанность, устремленность к объекту, желание обладать им и служить ему, психологическую реальность. Мы, опираясь на исследование М.В. Базаровой [2008], остановимся на следующем определении: любовь к детям – это смысложизненная ценность, которая ориентирует родителей и других взрослых, принимающих участие в развитии ребенка, на гармонические взаимоотношения и их наполнение эмоционально-ценностным содержанием.

Рассматривая феномен любви к детям в этнопедагогике крымскотатарского народа, остановимся на том, что это явление характерно не только для родителей ребенка (родительская любовь), но и для других членов кровно-родственного окружения этого ребенка (любовь многочисленной родни: бабушек, дедушек, теток и дядьев, старших братьев и сестер), а также всего этнического сообщества (любовь представителей отдельной общины (соседей, педагогов, старейшин, мудрецов) и крымскотатарского народа в целом).

В статье «Проблема социализации личности в этнопедагогике крымскотатарского народа» автором [Асанова, 2015] на основе анализа малых жанров фольклора, в которых содержится педагогическая мудрость народа, и этнографических исследований XIX столетия, обозначено, что для крымских татар иметь детей почитается за великое благословие небес. Это связано с религиозными воззрениями народа. В Коране показано всемо-

гущество Аллаха, прописано, что от желания Всевышнего зависит продолжение потомства (Коран, 42: 49).

В педагогической культуре крымских татар есть понимание того, что ребенок – это не просто дар, он требует к себе внимания, создания необходимых условий для его взросления: «Баласы ёкънынъ бир къайгысы бар, баласы барнынъ бинъ къайгысы бар» («Если нет ребенка – одна забота, если есть ребенок – тысяча»), «Баласыз эви мезар, балалы эви – базар» («Дом без детей – кладбище (тихий), дом с детьми – рынок (шумный)») [Боданинский, 1915; Къайда бирлик, 1971].

Материнскую любовь в традиционной культуре крымских татар можно назвать безусловной. Родное дитя для матери – самое лучшее, самое красивое: «Къаргъа баласына аппагъым дер, кирпи баласына йымшагъым дер» («Ворона своего птенца красивым называет, а ежиха ежонка – пушистым»). О тесной связи матери и ребенка, особенно в первые годы жизни ребенка, говорят следующие пословицы: «Ананынъ сютю балдан татлы» («Молоко матери (грудное молоко) слаще меда»), «Ана – емиш тереги, бала – мейвасы» («Мать – фруктовое дерево, ребенок – его плоды»). Материнская любовь в повседневной жизни проявляется в определенной жертвенности: «Ана гедже турып аш берер, гедже юкъусын чокъ болер» («Мать сон прервет и ночью встанет, чтобы накормить ребенка») [Аталар сёзлери, 2013]. Подтверждение высокой степени самопожертвования крымскотатарских матерей находим в этнографических материалах [Кондараки, 1875, с. 20].

Материнская любовь отличается от отцовской. Обуславливает это различие функций, которые накладываются на каждого из родителей – мать, согревающая своим теплом, заботой, уютом, добротой; отец, требующий к себе уважения, несущий ответственность за семью, работающий и поэтому реже бывающий дома и меньше уделяющий внимание ребенку: «Ана – эвде янгъан чыракъ, баба – тёрде отургъан къонакъ» («Мать – свет дома, горящая свеча, отец – гость, сидящий на почетном месте»), «Ана балагъа эки козьнен бакъар, баба – бир козьнен» («Мать смотрит на ребенка двумя глазами, отец – одним»), «Бабасы ёкъ – ярым етим, анасы ёкъ – дертли етим» («Без отца – ребенок наполовину сирота, без матери – страдающий ребенок») [Аталар сёзлери, 2013; Къайда бирлик, 1971].

В путевых очерках Е. Маркова отмечено, что «татарские мужчины, даже молодые, а особенно старики, необыкновенно любят детей: видеть их суровые фигуры, терпеливо нянчающие ребенка и наивно играющие с ним, всегда мне доставляло нравственного успокоение» [Марков, 1902, с. 355]. В первые годы жизни ребенка подобное отношение отца проявлялось как к сыну, так и дочери. С взрослением ребенка, учитывая, что, сложились и передавались из поколения в поколения определенные традиции социального ожидания («Огълан бала ана-бабагъа таянгъыч, къыз бала – мусафирдир» («Сын – опора родителей, дочь – гость в доме»)) [Къайда бирлик, 1971] и дифференцированного воспитания детей четко по половому признаку (традиции первого пострига, прокалывание ушей, «суннет» (обрезания) и др. [Хайруллинов, 2002], все четче можно наблюдать различия в отношении родителей к сыну и дочери.

Мать считала себя ответственной за воспитание дочери: «Ана къургъан салынджакъта къыз да салланыр» («Какие мать построит качели, на таких дочь и качается»), «Басмасына коре беги, анасына коре къызы» («Как след похож на стопу, так и дочь похожа на мать») [Къайда бирлик, 1971]. Поэтому к дочери мать предъявляла больше требований, нежели к сыну, стараясь обучить ее всем хозяйским премудростям, которые бы пригодились девушке уже в замужней жизни.

Такой же требовательной является любовь отца к сыну. Отец после обряда «суннет», который сопровождался словами «Машалла! Энди сен акъайлар сырасына кирдинъ!» («Молодец! Теперь ты вошел в мужское общество!») [Бекирова, 2001], считал необходимым передать свое ремесло сыну, обучить его: «Баба унери балагъа мирас» («Ремесло отца – наследство сыну») [Къайда бирлик, 1971].

Нельзя утверждать, что отцы проявляли любовь только к сыновьям как помощникам и защитникам семьи, продолжателям рода. Любовь отца к дочери хоть и содержала

элементы строгости, показывающие границы, за которые нельзя было переступить, но также в ней присутствовала сдержанная нежность, которая проявлялась во взгляде и скупых, но сказанных в ответственные моменты жизни, словах. Требовательность отца к дочери ограничивалась словами-запретами, которые в старину чаще всего передавались через мать [Хайруддинов, 2002].

Отец, несмотря на то, что имел беспрекословный авторитет в семье, к детям не должен был применять физическое наказание: «Акъыллы баба баласыны урмаз» («Умный отец не ударит ребенка») [Бекиров, 1993]. В наставлениях народной педагогики крымских татар звучит, что бить детей – неправильно, это приводит к замкнутости и скрытности, родителю-мусульманину не надо создавать противостояние между собой и ребенком, а без крика и безболезненно решать жизненные ситуации [Хайруддинов, 2002].

В целом же, в крымскотатарской семье рады и мальчику, и девочке: «Огълан олсун, къыз олсун, эли-аягъы тюз олсун» («Хоть мальчик будет, хоть девочка, лишь бы был здоровым») [Къайда бирлик, 1971]. Согласно Исламу, сыновья – украшения этой жизни (Коран, 18:46), но и скверны решения тех, кто чернеет и с горечью воспринимает весть о рождении девочки (Коран, 16:58-59).

Помимо родительской любви ребенок в традиционной многопоколенной крымскотатарской семье получает любовь бабушек и дедушек, сущность которой отражена в пословице «Баламны баласы балдан татлы» («Ребенок моего ребенка (внук) слаще меда») [Къайда бирлик, 1971]. Она может быть безусловной и безграничной. Бабушки и дедушки проявляют меньше требовательности к внукам, реже бранят и наказывают, делятся с ними позитивным эмоциональным зарядом и душевным спокойствием, ласкают, переживают, заботятся. Согласно крымскотатарским традициям старшее поколение играет роль «референтной группы» для подрастающего поколения «большой семьи» [Бекирова, 2014], терпеливо шаг за шагом обучает премудростям жизни и воспитывает, основываясь на многовековом жизненном опыте народной педагогики [Байрамов, 1991].

В этнографических исследованиях находим подтверждение тому, что в традиционной культуре крымских татар отношение взрослых к ребенку было заботливым, «признающим своим нравственным инстинктом и за ребенком такое же человеческое достоинство, как и за самим собой» [Марков, 1902, с. 355]. К тому же в традиционной культуре крымских татар ребенок, который лишился родителей, не оставался без присмотра, его обязательно брали на попечение ближайшие родственники и стремились относиться к сироте как к родному.

Подобное отношение к детям наблюдается и в традиционной культуре других народов. Это связано с тем, что народная педагогика крымских татар вобрала в себя многое от древнейших народов, населявших когда-то Крым (тавров, скифов, киммерийцев), из классического наследия греков, римлян, древних тюрков и арабов, испытала влияние цивилизаций Средней Азии, Кавказа, Ирана и Руси [Хайруддинов, 2002]. Особенно близки произведения устного народного творчества и традиции родственных на основе общих тюркских корней и религиозных мусульманских взглядов народов. В частности, в народной педагогике турков, казанских татар, азербайджанцев, карачаево-балкарцев, кумыков и других тюрко-мусульманских народов отмечается гуманистическая направленность, показана ценность детства – радость от рождения ребенка и празднества в его честь [Закирова, 2002; Мустафаева, 2001], готовность родителей на всевозможные пожертвования ради ребенка [Газизова, 2015; Кондараки, 1875], самое лучшее детям [Байрамов, 1991; Гаджиева, 2005], взаимопомощь старшего и младшего поколений [Пчелинцева, 2001; Бекирова, 2014], ответственность родителей за образование и воспитание детей [Марков, 1902; Селек, 2012], активное стремление вызвать интерес у подрастающего поколения к изучению родного языка и культуры [Гуртуева, 1997; Хайруддинов, 2003].

Трансформационные процессы в проявлении любви к детям в крымскотатарской этнической группе Крыма

Любовь к детям характеризуется как нежное, заботливое, требовательное в пределах разумного отношение к ребенку со стороны взрослых (в первую очередь, родителей и педагогов). Но именно такие характеристики отношения к детям были не всегда. Л.К. Нефедова [2005] отмечает, что ребенок длительное время рассматривался как несовершенный интеллектуальный субъект, и лишь принятие детства как суверенного, значимого и альтернативного взрослому миру позволило обратить внимание на проблемы душевно-духовной жизни человека в детстве. В исследовании А.Г. Кислова [2002] также показана эволюция в европейской культуре мировоззренческого отношения социума к ребенку и периоду детства в целом – от нивелирования детства до признания права ребенка на инаковость. Педагогическое исследование К.А. Сечиной [2011] подтверждает, что в истории педагогики смыслы понятия «любовь к детям» изменчивы и разнообразны под влиянием конкретно-исторических общественных условий и особенностей педагогических воззрений.

Традиционная этническая культура, несмотря на устойчивость традиций, ее составляющих, явление динамичное. Турецкие ученые, проводившие полевые исследования в Крыму, отмечают, что в начале XXI в. этническая идентичность крымских татар остается неизменной, в то же время культурная идентичность становится гибридной. Изменения в некоторой степени коснулись семейных традиций (празднование дня рождения и Нового года), однако, несмотря на выборочное заимствование элементов из других культур, религиозные традиции и праздники в основном остались неизменными [Aydingün, Aydingün, 2007].

Анализ ответов, полученных в ходе устных бесед, которые проводились в 2019–2020 гг. в Крыму (г. Симферополь, г. Евпатория, Симферопольский р-н, Сакский р-н, Нижнегорский р-н, Красногвардейский р-н, Раздольненский р-н) с родителями крымскотатарских детей, свидетельствует о том, что все больше и больше современных крымскотатарских семей соответствуют характеристикам, которые дает М.Г. Королев [2016] – снижение непреложного авторитета родителей и прародителей из-за того, что они часто оказываются не в состоянии быстро осваивать технические новинки, понимать новые слова и социокультурные явления; нивелирование традиционного разделения домашних работ на мужские и женские, которое обусловлено размытостью границ между «чисто женскими» и «чисто мужскими» сферами деятельности. Но в то же время необходимо отметить, что крымскотатарская семья не освободилась полностью от пристального внимания со стороны своей этногруппы. В крымскотатарском сообществе не приветствуются как широкая вариабельность в выборе брачного партнера, так и легкость избавления от него. Традиции и устои «большой семьи» продолжают сохраняться, хотя несколько пошатнулись. Такое положение обусловлено тем, что крымскотатарский народ стремится к сохранению и дальнейшему развитию своей культуры. Об этом свидетельствуют публикации в газетах «Голос Крыма», «Янъы дунья» («Новый мир»), журналах «Йылдыз» («Звезда»), «Ана тили оджаларына» («Учителям родного языка»), "Nesil" («Поколение»), выступления на телевидении («Миллет») и в сети интернет ("Crimeantatars club"): «Мы приходим и уходим, но национальное образование должно жить вечно!»¹, «Для сохранения крымскотатарского языка главную роль играет, прежде всего, воспитание ребенка в семье»² и т.п.

Сравнение ответов на вопросы во время устной беседы представителей крымскотатарского народа старшего (50–80 лет) и среднего (30–50 лет) поколений, позволяет обратить

¹Чилингинова Г., 2021. Каджаметова С. Мы приходим и уходим, но национальное образование должно жить вечно! Голос Крыма. 29 янв. № 4: 7. URL: <http://goloskrimanew.ru/safure-kadzhametova-myi-prihodim-i-uhodim-no-natsionalnoe-obrazovanie-dolzno-zhit-vechno.html>

² Акадыров З., 2020. Смыслы жизни: Энисе Абибуллаева. URL: <https://www.crimeantatars.club/education/smysly-zhizni-enise-abibullaeva>

внимание на то, что взаимоотношения между родителями и детьми становятся современнее. Так, мужчины стали участвовать в воспитании не только сыновей, но и дочерей. Снижается и степень жесткости и безапелляционности в требованиях. Современные родители разъясняют ребенку необходимость того или иного требования, обосновывают свои запреты, при этом осознавая, что эти меры воспитания также являются проявлением любви. Молодые мамы и папы отмечают, что они чаще словесно («люблю тебя», «мой(я) любимый(ая)» и т.п.) и телесно (объятия, поглаживания, поцелуи) выражают свою любовь к собственным детям, чем их родители по отношению к ним. Но в то же время большинство респондентов считают, что излишнее проявление нежности к ребенку, особенно при посторонних, не приемлемо в их семьях. И не только потому, что ребенок может вырасти капризным и избалованным. По их мнению, любовь должна быть спокойной, проявляться в терпении и заботе, а не являться показателем статуса хорошего и правильного родителя. На протяжении веков в каждом поколении крымских татар родители, заботясь о подрастающем поколении, стремились дать детям достойное воспитание и образование [Байрамов, 1991; Марков, 1902; Хайруддинов, 2002]. При этом не было принято прилюдно выражать свои чувства, обнимать и целовать детей, играть с ними и шутить [Хайруддинов, 2002].

Для современного ребенка не менее значима и любовь педагога, который его обучает и воспитывает. В крымскотатарском фольклоре и литературе немало пословиц и поговорок, стихотворений о ценности учения и науки, подчеркивающих авторитет педагогов и ученых. Но также можно найти и произведения, в которых описывается любовь педагогов к детям. Одним из таких произведений является «Молитва ласточек» Н. Челебиджихана, в котором любовь учителя школы-рушдие к детям обозначена через описание впечатлений ребенка-подростка: «... мы учились, и играли. Мы жили в радости и в любви...» [Челебиджихан, 2002, с. 168]. Обучение в новометодных школах, открывавшихся в Крыму в конце XIX – начале XX вв. благодаря активной деятельности великого крымскотатарского просветителя И. Гаспринского, строилось на гуманистических принципах, учете возрастных и индивидуальных особенностей обучающихся, любви к ним, что вызывало ответные чувства и у детей «...мы оказались в школе. Меня сразу охватила какая-то непонятная светлая радость...», «Теперь мы не боялись учителя – мы его любили» [там же]. Организация обучения, где учебная деятельность сменялась игровой, где объяснение учебного материала учителем вело к пониманию и осознанию полученной информации учениками, и другие конкретные профессиональные действия учителя, основанные на гуманистических представлениях о воспитании и обучении, которые описаны в рассказе, – это проявление любви педагога к детям.

Современные крымскотатарские педагоги, определяя и выбирая соответствующие стили взаимоотношений с воспитанниками, не оставляют без внимания современное развитие психолого-педагогической науки. Так, например, в рамках позитивной педагогики акцентируется внимание на том, что каждый ребенок обладает потенциально большими познавательными, творческими и физическими возможностями, при этом важно, чтобы для их позитивного развития были созданы необходимые условия [Колесова и др., 2015, с. 4].

Итак, в современной крымскотатарской педагогической культуре также, как и в целом в культуре детства начала XXI в., ребенок рассматривается как индивидуальность со своими правами, а в педагогическом аспекте решающим становится создание условий и ситуаций для непосредственного его бытия на основе свободной и искренней взаимной ответно-ответственной насущности ребенка и взрослого друг другу [Кислов, 2002]. В этом проявляется стремление крымских татар к интегрированию в мировое сообщество, принятие общечеловеческих ценностей и основных положений гуманистической педагогики. А обращение к истокам, сокровищнице народной педагогической мудрости, позволяющей сдерживать процесс ассимиляции, продолжает оставаться одной из первоочередных задач крымскотатарского этнического сообщества. Подтверждение тому, что крымские татары положительно относятся к интеграции и отрицательно – к ассимиляции, находим в иссле-

довании Е. Кодья, Н. Лебедевой, которые определили, что этническая, территориальная и религиозная идентичности крымских татар относительно сильны, в то время как национальная и российская этнолингвистические идентичности крайне слабы [Kodja, Lebedeva, 2018, p. 9].

Выводы

Таким образом, определив сущность феномена «любовь к детям» на основе анализа фольклорных, этнографических материалов и научных исследований, можем утверждать, что основные идеи и ценности, заложенные в рассматриваемом явлении, существенно не изменились. В них прослеживается общность со взглядами других народов и сторонников гуманистической педагогики, где категорически не приемлемо принуждение и насилие, а пропагандируется сочетание уважения к ребенку с разумной требовательностью. Специфичность проявления любви к детям в этнопедагогике крымских татар заключается в том, что она рассматривается как тихое чувство, которое, если проявлять чрезмерно активно, то расценивается как хвастовство.

Исследование не является исчерпывающим. В дальнейшем необходимо проведение экспериментальных исследований, позволяющих определить степень изменений, которые происходят в воспитательной практике крымскотатарской семьи и этнического сообщества в целом.

Список источников

1. Аталар сёзлери ве айтымлар. Къырымтатар тилининъ паремиологик лугъаты. Ш. Асанов. 2002. Симферополь. Къырымдевокъувпеднешир, 184 с.
2. Байрамов Э. 1991. Сохраняя обычаи дедов. Заметки о народной педагогике крымских татар. Детская литература. № 6: 20–24.
3. Бекиров Д. 1993. Бала фольклоры (Детский фольклор). Симферополь, Таврия, 111 с.
4. Бекирова Л. 2001. Кто он – мужчина крымский татарин? Голос Крыма, 12 окт., № 41: 7.
5. Боданинский А. 1915. Пословицы, поговорки и приметы крымских татар. Известия ученой арх. комиссии. Вып. 52: 1–67.
6. Кондараки В.Х. 1875. Универсальное описание Крыма. Ч. 11. СПб., Тип. В. Веллинса, 87 с.
7. Къайда бирлик, анда тирлик. Къырымтатар аталар сезлери (Крымскотатарские пословицы). Сост. Р. Фазыл. 1971. Ташкент, Изд-во им. Г. Гуляма, 192 с.
8. Марков Е.Л. 1902. Очерки Крыма: Картины крымской жизни, истории и природы. Спб.-М., Тип. тов. М.О. Вольф, 612 с.
9. Челебиджихан Н. 2002. Молитва ласточек. В кн. Крымскотатарская литература. Сборник произведений фольклора и литературы VIII–XX вв. Сост. Л.С. Юнусова. Симферополь, Доля, 164–169. (Челебиджихан Н. 1913. Къарылгъыач дуасы. Яш татар язылары. Стамбул. Транслитерация с арабской графики на кириллицу Ю. Кандыма, перевод Ш. Абдурамановой, редакция перевода Л. Юнусовой).

Список литературы

1. Арсалиев Ш.М.-Х. 2013. Методология современной этнопедагогике. М., Гелиос АРВ, 319 с.
2. Асанова З.Р. 2015. Проблема социализации личности в этнопедагогике крымскотатарского народа. Проблемы современного педагогического образования. Сер. Педагогика и психология, 48 (3): 22–30.
3. Базарова М.В. 2008. Любовь как смысложизненная ценность. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ставрополь, 21 с.
4. Бекирова, 2014. Традиция «большой семьи» в контексте неоконсерватизма. Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. Серия: Философия. Культурология. Политология. Социология. Том 27. Серия 3(66): 369–376.

5. Вакаев В.А. 2001. Методология философского анализа этнопедагогики. В кн.: Образ человека в историко-философском познании. Ан С.А., Маркин В.В. Сборник трудов лаборатории «Философия человека и образования» и кафедры философии БГПУ. Барнаул, С. 154–159.
6. Гаджиева С.Ш. 2005. Кумыки: историческое прошлое, культура, быт. Книга вторая. Махачкала, Дагестанское книжное издательство, 436 с.
7. Газизова Ф.С. 2015. Этнопедагогические основы становления и развития педагогики детства татар. Автореферат дис. ... докт. пед. наук. Нижний Новгород, 42 с.
8. Гуртуева М.Б. 1997. Этнопедагогика карачаево-балкарского народа: (в связи с общностью проблемы традиционных педагогических культур народов Северного Кавказа). Нальчик, Эльбрус, 256 с.
9. Закирова В.Г. 2002. Традиционная педагогическая культура татарской семьи. Автореферат дис. ... докт. пед. наук. Казань, 41 с.
10. Измайлов А.Э. 1991. Народная педагогика: педагогические воззрения народов Средней Азии и Казахстана. М., Педагогика, 253 с.
11. Кислов А.Г. 2002. Оправдание детства как феномен культуры: философский анализ. Автореф. дис. ... докт. филос. наук. Екатеринбург, 46 с.
12. Колесова С.В., Бжиская Ю.В., Краснова Е.В., Нургалева Л.В. 2015. Развитие образования, науки и реформ в России. St. Louis, Missouri, USA, Publ. House Science and Innovation Center, 84 с. DOI: 10.12731/nkras.ru/DESRR.2015.84
13. Королев М.Г. 2016. Педагогика родительства: от теории к практике. Под ред. С.Ю. Девярых. Минск, РИВШ, 168 с.
14. Нефедова Л.К. 2005. Феномен детства в основных формах его репрезентации (философия, миф, фольклор, литература). Автореф. дис. ... докт. филос. наук. Омск, 38 с.
15. Пчелинцева Н.Д. 2001. Воспитание детей и подростков в сельской азербайджанской семье: вторая половина XX века. Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Москва, 24 с.
16. Селек Д. 2012. Воспитание художественной культуры дошкольника средствами фольклора народов Турции: на примере сказок. Автореферат дис. ... канд. пед. наук. Москва, 25 с.
17. Сечина К.А. 2011. Смыслы понятия «любовь к детям» в отечественной педагогике XX века. Автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 22 с.
18. Хайрулдинов М.А. 2002. Этнопедагогика крымскотатарского народа. К., Науковий світ, 335 с.
19. Aydingün I., Aydingün A. 2007. Crimean Tatars Return Home: Identity and Cultural Revival. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 33 (1): 113–128. DOI: 10.1080/13691830601043554
20. Заредінова Е.Р. 2004. Формування морально-ціннісних взаємин батьків і дітей молодшого шкільного віку в сучасній кримськотатарській сім'ї. Автореф. дис. ... канд. пед. наук. К., 18 с.
21. Кадилова Л.І. 2009. Моральне виховання дітей старшого дошкільного віку на традиціях етнопедагогіки кримських татар. Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Одеса, 20 с.
22. Kodja E., Lebedeva N. 2018. The Role of Multiple Identities and Acculturation Strategies in Psychological Well-Being of Crimean Tatars. *Ser. Psychology*, 97/PSY, 25 p. Available at: <https://wp.hse.ru/data/2018/10/18/1156422698/97PSY2018.pdf> (accessed: 05.03.2021).
23. Мустафаєва З.І. 2001. Виховання дошкільнят за собами етнопедагогіки в кримськотатарських сім'ях. Автореф. дис... канд. пед. наук. К., 19 с.
24. Хайрулдінов М.А. 2003. Становлення і тенденції розвитку етнопедагогіки кримськотатарського народу. Автореф. дис... докт. пед. наук. К., 37 с.

References

1. Arsaliev Sh.M.-H. 2013. Metodologija sovremennoj jetnopedagogiki [Methodology of modern ethnopedagogy]. М., Gelios ARV, 319 p.
2. Asanova Z.R. 2015. Problema sotsializatsii lichnosti v etnopedagogike krymskotatarskogo naroda [The problem of personality socialization in the ethnopedagogy of the Crimean Tatar people]. *Problems of modern pedagogical education. Ser. Pedagogy and Psychology*, 48 (3): 22–30.
3. Bazarova M.V. 2008. Lyubov' kak smyslozhiznennaya tsennost' [Love as a value in life]. *Abstract. dis. ... cand. philos. sciences. Stavropol'*, 21 p.

4. Bekirova, 2014. Tradicija "bol'shoj sem'i" v kontekste neokonservatizma [The "big family" tradition in the context of neoconservatism]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Serija: Filosofija. Kul'turologija. Politologija. Sociologija*, Vol. 27. Ser. 3(66): 369–376.
5. Vakaev V.A. 2001. Metodologija filosofskogo analiza jetnopedagogiki [Methodology of philosophical analysis of ethnopedagogy]. In: *Obraz cheloveka v istoriko-filosofskom poznanii* [The image of man in historical and philosophical knowledge.]. An S.A., Markin V.V. Barnaul, 154–159.
6. Gadzhieva S.Sh. 2005. Kumyki: istoricheskoe proshloe, kul'tura, byt [Kumyks: historical past, culture, everyday life]. Book Two. Mahachkala, Dagestanskoe knizhnoe izdatel'stvo, 436 p.
7. Gazizova F.S. 2015. Jetnopedagogicheskie osnovy stanovlenija i razvitija pedagogiki detstva tatar [Ethnopedagogical foundations of the formation and development of Tatar childhood pedagogy]. Abstract. dis. ... dokt. ped. nauk. Nizhnij Novgorod, 42 p.
8. Gurtueva M.B. 1997. Jetnopedagogika karachaevo-balkarskogo naroda: (V svjazi s obshhnost'ju problemy tradicionnyh pedagogicheskikh kul'tur narodov Severnogo Kavkaza) [In connection with the commonality of the problem of traditional pedagogical cultures of the peoples of the North Caucasus]. *Nal'chik, Jel'brus*, 256 p.
9. Zakirova V.G. 2002. Tradicionnaja pedagogicheskaja kul'tura tatarskoj sem'i [Traditional pedagogical culture of the Tatar family]. Abstract. dis. ... dokt. ped. nauk. Kazan', 41 p.
10. Izmajlov A.Je. 1991. Narodnaja pedagogika: pedagogicheskie vozzrenija narodov Srednej Azii i Kazahstana [Folk pedagogy: pedagogical views of the peoples of Central Asia and Kazakhstan]. M., Pedagogika, 253 p.
11. Kislov A.G. 2002. Opravdanie detstva kak fenomen kul'tury: filosofskiy analiz [Justification of childhood as a cultural phenomenon: a philosophical analysis]. Abstract. dis.... doct. philos. sciences. Ekaterinburg, 46 p.
12. Kolesova S.V., Bzhiskaya Yu.V., Krasnova E.V., Nurgaleeva L.V. 2015. Razvitie obrazovaniya, nauki i reform v Rossii [Development of education, science and reforms in Russia]. St. Louis, Missouri, USA, Publ. House Science and Innovation Center, 84 p. DOI: 10.12731/nkras.ru/DESR.2015.84
13. Korolev M.G. 2016. Pedagogika roditel'stva: ot teorii k praktike [Pedagogy of parenting: from theory to practice]. Ed. S.Yu. Devyat'kh. Minsk, Publ. RIVSh, 168 p.
14. Nefedova L.K. 2005. Fenomen detstva v osnovnykh formakh ego reprezentatsii (filosofiya, mif, fol'klor, literatura) [The phenomenon of childhood in the main forms of its representation (philosophy, myth, folklore, literature)]. Abstract. dis. ... doct. philos. sciences. Omsk, 38 p.
15. Pchelinceva N.D. 2001. Vospitanie detej i podrostkov v sel'skoj azerbajdzhanskoj sem'e: vtoraja polovina XX veka [Raising children and adolescents in a rural Azerbaijani family]. Avtoreferat dis. ... kand. ist. nauk. M., 24 p.
16. Selek D. 2012. Vospitanie hudozhestvennoj kul'tury doshkol'nika sredstvami fol'klora narodov Turcii: na primere skazok [Education of art culture of preschool children by means of folklore of the peoples of Turkey: on the example of fairy tales]. Avtoreferat dis. ... kand. ped. nauk. M., 25 p.
17. Sechina K.A. 2011. Smysly ponyatiya «lyubov' k detyam» v otechestvennoj pedagogike XX veka [Meanings of the concept of "love for children" in the national pedagogy of the XX century]. Abstract. dis. ... cand. ped. sciences. SPb., 22 p.
18. Hajruddinov M.A. 2002. Jetnopedagogika krymskotatarskogo naroda [Ethnopedagogy of the Crimean Tatar people]. K., *Naukovij svijt*, 335 p.
19. Aydingün I., Aydingün A. 2007. Crimean Tatars Return Home: Identity and Cultural Revival. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 33 (1): 113–128. DOI: 10.1080/13691830601043554
20. Zaredinova E.R. 2004. Formuvannja moral'no-cinnisnyh vzajemnyh bat'kiv i ditej molodshogo shkil'nogo viku v suchasnij kryms'kotatars'kij sim'i [Formation of moral and value relations of parents and children of primary school age in the modern Crimean Tatar family]. Abstract. dis. ... cand. ped. science. K., 18 p.
21. Kadyrova L.I. 2009. Moral'ne vyhovannja ditej starshogo doshkil'nogo viku na tradycijah etnopedagogiky kryms'kyh tatar [Moral education of children of senior preschool age on traditions of ethnopedagogy of the Crimean Tatars]. Abstract. dis. ... cand. ped. science. Odesa, 20 p.

22. Kodja E., Lebedeva N. 2018. The Role of Multiple Identities and Acculturation Strategies in Psychological Well-Being of Crimean Tatars. Ser. Psychology, 97/PSY, 25 p. Available at: <https://wp.hse.ru/data/2018/10/18/1156422698/97PSY2018.pdf> (accessed: 05.03.2021).

23. Mustafajeva Z.I. 2001. Vyhovannja doshkil'njat za sobamy etnopedagogiky v kryms'kotatars'kyh sim'jah [Education of preschool children in ethnopedagogy in Crimean Tatar families]. Abstract. dis ... cand. ped. science. K., 19 p.

24. Hajruddinov M.A. 2003. Stanovlennja i tendencii' rozvytku etnopedagogiky kryms'kotatars'kogo narodu [Formation and tendencies of development of ethnopedagogy of the Crimean Tatar people]. Abstract. dis ... doct. ped. science. K., 37 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Асанова Зарема Ризаевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры дошкольного образования и педагогики Крымского инженерно-педагогического университета имени Февзи Якубова, г. Симферополь, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zarema R. Asanova, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Preschool Education and Pedagogy of the Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov, Simferopol, Russia.

УДК 378:37.014

DOI 10.18413/2712-7451-2021-40-1-60-68

Формирование нового образа и компетенций выпускника-2030 через призму концепции всеобщего управления качеством

Кучерявенко С.А., Назарова А.Н., Стенюшкина С.Г.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: Kucheryavenko_s@bsu.edu.ru

Аннотация. В современном динамично развивающемся обществе востребованными на рынке труда становятся выпускники, обладающие набором надпрофессиональных компетенций, или soft skills. В связи с этим возникает необходимость использования в образовательном процессе гибких индивидуальных образовательных траекторий обучающихся, позволяющих самостоятельно выбирать направления подготовки для формирования необходимых в будущем компетенций. Целью данного исследования является формирование нового образа и определение компетенций выпускника-2030 через призму концепции всеобщего управления качеством. В результате был определен базовый набор необходимых компетенций будущего; предложена целевая модель подготовки выпускника-2030, построенная на принципах всеобщего управления качеством и непрерывного совершенствования; представлена принципиальная модель учебного плана «2+2+2», отражающая индивидуальную траекторию саморазвития на основе принципов образования в течение всей жизни, обосновано использование инструментов внутренней и внешней независимой оценки качества подготовки обучающихся. Результаты исследования могут быть использованы в процессе проектирования, разработки и реализации образовательных программ высшего образования.

Ключевые слова: управление качеством, образовательная организация, независимая оценка качества образования, цикл PDCA, модель выпускника, компетенции будущего, качество образования, компетентностный подход, процессный подход, непрерывное обучение.

Благодарности: исследование проведено в рамках международного проекта по программе Европейского союза Erasmus+ № 619477-EPP-1-2020-1-NL-EPPKA2-SBHE-JP «Улучшение внутренней оценки качества образования в сфере преподавания и обучения в вузах Азербайджана и России, IQAinAR».

Для цитирования: Кучерявенко С.А., Назарова А.Н., Стенюшкина С.Г. 2021. Формирование нового образа и компетенций выпускника-2030 через призму концепции всеобщего управления качеством. Вопросы журналистики, педагогики, языкознания, 40 (1): 60–68. DOI 10.18413/2712-7451-2021-40-1-60-68

Formation of a new image and competencies of the Graduate-2030 through the prism of the total quality management concept

Svetlana A. Kucheryavenko, Anastasia N. Nazarova, Svetlana G. Stenyushkina

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russian Federation
E-mail: Kucheryavenko_s@bsu.edu.ru

Abstract. In today's dynamically changing society, the issues of the students training quality are becoming increasingly relevant and important. Graduates with a set of soft-skills become in demand in the labor market. In this connection, there is a need to use flexible individual educational trajectories of students in the educational process, allowing them to independently choose the areas of training for the formation of the necessary competencies in the future. The purpose of this study is to form a new image

and define the competencies of the Graduate-2030 through the prism of the total quality management concept. The study defined the basic set of required competencies of the future; proposed target model training the Graduate-2030, built on the principles of total quality management and continuous improvement; presented the basic curriculum model “2+2+2” reflecting individual path of self-development based on the principles of learning throughout life. In order to successfully build and adjust individual educational trajectories of students, it is justified using of tools for internal and external independent assessment of the students training quality. The results of the study can be used in the process of designing, developing and implementing educational programs of higher education.

Keywords: quality management, educational organization, independent assessment of education quality, PDCA cycle, graduate model, future competencies, quality of education, competence approach, process approach, continuous learning.

Acknowledgements: the study was carried out within the framework of an international project under the European Union program Erasmus + No. 619477-EPP-1-2020-1-NL-EPPKA2-CBHE-JP "Enhancement of internal quality assurance of education in teaching, learning and assessment in HEIs of Azerbaijan and Russia".

For citation: Kucheryavenko S.A., Nazarova A.N., Stenyushkina S.G. Formation of a new image and competencies of the Graduate-2030 through the prism of the total quality management concept. Issues in Journalism, Education, Linguistics, 40 (1): 60–68 (in Russian). DOI 10.18413/2712-7451-2021-40-1-60-68

Введение

Имеющие место в настоящее время глобальные изменения в экономике и тренды вызывают потребность в совершенно новых индивидуальных и коллективных компетенциях, что в свою очередь влияет на траекторию подготовки обучающихся. В условиях современного рынка труда уже не актуальны универсальные знания и конкретные компетенции, позволяющие действовать по заранее определенному сценарию. Все большее значение для профессиональной самореализации и построения успешной карьеры приобретают метакомпетенции, то есть «мягкие навыки» (soft skills): творческие способности, умение выстраивать коммуникации, сотрудничать. Это обуславливает необходимость переосмысления различных аспектов образовательной системы и усиления конкурентных преимуществ образовательной организации высшего образования.

Выступая с ежегодным посланием к Федеральному Собранию, Президент России Владимир Путин изложил видение стратегических направлений развития России на ближайшую перспективу, в том числе в сфере образования, и обозначил необходимость предоставления студентам возможности поменять направление подготовки или образовательную программу в процессе обучения. Глава государства отметил, что «необходимо серьезно заняться развитием вузов в регионах, включая укрепление их учебной, исследовательской и социальной инфраструктуры, системы профессиональной подготовки и повышения квалификации преподавателей. Чтобы студенты могли получать современные знания и начать карьеру на своей малой родине. Рынок труда сегодня динамично меняется, появляются новые профессии, усложняются требования к существующим. И высшая школа должна гибко и быстро реагировать на эти запросы. Считаю, что нужно дать возможность студентам после второго курса выбирать новое направление или программу обучения, включая смежные профессии»¹.

В связи с этим становится актуальным формирование принципиальной модели учебного плана, а также целевой модели подготовки выпускника-2030, в которых будет предусмотрена возможность выбора направлений подготовки, начиная с третьего года обучения, что позволит обучающимся уже после второго курса усилить выбранное

¹ Президент России. Послание Президента Федеральному Собранию. 15 января 2020 года, 13:15. Москва. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582> (дата доступа: 30.12.2021).

направление важными знаниями и компетенциями из смежных областей, тем самым получив более конкурентоспособное образование.

Направления развития и политика в области качества образовательной организации

Попробуем ответить на вопрос, в каком направлении следует развивать и на что ориентировать политику образовательной организации, чтобы в будущем выпускать квалифицированных и конкурентоспособных специалистов. Прежде всего, важно предусмотреть ожидания пользователей образовательных услуг, а также необходимые «компетенции будущего». На основании материалов доклада Global Education Futures «Образовательные экосистемы для общественной трансформации» общепринятое понятие «компетенции будущего» включает: во-первых, разнообразные профессиональные компетенции, так называемые *hard skills* – «жесткие навыки», необходимые в соответствии с постоянно меняющимися технологиями и организацией работы; во-вторых, надпрофессиональные компетенции, так называемые *soft skills* – «мягкие навыки», включающие знания, независимые от выбранной профессии, применяемые в любых социальных и личностных ситуациях.

Наибольшее значение приобретают «мягкие навыки», способствующие личности справиться с фундаментальной изменчивостью, неопределенностью, сложностью и неоднозначностью будущего, в том числе способность к сотрудничеству, творчеству, предпринимательству и т. д.; способствующие пониманию будущего и/или реализации различных будущих сценариев и разработке соответствующих стратегий для индивидуальных и коллективных действий, развитию системного мышления, способности самостоятельно решать возникающие проблемы и находить новые возможности для самореализации; помогающие ориентироваться в новейших информационных и коммуникационных технологиях, развивающие базовые навыки программирования, поиска, обработки и анализа информации, способствующие развитию и удержанию внимания в условиях информационной перегрузки; развивающие эмоциональный и межличностный интеллект, стремление к самосовершенствованию, достижению мастерства в разных сферах жизни и профессиональной деятельности¹ [Лукуша и др., 2017].

На сегодняшний день существующая система высшего образования не позволяет в полном объеме сформировать необходимые компетенции будущего выпускника. Для перехода к образовательной системе завтрашнего дня первым шагом может служить принципиально новый подход к построению учебного плана, который позволит обучающимся освоить не узкий набор базовых компетенций, а целый ряд разнонаправленных знаний, умений и навыков.

Учебный план по принципу «2+2+2»

Учебный план, построенный авторами по принципу «2+2+2», состоит из курсов разного типа, которые зависят от выбранной индивидуальной траектории обучения студентов (рис. 1). Предполагается, что первые два курса обучения направлены на самоопределение и самоорганизацию студентов. Обязательные дисциплины позволят студенту развить мультидисциплинарный кругозор, целеустремленность, а также базовые навыки, позволяющие успешно конкурировать на рынке труда. По окончании второго курса обучения студенты определяются с профилем, направленностью будущей профессии. С третьего курса определяется дальнейшая индивидуальная траектория обучения, при которой выбор дисциплин студенты определяют самостоятельно, исходя из личных предпочтений и интересов, учитывая, какие знания в последующем окажутся необходимыми в трудовой дея-

¹ Лукуша П., Кубиста Д., Лазло А., Попович М., Ниненко И. 2017. Образование для сложного общества. Образование для сложного мира: зачем, кому и как. Международный саммит Global Education Leaders' Partnership, г. Москва, 1-3 ноября, 2017 года. Global Education Futures. URL: https://futuref.org/educationfutures_ru (дата обращения: 15.12.2020).

тельности. Индивидуальный выбор элективных курсов осуществляется на протяжении всего периода обучения.

Возможность выбора индивидуальной траектории обучения важна для тех абитуриентов университета, которые заинтересованы не просто в получении высшего образования, а в формировании компетенций, необходимых им в будущем.

Чтобы молодому специалисту уметь своевременно реагировать на постоянно изменяющиеся требования рынка труда, во время обучения необходимо сформировать soft skills, а в дальнейшем регулярно повышать свою квалификацию и на протяжении всей жизни заниматься саморазвитием [Ксенофонтова, Ершов, 2019].

Междисциплинарность является основой учебного плана	Компетенции	Дисциплины	Бакалавриат				Магистратура	
			1 курс	2 курс	3 курс	4 курс	1 курс	2 курс
Обязательная часть (универсальные, общепрофессиональные, обязательные профессиональные компетенции)								
Формирование компетенций выходит на первый план	K1	Д1, Д2...	Самоопределение, самоорганизация (создание «мультидисциплинарного» кругозора, развитие базовых навыков, мотивации и целеустремленности студентов) 1-2 курсы		Специализация (выбор одного из предложенных профилей) 3-4 курсы		Профессионализация (развитие знаний и навыков, обогащение полученного опыта в выбранном направлении)	
	K2	Д3, Д4...						
	K3	ДВ5, ДВ6						
Часть, формируемая участниками образовательных отношений (универсальные, общепрофессиональные, обязательные профессиональные, рекомендуемые профессиональные компетенции)								
Возможность выбора дисциплины	K1	Д7, Д8...	Вариативность (индивидуальный выбор дисциплин) 1-4 курсы					
	K2	ДВ1, ДВ2						
	K3	ДВ3, ДВ4						
Формы, технологии, результат обучения			Стажировки на профильных предприятиях с целью адаптации к будущей профессии	Технологии групповой деятельности	Проектное обучение, критический анализ, синтез информации		Технологии творческих мастерских: исследовательские методы обучения	ВКР как прикладное исследование по заказу предприятия /научно-исследовательская работа
			Командная работа в «творческих лабораториях»		Междисциплинарные курсовые проекты	ВКР как проект, демонстрационный экзамен		

Индивидуальная траектория саморазвития на основе принципов образования в течение всей жизни

Рис. 1. Принципиальная модель учебного плана «2+2+2»
 Fig. 1. Principal model of the educational plan "2+2+2"

Таким образом, важным этапом в развитии системы современного образования становится переход к непрерывному обучению, что влечет расширение функций образовательной организации высшего образования. Примерами могут служить развитие дополнительного образования и формирование у обучающихся культуры саморазвития. Обучающиеся должны стремиться к достижению поставленных целей, выбирать необходимые им курсы, использовать новые технологии и способы обучения (онлайн-курсы, мастер-классы, деловые игры, исследовательские проекты и др.), использовать различные образовательные ресурсы и включаться в различные образовательные процессы, в том числе практики и стажировки. Все это позволит обеспечить целостное развитие личности на протяжении всей жизни.

В этой связи университет должен выступать интеграционным центром образовательной экосистемы, ориентированной на различные формы воспитания, обучения и самообразования. При этом преподаватель является навигатором данного образовательного пространства, наставником, формирующим команды, научные школы, а обучающиеся должны максимально использовать это пространство для личного роста, развития и формирования необходимых компетенций [Горова, Шевченко, 2017].

Представленная на рисунке 2 целевая модель подготовки выпускника-2030 основана на концепции всеобщего управления качеством с использованием цикла Деминга – PDCA (от англ. *Plan-Do-Check-Act* – Планирование – Действие – Проверка – Корректировка). Данная модель позволяет достигать улучшения системы менеджмента качества образовательных организаций высшего образования через улучшение ее процессов [Концепция..., 2020].

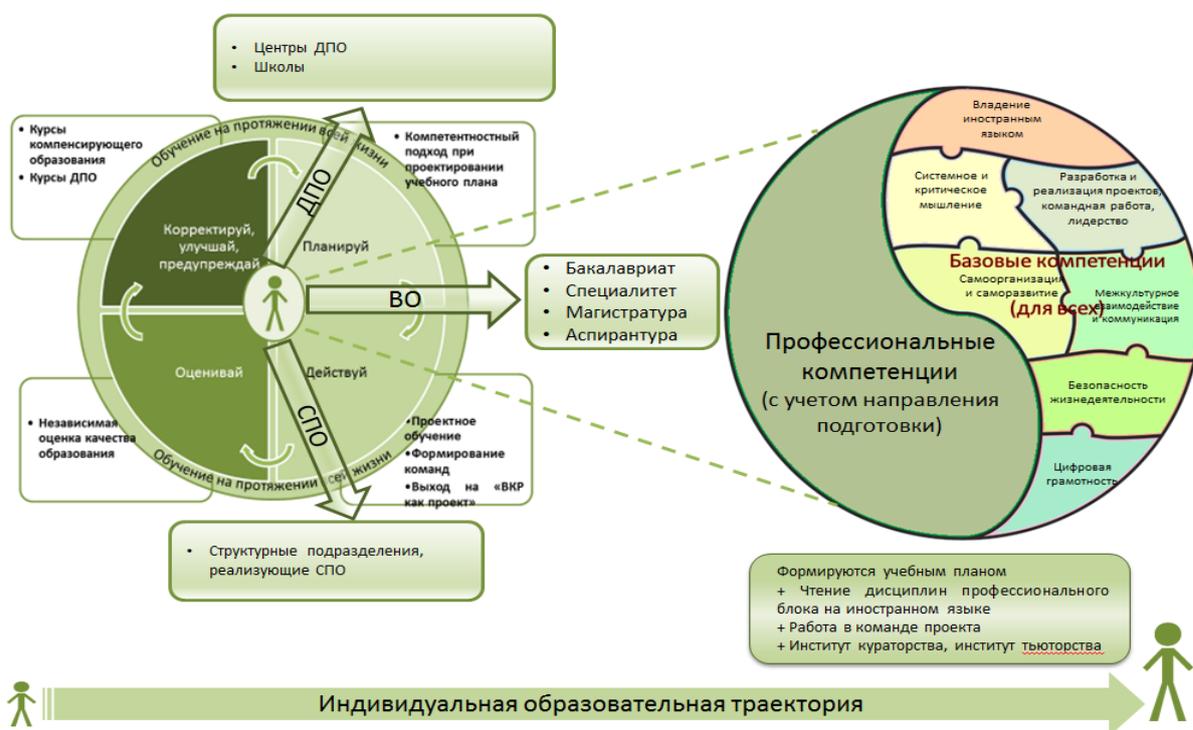

Рис. 2. Целевая модель подготовки выпускника-2030
 Fig. 2. Target training model of the graduate-2030

Так, с целью повышения качества образовательного процесса этапы цикла Деминга соотнесены с основными процессами университета.

Планирование образовательного процесса является одним из самых важных этапов. На этапе «Планирование» при проектировании учебного плана применяется компетентный подход, который «предполагает не усвоение обучающимися различных знаний, умений и навыков, а овладение ими в комплексе» [Примеров, 2011].

Основная образовательная деятельность осуществляется на следующем этапе цикла «Действие», при котором запланированные мероприятия реализуются как традиционными методами, так и с использованием инструментов проектного обучения. Достигнутый уровень знаний, умений и навыков выпускников определяет качество результатов образовательной деятельности вуза. Высокое качество результатов будет достигнуто только лишь при достаточно высоком уровне организации и контроля образовательного процесса [Лончих и др., 2017].

На этапе «Оценка» анализируются достигнутые результаты исходя из данных мониторинга удовлетворенности потребителей образовательных услуг и осуществления процедур независимой оценки качества образования.

Формирование в вузах системы независимой оценки качества образования приобретает в последнее время все большую актуальность. Функционирование системы оценки на каждом из этапов обучения способствует достижению позитивной динамики качества подготовки обучающихся, а также позволяет укрепить позиции образовательных организаций высшего образования в национальных и мировых университетских рейтингах.

Одним из компонентов системы независимой оценки качества образования на начальном этапе обучения является входной контроль уровня подготовленности обучающихся. Это исследование направлено на проверку базовых знаний и компетенций, приобретенных на предшествующем этапе обучения с целью построения индивидуальной образовательной траектории обучающегося в образовательных организациях высшего образования и своевременного выявления областей улучшения в образовательном процессе [Дмитриева, Габинская, 2019]. С целью оценки эффективности организации учебного процесса и качества освоения образовательных программ в процессе обучения необходимо проведение таких процедур, как оценка остаточных знаний, оценка качества подготовки обучающихся в части сформированности компетенций, проведение олимпиад и т.д. Данные процедуры позволят не допустить возникновения риска несформированности компетенций обучающегося, в то же время предоставив возможность индивидуальной траектории развития.

Одной из оценочных процедур на этапе завершения обучения является Федеральный интернет-экзамен для выпускников бакалавриата (далее – ФИЭБ), который реализуется НИИ мониторинга качества образования как добровольная внешняя сертификация выпускников бакалавриата на соответствие требованиям ФГОС ВО с использованием сертифицированных педагогических измерительных материалов.

Проведение ФИЭБ согласуется с реализацией мероприятий, целевыми индикаторами и показателями подпрограммы «Обозначение глобальной конкурентоспособности российского высшего образования» Государственной программы Российской Федерации «Научно-технологическое развитие Российской Федерации»¹.

Сертификат качества, полученный по итогам успешного прохождения процедуры, подтверждает проведение независимой оценки качества подготовки выпускников, учитывается в Национальном агрегированном рейтинге и при проведении государственной и профессионально-общественной аккредитации.

Таким образом, все представленные инструменты внутренней и внешней независимой оценки качества образования (рис. 3) позволяют своевременно получать необходимую информацию для принятия актуальных управленческих решений с целью успешного планирования и корректировки индивидуальных образовательных траекторий обучающихся [Тугускина, 2020].

Этап «Корректировка» заключается в проведении мероприятий по устранению выявленных проблем, формировании плана корректирующих и предупреждающих действий, а также в выполнении мероприятий по постоянному улучшению процессов.

Инновационный подход в образовании, представляющий собой подготовку высококвалифицированных кадров для всех сфер деятельности и отраслей промышленности, определяет инновационный путь развития страны в целом. Именно поэтому переход на инновационный путь развития связан с инвестированием в человеческий капитал.

¹ Постановление Правительства России от 29.03.2019 № 377 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Научно-технологическое развитие Российской Федерации"».

Рис. 3. Независимая оценка качества подготовки обучающихся
 Fig. 3. Independent assessment of the students training quality

Заключение

Современные тенденции развития высшего образования требуют внедрения новых перспективных программ для подготовки специалистов, основными характеристиками которых будут являться гибкость, эффективность, конкурентоспособность и востребованность на рынке труда. Все это обуславливает необходимость формирования индивидуальной траектории обучения на основе независимой оценки текущих образовательных результатов. Ввиду этого, еще на начальном этапе обучения важно определить уровень базовой подготовленности обучающегося с целью дальнейшего формирования индивидуальной образовательной траектории и использовать процедуры независимой оценки качества образования для недопущения снижения качества подготовки и контроля достижения запланированных результатов обучения, позволяющих сформировать необходимые компетенции.

Помимо этого, одной из главных целей образовательной политики вузов на современном этапе становится создание и развитие системы непрерывного образования на протяжении всей жизни путем формирования культуры саморазвития у обучающихся. Саморазвитие в течении всей жизни позволяет получать новые востребованные навыки и знания, эффективно функционировать в динамичной социально-экономической среде, соответствовать быстро изменяющимся требованиям рынка труда, общества, экономики. В то же время развитие непрерывного образования позволяет решать широкий ряд социальных и экономических задач, наиболее важными среди которых являются использование новых технологий, повышение производительности труда, возможность сочетать стремление личности к социальной реализации и успешность в работе.

Внимание к проблеме качества образования и его оценке ориентирует на необходимость заложить в основу процесса проектирования, разработки и реализации образовательных программ концепцию всеобщего управления качеством и принцип непрерывного совершенствования. На первый план выступают вопросы перехода от контроля качества к мерам по его обеспечению путем выявления факторов, снижающих эффективность и ре-

зультативность образовательного процесса. Такой подход позволит своевременно выявлять области улучшения в образовательных процессах и обеспечить высокий уровень качества подготовки обучающихся.

Список литературы

1. Абдаллах К.М. 2019. Актуальные проблемы оценки качества образования в вузе. Молодой ученый, 17: 203–204. URL: <https://moluch.ru/archive/255/58365/> (дата обращения: 25.12.2020).
2. Васильчиков А.В. 2020. Национальный проект «Образование» и форсайт-проект «Образование-2030» как драйверы развития системы высшего образования в России. Евразийский юридический журнал, 3 (142): 361–364.
3. Горовая В.И., Шевченко Г.И. 2017. Качество результатов образования в формате компетенций личности. Преподаватель XXI век, 4-1: 90–100.
4. Дмитриева Н. В., Габинская О. С. 2019. Внутренняя независимая оценка качества высшего образования: необходимость, виды и инструменты. Теоретическая и прикладная экономика, 1: 41–48. DOI: 10.25136/2409-8647.2019.1.28661
5. Ефимов В.С. 2012. Форсайт высшей школы России: контуры перспективной государственной политики. Университетское управление: практика и анализ, 5: 6–42.
6. Концепция Э. Деминга в управлении качеством. 2020. Белгород, ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ», 178 с.
7. Ксенофонтова Т.Ю., Ершов Е.М. 2019. Развитие системы управления формированием профессиональных и надпрофессиональных компетенций у выпускников российских вузов в условиях цифровой трансформации. Экономика и менеджмент систем управления, 3 (33): 41–48.
8. Лонщик П.А., Лившиц И.И., Кунаков Е.П., Дролова Е.Ю., Лонщик Н.П., Карасев С.Н., Карасева В.А., Никифорова К. 2017. Совершенствование процесса подготовки бакалавров и магистров на основе внедрения концепции СДИО и цикла Деминга. Качество. Инновации. Образование, 1 (140): 3–11.
9. Примеров Д.А. 2011. Система формирования оценочной компетенции у студентов педагогических вузов. Мир науки, культуры, образования, 3 (28): 98–101.
10. Решетникова О.А. 2018. «Портрет» выпускника через призму требований КИМ: настоящее и формируемое будущее. Педагогические измерения, 2: 4–7.
11. Тугускина Г.Н. 2020. Качество образования выпускников вузов: региональный аспект. Экономика образования, 6 (121): 39–48.
12. Ansar, Arifin S., Ikhfan H. 2018. Assessing soft skills of undergraduate students: framework for improving competitiveness, innovation and competence of higher education graduates. Studia Humanitatis, 1: 4.
13. Kucheryavenko S.A., Stenyushkina S.G., Nazarova A.N., Bondarenko B.A. 2020. Quality assessment of university students training. Research Result. Pedagogy and Psychology of Education, 6 (2): 26–33.

References

1. Abdallah K.M. 2019. Aktual'nye problemy otsenki kachestva obrazovaniya v vuze [Actual problems of assessing the quality of education at a university]. Molodoy uchenyy, 17: 203–204. Available at: <https://moluch.ru/archive/255/58365/> (accessed: 25 December 2020).
2. Vasil'chikov A.V. 2020. Natsional'nyy proekt «Obrazovanie» i forsayt-proekt «Obrazovanie 2030» kak drayvery razvitiya sistemy vysshego obrazovaniya v Rossii [National project "Education" and foresight project "Education 2030" as drivers of development of the higher education system in Russia]. Eurasian Law Journal, 3 (142): 361–364.
3. Gorovaya V.I., Shevchenko G.I. 2017. Kachestvo rezul'tatov obrazovaniya v formate kompetentsiy lichnosti [Quality of educational outcomes in the format of personality competencies]. Prepodavatel XXI vek, 4-1: 90–100.
4. Dmitrieva N.V., Gabinskaya O.S. 2019. Vnutrennyaya nezavisimaya otsenka kachestva vysshego obrazovaniya: neobkhodimost', vidy i instrumenty [Internal independent assessment of the quality of higher education: necessity, types and tools]. Theoretical and applied economics, 1: 41–48. DOI: 10.25136/2409-8647.2019.1.28661

5. Efimov V.S. 2012. Forsayt vysshey shkoly Rossii: kontury perspektivnoy gosudarstvennoy politiki [Foresight of Higher Education in Russia: Outlines of Prospective Public Policy]. *University Management: Practice and Analysis*, 5: 6–42.
6. Kontseptsiya E. Deminga v upravlenii kachestvom [The concept of E. Deming in quality management]. 2020. Belgorod, Publ. ID «BelGU» NIU «BelGU», 178 p.
7. Ksenofontova T.Yu., Ershov E.M. 2019. Razvitie sistemy upravleniya formirovaniem professional'nykh i nadprofessional'nykh kompetentsiy u vypusknikov rossiyskikh vuzov v usloviyakh tsifrovoy transformatsii [Development of a management system for the formation of professional and supra-professional competencies among graduates of Russian universities in the context of digital transformation]. *Ekonomika i menedzhment sistem upravleniya*, 3 (33): 41–48.
8. Lontsikh P.A., Livshits I.I., Kunakov E.P., Drolova E.Yu., Lontsikh N.P., Karasev S.N., Karaseva V.A., Nikiforova K. 2017. Sovershenstvovanie protsessa podgotovki bakalavrov i magistrrov na osnove vnedreniya kontseptsii CDIO i tsikla Deminga [Improvement the process of preparing bachelors and masters based on the implementation of the CDIO concept and the Deming cycle]. *Quality. Innovation. Education*, 1 (140): 3–11.
9. Primerov D.A. 2011. Sistema formirovaniya otsenочноy kompetentsii u studentov pedagogicheskikh vuzov [The system of formation of assessment competence among students of pedagogical universities]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 3 (28): 98–101.
10. Reshetnikova O. A. 2018. «Portret» vypusknika cherez prizmu trebovaniy KIM: nastoyashchee i formiruemoe budushchee ["Portrait" of a graduate through the prism of KIM requirements: the present and the future being shaped]. *Educational Measurements*, 2: 4–7.
11. Tuguskina G.N. 2020. Kachestvo obrazovaniya vypusknikov vuzov: regional'nyy aspekt [The quality of education of university graduates: a regional aspect]. *Economics of Education*, 6 (121): 39–48.
12. Ansar, Arifin S., Ikhfan H. 2018. Assessing soft skills of undergraduate students: framework for improving competitiveness, innovation and competence of higher education graduates. *Studia Humanitatis*, 1: 4.
13. Kucheryavenko S.A., Stenyushkina S.G., Nazarova A.N., Bondarenko B.A. 2020. Quality assessment of university students training. *Research Result. Pedagogy and Psychology of Education*, 6 (2): 26–33.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления фармации института фармации, химии и биологии, директор Центра менеджмента качества Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

Назарова Анастасия Николаевна, начальник отдела системы менеджмента качества Центра менеджмента качества Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

Стенюшкина Светлана Геннадьевна, кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры международного туризма и гостиничного бизнеса института экономики и управления, начальник отдела качества образования Центра менеджмента качества Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Svetlana A. Kucheryavenko, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics and Management of Pharmacy of the Institute of Pharmacy, Chemistry and Biology, Director of the Quality Management Center, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Anastasia N. Nazarova, Head of the Quality Management System Department, Quality Management Center, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Svetlana G. Stenyushkina, Candidate of Sociological Sciences, Senior Lecturer of the Department of International Tourism and Hotel Business of the Institute of Economics and Management, Head of the Education Quality Department of the Quality Management Center, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

УДК 374.1

DOI 10.18413/2712-7451-2021-40-1-69-77

Влияние цифровых технологий на учебный процесс в сфере дополнительного образования

Поначугин А.В., Пичужкина Д.Ю., Смекалова Е.С.

Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина
Россия, 603005, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 1
E-mail: sasha3@bk.ru; dpichuzhkina@list.ru; skas.99@mail.ru

Аннотация. В настоящее время имеется большое количество различных платформ, сред и программ для визуализации и отработки материала. При этом цифровые технологии должны не заменять обучение в традиционном формате, а использоваться как дополнительные средства для улучшения взаимодействия преподавателя и ученика. Одна из серьезных проблем современной российской школы и дополнительного образования – растущее отставание от требований цифровизации экономики и основных сфер общественной жизни. Несмотря на многочисленность публикаций по этой проблематике, практически отсутствуют исследования по использованию цифровых технологий в рамках дополнительного образования. Цель данного исследования – рассмотреть существующие цифровые технологии и определить степень их влияния на учебный процесс в дополнительном образовании на примере образовательной организации «Юниум». В ходе исследования был проведен опрос, в котором приняли участие 13 преподавателей и 29 учеников образовательной организации «Юниум». Выявлены наиболее популярные цифровые технологии, применяемые преподавателями, и наиболее интересные для учеников.

Ключевые слова: цифровая педагогика, платформы, техническое развитие, информация, технологии, компьютерные курсы.

Для цитирования: Поначугин А.В., Пичужкина Д.Ю., Смекалова Е.С. 2020. Влияние цифровых технологий на учебный процесс в сфере дополнительного образования. Вопросы журналистики, педагогики, языкознания, 39 (4): 69–77. DOI 10.18413/2712-7451-2021-40-1-69-77

Impact of digital technologies on the educational process in the field of additional education

Alexander V. Ponachugin, Daria Yu. Pichuzhkina, Ekaterina S. Smekalova

Nizhny Novgorod State Pedagogical University K. Minina,
1 Ulyanov St, Nizhny Novgorod, 603005, Russian Federation
E-mail: sasha3@bk.ru; dpichuzhkina@list.ru; skas.99@mail.ru

Annotation. Currently, there are a large number of different platforms, environments and programs for visualization and material processing. At the same time, digital technologies should not replace teaching in a traditional format, but rather should be used as additional means to improve the interaction between teacher and student. One of the serious problems of modern Russian schools and additional education is the growing lag behind the requirements of digitalization of the economy and the main spheres of public life. Despite the large number of publications on this issue, there is practically no research on the use of digital technologies in the framework of additional education. The purpose of this study is to consider existing digital technologies and determine the degree of influence on the educational process in additional education using the example of the educational organization "Unium". In the course of the study, a survey was conducted in which 13 teachers and 29 students of the educational organization "Yunium" took part. The most popular digital technologies used by teachers and the most interesting for students have been identified.

Key words: digital pedagogy, platforms, technical development, information, technology, computer courses.

For citation: Ponachugin A.V., Pichuzhkina D.Yu., Smekalova E.S. 2020. Impact of digital technologies on the educational process in the field of additional education. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 39 (4): 69–77 (in Russian). DOI 10.18413/2712-7451-2021-40-1-69-77

Введение

Цифровизация – это один из глобальных трендов современной эпохи [Самерханова, Балакин 2020; Шамов, Ким, 2020], она проникла практически во все сферы жизни человека, в том числе образование. В настоящее время сложились следующие портреты преподавателя и ученика: ученик не заинтересован в изучении нового материала, главной задачей является сдать минимум, боится рассуждений и мыслительного процесса, далеко не каждый ученик активно пользуется компьютером, но активно использует смартфон для поиска информации, быстр, точен, не многословен [Price, 2013]. Преподаватель изучает различные цифровые технологии, но не всегда внедряет их в образовательную деятельность, работает по шаблону, но при этом старается найти пути введения ученика в диалог, многие подходы взаимодействия стали устаревшими [Дубровцева, 2019].

Стрельчук Е.Н. в работе «Педагогический инструментарий: сущность, употребление и роль понятия в российской и зарубежной педагогике» рассмотрел традиционный формат обучения с использованием цифровых технологий и выделил приоритетные технологии, такие как презентация, видеоролики и smart-доски, которые используются уже более 10 лет [Стрельчук, 2019]. Смешанный и дистанционный формат обучения предполагает использование различных веб-средств, позволяющих проводить занятия в дистанционном режиме. Обычно такие веб-средства имеют следующие функции: чат, форумы, дополнительные программы для активного взаимодействия с детьми [Козлова, 2019]. Ахметжанова Г.В. и Юрьева А.В. в статье «Цифровые технологии в образовании» утверждают гипотезу, что применение цифровых технологий помогает качественно визуализировать материал, организовать обратную связь, собрать аудиторию независимо от территориального нахождения учащихся [Ахметжанова, Юрьев, 2018]. Цифровизация, в том числе, дополнительного образования повышает интерес учащихся к изучению того или иного предмета [Gottschalk, 1995].

Сложившаяся неблагоприятная эпидемиологическая обстановка в 2020 году, вызванная ростом числа заболевших COVID-19, внесла свои коррективы в образовательную деятельность практически всех учебных заведений, которые вынуждены были перейти на дистанционный формат обучения. Поэтому применение цифровых технологий вышло на первый план, что сказалось на качестве и дополнительного образования.

Для выявления влияния цифровых технологий на качество дополнительного образования был проведен опрос преподавателей и учеников в образовательной организации «Юниум». Респондентам задавались вопросы, которые позволили выявить наиболее популярные цифровые технологии среди преподавателей, оценить их влияние на успеваемость учеников; цифровые технологии, которые вызывают наибольший интерес у учащихся.

Виды цифровых технологий, используемых в дополнительном образовании

В качестве объекта исследования выступают цифровые технологии, используемые в центре дополнительного образования (ЦДО) «Юниум».

На уроке информатики в среднестатистической школе дети учатся печатать в MS Word, а в «Юниум» применяется клавиатурный тренажер «Клавагонки», также тренировать навык скорости печати учащиеся этого центра могут, зарегистрировавшись на сайте «Ratatype». Применение таких интерактивных технологий делает занятия новыми, ак-

тивными и запоминающимися [Андреев, 2018]. Также во всех возрастных группах активно применяются различные способы взаимодействия с детьми: игровые, цифровые, вербальные, групповые, конструктивные и другие. В результате комбинированного использования данных способов получается качественное интересное занятие. [Tanis, 2020; Кисляков и др., 2019].

Наиболее популярными цифровыми технологиями, которые используются в сфере дополнительного образования в настоящее время являются: очки виртуальной реальности, различные современные презентации, видеоролики, инфографики, ментальные карты, чаты для взаимодействия, каналы видеосвязи, онлайн-игры, онлайн-тесты, онлайн-приложения, симуляторы [Карабельская, 2017]. Очки виртуальной реальности могут активно использоваться на компьютерных курсах для визуализации 3D-моделей и создания небольших видеоигр, на уроках, например, биологии для более подробного изучения строения человека [Пичужкина и др., 2019].

Использование презентаций максимально наглядно помогает предоставить материал. Данная технология используется на всех предметах как педагогами, так и детьми, помогая изучить и отработать материал. Для презентаций характерны использование минималистичного материала, современного дизайна и уход от строгой формальной структуры к более свободной [Ali, 2019].

Интернет содержит огромное количество видео-контента, в том числе обучающего и познавательного, поэтому у преподавателя есть возможность подобрать тематические видеоролики, которые могут заинтересовать учащихся. Инфографика позволяет улучшить познавательные способности, отображает большие объемы данных и информацию в виде изображения, которые легко усваиваются читателем [Стародубцев, 2017].

Ментальная карта – это сервис для упорядочивания информации, который используется как способ записи при помощи картинок и зарисовок, альтернативный по отношению к тексту, спискам и схемам. Данный способ применяют, чтобы понять и быстро запомнить материал и разобраться в новой теме, а также для того, чтобы кратко и ясно описать решение определенной проблемы [Пичужкина и др., 2019].

Чаты и каналы видеосвязи используются для удобства взаимодействия между преподавателями и учениками на расстоянии. Благодаря им можно обучаться, не выходя из дома, что очень удобно, так как их функции позволяют не только общаться видя друг друга, но демонстрировать всю информацию через экран компьютера и телефона [Сидорова, Крупская, 2020].

Использование онлайн-игр, онлайн-приложений позволяют превратить любое скучное занятие в увлекательный и творческий процесс. Преподаватели используют возможности этих игр, чтобы проиллюстрировать свои лекции, помочь ученикам выработать необходимые учебные и профессиональные навыки [Игнатова, 2017]. Показателен пример использования данных технологий в образовательном процессе Донского государственного технического университета: во время пандемии один из преподавателей провёл лекцию по функциональному программированию в игре Minecraft, транслируя его на Twitch. Инициативу такого необычного способа обучения проявили сами студенты. Они воссоздали в Minecraft реальную аудиторию ростовского вуза, поставив парты, доску и кафедру для преподавателя. Общение происходило по аудио-связи через приложение Discord, а все студенты присутствовали в качестве персонажей. Лектора тоже перенесли в игру, который не просто читал лекцию, но и делал виртуальные пометки на доске. Учащиеся в это время конспектировали материал во внутри игровых книжках.

В центре дополнительного образования «Юниум» на компьютерных курсах также не редкость применение игрового обучения для проверки остаточных знаний, данный процесс похож на игру «Прятки». На сервер заливается мир, в котором преподаватель размещает бирки с вопросами и создаёт карту с их местоположением. Задачей ребят является найти как можно больше бирок и дать на как можно больше правильных ответов.

Процесс может проходить как в дистанционном формате с использованием Discord для стрима процесса, так и в очном формате в аудитории [Ertmer, Otterbreit-Leftwich, 2019].

Ещё один вариант отработки материала – это использование симуляторов, которые дают возможность без каких-либо инструментов моделировать физические процессы и виртуально проводить лабораторные занятия. Также, с помощью симуляторов ученики имеют возможность виртуально воплотить в жизнь изученные на уроках знания. В ходе использования такой технологии, обучающиеся укрепляют не только теоретические знания, но и практические. Симуляторы помогают обучающемуся погрузиться в профессиональную среду [Basilaia, Kvavadze, 2020].

Онлайн-тесты упрощают проверку результатов и экономит время преподавателя, поскольку весь процесс действий происходит автоматически [Zhu, 2020].

В качестве метода исследования для выявления наиболее востребованных цифровых технологий в образовательной организации «Юниум» был использован анкетный опрос, организованный с помощью Google Form. В опросе приняли участие 13 преподавателей и 29 учеников (учащиеся 9–11 классов), дополнительно занимающиеся в образовательной организации «Юниум».

Опрос преподавателей образовательной организации «Юниум»

Первый вопрос «Какие курсы вы ведете?». Ответы показали, что 7 человек (53,8 %) являются преподавателями компьютерных курсов, по 2 человека (15,4 %) преподают английский язык и мнемотехнику, и по 1 человеку (7,7 %) – биологию, математику, русский язык и фотографию. Участие в опросе не приняли преподаватели игры на гитаре, дизайна, искусства общения, истории, обществознания, физики и химии (рис. 1).

Какие курсы вы ведете?

13 ответов

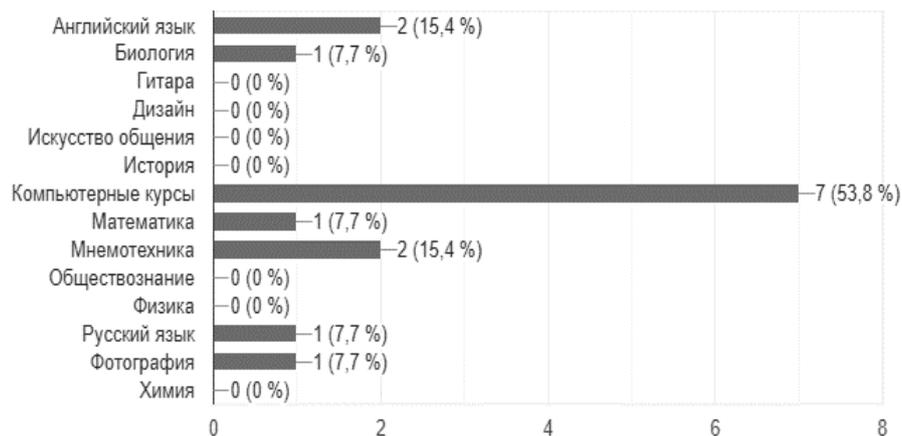

Рис. 1. Преподаватели каких курсов прошли опрос

Fig. 1. Teachers of which courses were surveyed

На второй вопрос: «Используете ли вы цифровые технологии на своих курсах?» – 84,6 % преподавателей ответили «Да», а оставшиеся 15,4 % ответили «Нет». Третий вопрос нужен был для того, чтобы узнать, какие именно цифровые технологии использует преподаватель на своих занятиях (рис. 2). Самыми популярными являются презентации (76,9 %) и видеоролики (69,2 %), на третьем месте чаты и каналы видеосвязи, онлайн-тесты (46,2 %), чуть менее популярны инфографика, онлайн-игры и приложения (30,8 %), ментальные карты (15,4 %), а вот симуляторы и веб-сайты используются меньше всего (7,7 %).

Если да, то какими именно цифровыми технологиями вы пользуетесь?

13 ответов

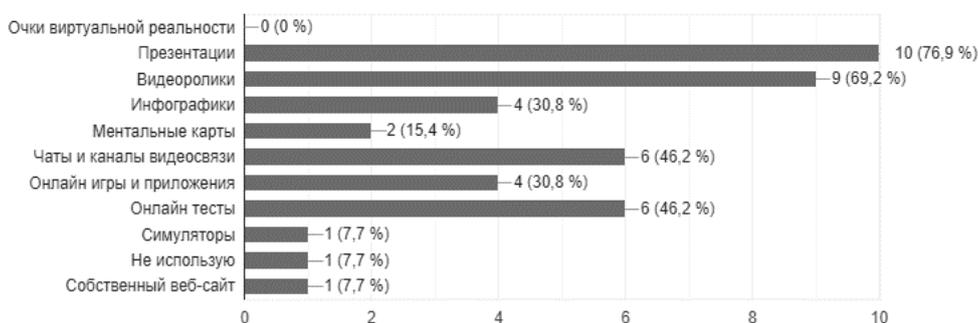

Рис. 2. Цифровые технологии, которыми пользуется преподаватель
 Fig. 2. Digital technologies used by the teacher

Четвёртый вопрос был направлен на то, чтобы узнать, при помощи каких вышеперечисленных цифровых технологий ученики лучше усваивают теоретический материал. Лидером также являются презентации (53,8 %), за ними идут онлайн игры и приложения (38,5 %), видеоролики (30,8 %), инфографика (23,1 %), ментальные карты (15,4 %), онлайн тесты и симуляторы (7,7 %).

Судя по ответам преподавателей на пятый вопрос, все они (100 %) уверены, что ученикам такой метод преподавания нравится.

Шестой вопрос был направлен на то, чтобы выяснить, как стали усваивать материал ученики после внедрения в образовательный процесс цифровых технологий. 76,9 % учителей ответили, что усвоение материала стало гораздо лучше; 15,4 % считают, что ухудшилось, а 7,7 % преподавателей ответили, что ничего не изменилось.

Опрос учеников образовательной организации «Юниум»

На первый вопрос «Используют ли преподаватели цифровые технологии на своих занятиях?» 96,6 % учащихся ответили «да». Второй вопрос показал, учащиеся каких направлений приняли участие в данном опросе (рис. 4).

Если да, то на каких курсах вы пользуетесь цифровыми технологиями?

29 ответов

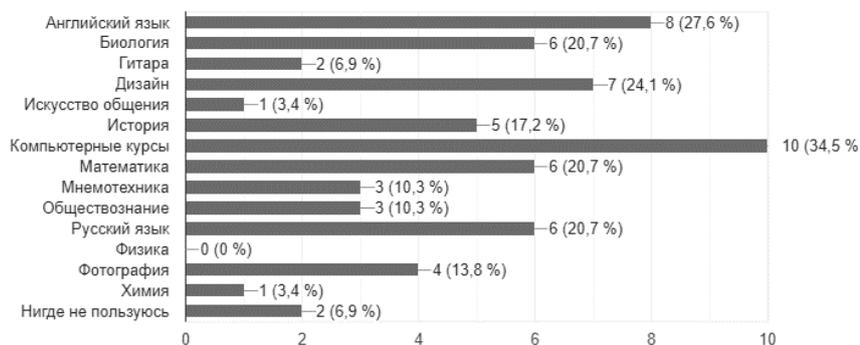

Рис. 4. Направления, которые приняли участие в опросе
 Fig. 4. Destinations that took part in the survey

На компьютерных курсах занимаются 10 человек (34,5 %), 8 человек (27,6 %) посещают курсы по английскому языку, 7 человек (24,1 %) – курсы дизайна, по 6 человек (20,7 %) – курсы по биологии, математике, русскому языку, 5 человек (17,2 %) изучают

историю, 4 человека (13,8 %) – курсы по фотографии, по 3 человека (10,3 %) – занятия по мнемотехнике и обществознанию, 2 человека (6,9 %) – курсы игры на гитаре, по 1 человеку (3,4 %) – курс по искусству общения и курс по химии.

Третий вопрос помог выявить, какие цифровые технологии вызывают наибольший интерес среди учащихся (рис. 5). Лидером, как и в предыдущих вопросах, являются презентации – их выбрали 19 человек (65,5 %), следом идут видеоролики – 17 человек (58,6 %), третье место занимают онлайн тесты – 10 человек (34,5 %), четвертое – чаты и каналы видеосвязи – 9 человек (31 %), пятое место между собой делят инфографики и онлайн игры и приложения – по 8 человек (27,6 %), шестое – использование симуляторов – 5 человек (17,2 %), и наименее популярны ментальные карты и очки виртуальной реальности – 4 человека (13,8 %) и 3 человека (10,3 %) соответственно.

Рис. 5. Какие цифровые технологии нравятся ученикам

Fig. 5. What digital technologies do students like

На четвертый вопрос – помогают ли цифровые технологии в усвоение материала – 96,6 % (28 человек) опрошенных ответили «да». Большинству учащихся – 93,1 % (27 человек) – нравится использование преподавателями цифровых технологий на занятиях.

По результатам опроса преподавателей и учеников образовательной организации «Юниум» города Нижнего Новгорода, можно сделать следующий вывод. Среди всего представленного перечня цифровых технологий лидируют презентации, их применяют в обучении и преподаватели и ученики, причем достаточно давно, так как презентации являются удобными и простыми в использовании. Также при проведении курсов дополнительного образования активно используются видеоролики. Третье место по популярности заняли онлайн-тесты, чаты и каналы видеосвязи, что связано с переходом на дистанционный формат обучения в связи с эпидемиологической обстановкой в мире. На самом последнем месте оказались очки виртуальной реальности, что скорее всего связано наименьшим их внедрением в сферу образования как новой и неизученной технологии. Также выяснилось, что мнение и учеников, и преподавателей сходится на том, что цифровые технологии в большей мере благотворно влияют на образовательный процесс, помогая усвоению материала.

Выводы

Цифровые технологии в настоящее время играют огромную роль в образовательном процессе на всех уровнях образования. Задачей преподавателей является ликвидация дефицита знаний, умений и навыков, связанных с современными цифровыми технологиями.

ми и необходимых для выбора будущей профессии, на каждом этапе развития ученика. Задача учеников – освоить ИКТ-компетенции и научиться применять их в своей учебной деятельности. Перечень цифровых технологий, приведённый в данной статье, не является исчерпывающим, так как технологии постоянно развиваются, обновляются и внедряются во все сферы жизни человека, поэтому преподавателям необходимо постоянно повышать уровень знаний и навыков в данной области.

В образовательной организации «Юниум» применяются различные цифровые технологии, что делает занятия более интересным для учеников, а саму организацию востребованной на рынке дополнительных образовательных услуг. В век цифровых технологий главное не только иметь большое количество различных возможностей, но и уметь с работать с ними, научить правильно взаимодействовать младшее поколение с IT-технологий.

Список источников

1. Андреев И. 2018. Тезисы о цифровом образовании. URL: <http://news.ifmo.ru/ru/blog/53/> (дата обращения: 17.11.2020).
2. Price D. 2013. Open: How we'll live, work and learn in the future. Crux Publishing, 192 p.
3. Price D. 2015. Open. How we will live, work and study. Crux Publishing, 274 p.

Список литературы

1. Ахметжанова Г.В., Юрьев А.В. 2018. Цифровые технологии в образовании. Балтийский гуманитарный журнал, 3 (24), том 7: 334–336.
2. Дубровцева М.В. 2019. Вопросы качества образования: учреждения дополнительного образования. В кн.: Образование и наука в современных реалиях. Материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары, 24 мая 2019 г. Под ред. О.Н. Широкова, Л. Абрмовой. Чебоксары, ЦНС «Интерактив плюс»: 55–57.
3. Игнатова Н.Ю. 2017. Образование в цифровую эпоху. Под ред. С.В. Докучаева. Нижний Тагил, НТИ (филиал) УрФУ, 128 с.
4. Карабельская И.В. 2017. Использование цифровых технологий в образовательном процессе высшей школы. Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика, 1 (19): 127–131.
5. Кисляков А.В., Кинева Е.Л., Лямцева Е.В., Ребикова Ю.В., Щербаков А.В. 2019. Повышение квалификации муниципальных команд по вопросам развития сети дополнительных общеобразовательных программ. Вопросы педагогики, 4-2: 118–124.
6. Козлова Н.Ш. 2019. Цифровые технологии в образовании. Вестник Майкопского государственного технологического университета, 1 (40): 85–93.
7. Пичужкина Д.Ю., Смекалова Е.С., Поначугин А.В. 2019. Использование сервисов WEB 2.0 в образовании. Вопросы педагогики, 4-2: 175–178.
8. Пичужкина Д.Ю., Смекалова Е.С., Сулима И.И. 2019. Искусственный интеллект: возможности в системе образования. Наука и образование: новое время, 1(30): 619–623.
9. Самерханова Э.К., Балакин М.А. 2020. Подготовка руководителей профессиональных образовательных программ к работе в условиях цифровой среды вуза. Вестник Мининского университета, 2 (31), 8: 4.
10. Сапожникова Т.В., Захарова О.В. 2020. Совершенствование индивидуальной методической системы педагогов дополнительного образования в условиях формирования цифровой среды организации дополнительного образования. Вопросы педагогики, 8-1: 85–90.
11. Сидорова Л.В., Крупская Ю.В. 2020. Плюсы. Минусы и перспективы онлайн-образования. Профессиональное образование и рынок труда, 2: 87–88.
12. Стародубцев В.А. 2017. Открытая педагогика в информационном обществе. Педагогическое образование в России, 6: 145–150.
13. Стрельчук Е.Н. 2019. Педагогический инструментарий: сущность, употребление и роль понятия в российской и зарубежной педагогике. Перспективы науки и образования, 1 (37): 10–19.

14. Шамов А.Н., Ким О.М. 2020. Особенности профессиональной деятельности преподавателя иностранных языков в вузе. Вестник Мининского университета, 2 (31), т. 8: с. 5.
15. Ali W. 2019. The Efficacy of Evolving Technology in Conceptualizing Pedagogy and Practice in Higher Education. *Journal of Higher Education Studies*, 9 (2): 81–95
16. Basilaia G., Kvavadze D. 2020. Transition to online education in schools during a SARS-CoV-2 coronavirus (Covid-19) pandemic in Georgia. *Pedagogical Research*, 5(4): 1–9
17. Ertmer P. A., Otterbreit-Leftwich A. T. 2019. Teacher technology change: How knowledge, confidence, beliefs, and culture intersect. *Journal of Research on Technology in Education*, 42: 255–284
18. Gottschalk Н.Т. 1995. Distance education: An overview. URL: <http://www.uidaho.edu/evo/dist1.html> (дата обращения: 03.12.2020)
19. Tanis C. J. 2020. The seven principles of online learning: Feedback from faculty and alumni on its importance for teaching and learning. *Research in Learning Technology*, 28. URL: <https://doi.org/10.25304/rlt.v28.2319> (дата обращения: 03.11.2020)
20. Zhu X. 2020. Building up National Online Teacher Education System. *Research in Education Development*, 40 (2): 3. URL: <https://doi.org/10.14121/j.cnki.1008-3855.2020.02.002> (дата обращения: 12.12.2020)

References

1. Akhmetzhanova G.V., Yur'ev A.V. 2018. Tsifrovyye tekhnologii v obrazovanii [Digital Technologies in Education]. *Baltic Humanitarian Journal*, 3 (24), vol. 7: 334–336.
2. Dubrovtsseva M.V. 2019. Voprosy kachestva obrazovaniya: uchrezhdeniya dopolnitel'nogo obrazovaniya [Issues of the quality of education: institutions of additional education]. In: *Obrazovanie i nauka v sovremennykh realiyakh [Education and science in modern realities]*. Materialy IX Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Cheboksary, 24.05.2019. Eds. O.N. Shirokov, L.A. Abramova. Cheboksary, Publ. TsNS «Interaktiv plus»: 55–57.
3. Ignatova N.Yu. 2017. Obrazovanie v tsifrovuyu epokhu [Education in the Digital Age]. Ed. S.V. Dokuchaev. *Nizhniy Tagil, Publ. NTI (filial) UrFU*, 128 p.
4. Karabel'skaya I.V. 2017. Ispol'zovanie tsifrovyykh tekhnologiy v obrazovatel'nom protsesse vysshey shkoly [Using digital technologies in the educational process of higher education]. *Bulletin USPTU. Science, education, economy. Series economy*, 1 (19): 127–131.
5. Kislyakov A.V., Kineva E.L., Lyamtseva E.V., Rebikova Yu.V., Shcherbakov A.V. 2019. Povyshenie kvalifikatsii munitsipal'nykh komand po voprosam razvitiya seti dopolnitel'nykh obshcheobrazovatel'nykh programm [Professional development of municipal teams on issues development of a network of additional general education programs]. *Voprosy pedagogiki*, 4-2: 118–124.
6. Kozlova N.Sh. 2019. Tsifrovyye tekhnologii v obrazovanii [Digital Technologies in Education]. *Vestnik Maykopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta*, 1 (40): 85–93.
7. Pichuzhkina D.Yu., Smekalova E.S., Ponachugin A.V. 2019. Ispol'zovanie servisov WEB 2.0 v obrazovanii [Use of WEB 2.0 services in education]. *Voprosy pedagogiki*, 4-2: 175–178.
8. Pichuzhkina D.Yu., Smekalova E.S., Sulima I.I. 2019. Iskusstvennyy intellekt: vozmozhnosti v sisteme obrazovaniya [Artificial Intelligence: Opportunities in the Education System]. *Nauka i obrazovanie: novoe vremya*, 1(30): 619–623.
9. Samerkhanova E.K., Balakin M.A. 2020. Podgotovka rukovoditeley professional'nykh obrazovatel'nykh programm k rabote v usloviyakh tsifrovoi srede vuza [Preparation of managers of professional educational programs for work in the digital environment of the university]. *Vestnik of Minin University*, 2 (31), vol. 8: 4.
10. Sapozhnikova T.V., Zakharova O.V. 2020. Sovershenstvovanie individual'noy metodicheskoy sistemy pedagogov dopolnitel'nogo obrazovaniya v usloviyakh formirovaniya tsifrovoy srede organizatsii dopolnitel'nogo obrazovaniya [Improving the individual methodological system of teachers of additional education in the formation of a digital environment for organizing additional education]. *Voprosy pedagogiki*, 8-1: 85–90.
11. Sidorova L.V., Krupskaya Yu.V. 2020. Plyusy. Minusy i perspektivy onlayn-obrazovaniya [Pros. Cons and prospects of online education]. *Professional'noe obrazovanie i rynek truda*, 2: 87–88.
12. Starodubtsev V.A. 2017. Otkrytaya pedagogika v informatsionnom obshchestve [Open Pedagogy in Information society]. *Pedagogical Education in Russia*, 6: 145–150.

13. Strel'chuk E.N. 2019. Pedagogicheskiy instrumentariy: sushchnost', upotreblenie i rol' ponyatiya v rossiyskoy i zarubezhnoy pedagogike [Pedagogical tools: the essence, use and role of the concept in Russian and foreign pedagogy]. *Perspectives of Science and Education*, 1 (37): 10–19.
14. Shamov A.N., Kim O.M. 2020. Osobennosti professional'noĭ deyatel'nosti prepodavatelya inostrannykh yazykov v vuze [Features of the professional activity of a teacher of foreign languages at a university]. *Vestnik of Minin University*, 2 (31), vol. 8: p. 5.
15. Ali W. 2019. The Efficacy of Evolving Technology in Conceptualizing Pedagogy and Practice in Higher Education. *Journal of Higher Education Studies*, 9 (2): 81–95
16. Basilaia G., Kvavadze D. 2020. Transition to online education in schools during a SARS-CoV-2 coronavirus (Covid-19) pandemic in Georgia. *Pedagogical Research*, 5(4): 1–9
17. Ertmer P. A., Otternbreit-Leftwich A. T. 2019. Teacher technology change: How knowledge, confidence, beliefs, and culture intersect. *Journal of Research on Technology in Education*, 42: 255–284
18. Gottschalk H.T. 1995. Distance education: An overview. URL: <http://www.uidaho.edu/evo/dist1.html> (date of the application: 03.12.2020)
19. Tanis C. J. 2020. The seven principles of online learning: Feedback from faculty and alumni on its importance for teaching and learning. *Research in Learning Technology*, 28. URL: <https://doi.org/10.25304/rlt.v28.2319> (date of the application: 03.11.2020)
20. Zhu X. 2020. Building up National Online Teacher Education System. *Research in Education Development* 40 (2): 3. URL: <https://doi.org/10.14121/j.cnki.1008-3855.2020.02.002> (date of the application: 12.12.2020)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Поначугин Александр Викторович, кандидат экономических наук, доцент кафедры прикладной информатики и информационных технологий Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина, г. Нижний Новгород, Россия

Пичужкина Дарья Юрьевна, студентка Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина, г. Нижний Новгород, Россия

Смекалова Екатерина Сергеевна, студентка Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина, г. Нижний Новгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexander V. Ponachugin, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Applied Informatics and Information Technologies in Education, Nizhny Novgorod State Pedagogical University. K. Minina, Nizhny Novgorod, Russia

Daria Y. Pichuzhkina, student of the Nizhny Novgorod State Pedagogical University. K. Minina, Nizhny Novgorod, Russia

Ekaterina S. Smekalova, student of the Nizhny Novgorod State Pedagogical University. K. Minina, Nizhny Novgorod, Russia

ЯЗЫКОЗНАНИЕ LINGUISTICS

УДК 811.581

DOI 10.18413/2712-7451-2021-40-1-78-88

Категория считаемости в теории языковых контактов (на материале русского и китайского языков)

Багдueva А.В., Рогозная Н.Н.

Байкальский государственный университет,
Россия, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11
e-mail: bagduevanna@mail.ru

Аннотация. В русском и китайском языках имеется представление о предметах считаемых и предметах измеряемых. Подобная оппозиция составляет грамматическое ядро категории считаемости имени существительного. Хотя количественные отношения в данных языках всесторонне и подробно изучены, отсутствует их сопоставительный анализ. Наличие подобного анализа способно послужить лучшему пониманию грамматики неродного языка, а значит, содействовать формированию лингвистической компетенции. В связи с этим авторами рассматриваются и сопоставляются счетные конструкции и их единицы в русском и китайском языке. Путем теоретического анализа выявляются различия и сходства. Авторы также обнаруживают локацию грамматических ошибок при освоении учащимися счетных конструкций неродного языка и объясняют причины их возникновения. Материалы статьи могут представлять интерес для специалистов в области теории языковых контактов, а также для преподавателей русского и китайского языков как иностранного.

Ключевые слова: интерязык, интерференция, существительное, категория числа, классификаторы, квантификаторы, межкультурная лингводидактика.

Для цитирования: Багдueva А.В., Рогозная Н.Н. 2021. Категория считаемости в теории языковых контактов (на материале русского и китайского языков). Вопросы журналистики, педагогики, языкознания, 40 (1): 78–88. DOI 10.18413/2712-7451-2021-40-1-78-88

The category of counting in the theory of language contacts (on the material of Russian and Chinese languages)

Anna V. Bagdueva, Nina N. Rogoznaya

Baikal State University,
11 Lenina St, Irkutsk, 664003, Russian Federation
e-mail: bagduevanna@mail.ru

Abstract. In Russian and Chinese languages, there is an idea of the objects that can be counted and the objects that can be measured. Such opposition forms the grammatical core of the counting category of noun. Although the quantitative relations in these languages have been comprehensively and in detail studied, there is no comparative analysis of them. The presence of such an analysis can lead to a better understanding of the grammar of a foreign language, and therefore, contribute to the formation of linguistic competence. In this regard, the authors examine and compare counting structures and their units in Russian and Chinese. Through theoretical analysis differences and similarities are identified. The authors also discover the location of grammatical errors related to non-native counting structures and

explain the reasons for their occurrence. The materials of the paper may be of interest to specialists in the field of the theory of linguistic contacts, as well as to instructors of Russian and Chinese as a foreign language.

Key words: interlanguage, interference, noun, number, classifiers, quantifiers, cross-cultural linguodidactics.

For citation: Bagdueva A.V., Rogoznaya N.N. 2021. The category of counting in the theory of language contacts (on the material of Russian and Chinese languages). Issues in Journalism, Education, Linguistics, 40 (1): 78–88 (in Russian). DOI 10.18413/2712-7451-2021-40-1-78-88

Введение

При овладении иностранным языком, человек становится местом контакта двух и более языков [Вайнрайх, 1979]. Взаимосвязь двух языковых структур порождает новое – интерязык, язык с суррогатными примесями. В интерязыке функционирует интерференция – тормозящее воздействие навыков родного языка на изучаемый. Интерференция понижает все языковые уровни, ее элементами являются интерференты – устойчивые типичные ошибки [Рогозная, 2018].

Теория языковых контактов позволяет выделить два интерязыка: русско-китайский (русский является родным, а китайский – изучаемым) и китайско-русский (китайский – родной). При контакте таких разноструктурных языков неизбежно возникают нарушения обучающимся правил их соотнесения [Рогозная, 2012]. Например, в русско-китайском интерязыке грамматические отношения рода, числа и падежа, присущие русскому языку, пытаются реализоваться средствами китайского языка. В свою очередь, в китайско-русском языке эти же отношения часто игнорируются. Так, китаец в русской речи, делая ошибки типа «*Вечером я делаю *урок*», пренебрегает формой множественного числа, поскольку китайское слово не имеет морфологических показателей числа [Горелов, 1989, с. 35]. По другую сторону контакта носитель русского языка в словосочетании 两个学生*们 liǎng gè xuéshēng *men – *два студента*, избыточно модифицирует слово 学生 xuéshēng – *студент* суффиксом множественности -{们} men. Факторы, обуславливающие появление подобных ошибок, мы будем называть грамматическими агрессорами. Их выявление является первым шагом на пути к разрушению интерязыка и становлению системы неродного языка.

Исходя из гипотезы о том, что в интерязыке функционируют агрессоры, мешающие освоению грамматики неродного языка, была поставлена цель – выявить типичные грамматические ошибки (далее – граммаференты), вызванные этими агрессорами. Объектом исследования выступила грамматическая категория считаемости имени существительного в русском и китайском языках. Предметом является счетная конструкция.

В первую очередь, в статье дается представление о категории считаемости в данных языках. Авторы описывают типы счетных конструкций, позволяющих производить счет предметов и измерение веществ, вычленяют структурные элементы и определяют отношения между ними. Затем, конструкции и элементы сопоставляются, выявляются схожие, контрастивные и конфронтативные единицы. Сопоставительный анализ позволяет определить граммаференты и агрессоры по обе стороны контакта. Выводы подкрепляются примерами, зафиксированными авторами и другими исследователями.

Таким образом, в исследовании применен описательный метод, а также метод сравнительного и сопоставительного анализа. Методологической основой выступают работы по теории языковых контактов У. Вайнрайха [1979] и Н.Н. Рогозной [2012, 2017], описание грамматического строя русского языка, изложенное в «Русской грамматике» [1980] и «Синтаксисе русского языка» А.А. Шахматова [2001], труды по грамматике ки-

тайского языка А.А. Драгунова [1952], В.М. Солнцева [1979, 1995], Го Жюя [2002], А. Тань [2002], В.А. Курдюмова [2005], Д.А. Карпеки [2019] и др.

В современном языкознании до сих пор не описаны русско-китайский и китайско-русский интерязыки. Преподаватели только фиксируют типичные ошибки, но не вскрывают причины их появления. Объяснение этих нарушений преимущественно дается в рамках методики преподавания иностранного языка. Авторы полагают, что интерференты должны, в первую очередь, быть выявлены методами исследования, принятыми в теории языковых контактов, а во вторую – предотвращены или нивелированы методами преподавания иностранного языка.

Структура и единицы категории считаемости в русском языке

Категория считаемости в русском языке обнаруживает себя в рамках грамматического числа имени существительного [Шахматов, 2001]. Она реализуется посредством счетной конструкции «числительное + существительное» (далее – Num + N). Связь между элементами конструкции имеет следующие морфологические особенности [Русская грамматика, 1980, с. 576]:

1) существительное в именительном падеже согласуется с числительным *один* в роде и числе: *один стул, одна кошка, одно письмо, одни сутки*;

2) существительное в родительном падеже согласуется с числительным *два* в роде: *два кота, две кошки, два окна*;

3) существительное в родительном падеже, единственном числе следует за числительными *два, три* и *четыре*: *три стола*;

4) существительное в родительном падеже, множественном числе следует за числительными *пять* и другими выше разрядом: *шесть столов*.

Таким образом, конструкция Num + N имеет следующую деривацию:

1) (*один* + N_{nom})^{gender, number},

где N – существительное, nom – именительный падеж, (...) ^{gender} – согласование по роду; (...) ^{number} – согласование по числу;

2) (*два* + N^{sg}gen)^{gender},

где N – существительное, ^{sg} – единственное число, gen – родительный падеж, (...) ^{gender} – согласование по роду;

3) *три (четыре)* + N^{sg}gen,

где N – существительное, ^{sg} – единственное число, gen – родительный падеж;

4) *пять* + N^{pl}gen,

где N – существительное, ^{pl} – множественное число, gen – родительный падеж.

В примере (1) продемонстрирована счетная конструкция (далее – СК) в зависимости от употребления числительных *один, два, три (четыре)* и *пять* и других выше разрядом.

- (1)
- a. одно окно
числ. *один* в ср. р. + сущ. *окно* в ед. ч., ср. р., им. п.
 - b. две кошки
числ. *два* в жен. р. + сущ. *кошка* в ед. ч., жен. р., род. п.
 - c. три (четыре) стула
числ. *три* + сущ. *стул* в ед. ч., муж. р., род. п.
 - d. пять (шесть, семь и т.д.) ручек
числ. *пять* + сущ. *ручка* в мн. ч., жен. р., род. п.

Конструкция Num + N может быть модифицирована особыми словами, которые располагаются между числительным и существительным. Такими модификаторами выступают: 1) квантификаторы, позволяющие дискретно воспринимать объекты: *штука, че-*

ловек, единица [Баранова, 2016], 2) слова с собирательным значением: *группа, рой, охапка*, 3) мерные слова, среди них: а) обозначающие вместителища: *стакан, повозка, коробка*, б) выражающие неделимое целое или часть целого: *буханка, кусок, осколок*, с) обозначающие единицы измерения: *килограмм, метр, минута*.

Использование квантификаторов часто воспринимается как избыточное, сравним: *двадцать тарелок* и *двадцать штук тарелок*. Слова, обозначающие совокупности, в той или иной степени чувствительны к признаку предмета: *пять голов скота, два косяка рыб, три вязанки дров*. Неправильный выбор подобных слов воспринимается как грубое нарушение языковой нормы [Гордиевская, 2017], например, нельзя сказать **стадо уток*. Недискретные предметы измеряются вместителищами, частями и единицами измерения: *два стакана воды, один кусок хлеба, двести граммов риса*.

В рамках СК модификатор (далее – Mod) занимает место существительного (N), а считаемый или измеряемый предмет выражен формой Ngen. Так, в словосочетании *две пачки молока* модификатор *пачка* согласуется с числительным *два* в роде и падеже (жен. р., им. п.), а существительное *молоко* выражено родительным падежом.

Таким образом, категория считаемости в русском языке реализуется двумя типами СК: Num + N и Num + Mod + Ngen. Структурными единицами СК выступают: 1) числительное *один*, 2) числительное *два*, 3) числительные *три* и *четыре*, 3) числительное *пять* и другие выше разрядом, 4) модификаторы: квантификаторы, мерные и собирательные слова, 5) считаемые или измеряемые существительные. СК образуется синтаксически. Единицы согласуются морфологически в роде, числе и падеже.

Структура и единицы категории считаемости в китайском языке

Количественные отношения в китайском языке связаны с понятием классификаторов [Guo, 2002, с. 215; Vinet, Liu, 2008; Shamansurov, 2019]. Счет предметов и измерение веществ осуществляется посредством СК «числительное + классификатор + существительное» (далее – Num + Cl + N) [Солнцев, 1995, с. 263].

Классификаторы существительных подразделяются на личные (индивидуальные), вещественные, собирательные и прочие [Zhao, 2011, с. 520]. В рамках СК личные классификаторы именуется счетными словами, поскольку позволяют осуществлять счет дискретных предметов (头 *tóu* *голова*, 把 *bǎ* *рукоятка*). Вещественные классификаторы принято называть словами-мерами, так как они служат для измерения веществ (碗 *wǎn* *чашка*, 块 *kuài* *кусок*, 升 *shēng* *литр*). Собирательные классификаторы выражают совокупность лиц, животных и неодушевленных предметов (组 *zǔ* *группа*, 群 *qún* *стая*, 束 *shù* *букет*). К прочим классификаторам относятся: 1) универсальный классификатор 个 *gè* *штука*, способный употребляться как с исчисляемыми, так и с неисчисляемыми существительными, 2) классификатор множественности 些 *xīe* *несколько*, выражающий неопределенное количество, и 3) слова типа 种 *zhǒng* *сорт* и 类 *lèi* *вид*, позволяющие считать мыслимые явления. В примере (3) показаны счетные отношения в зависимости от типа классификатора.

- (3)
- a 三本书 *три книги*
sān běn shū
три + личный кл. *корешок* + книга
 - b 一车煤 *воз угля*
yī chē méi
один + веществ. кл. *машина* + уголь
 - c 两束鲜花 *два букета цветов*
liǎng shù xiānhuā
два + собират. кл. *букет* + цветок

- d 一种累 такого рода усталость
yī zhǒng lèi
один + прочий кл. *sort* + усталость
- e 一些人 несколько человек
yī xiē rén
один + кл. множественности *несколько* + человек
- f 一个梦想 мечта
yī gè mèngxiǎng
один + универсальный кл. *штука* + мечта

Личные классификаторы делят существительные на семантические классы на основе их внешних или внутренних признаков [Тань, 2002, с. 637; Карпека, 2019, с. 177]. Таким признаком может выступить форма предмета, его размер или атрибут [McEnergy, Xiao, 2006; Wu, 2018]. Например, классификатором для *ножа, стула, чайника и веера* выступает слово 把 *bǎ* *рукоятка*, поскольку у этих вещей есть ручка, за которую можно держаться. В СК личные классификаторы могут опускаться. Существует пять исключений из общего правила. Они не используются а) с большими числами, б) при нумерации, с) в конструкции «детерминатив + один», d) иногда при использовании слова 大 *dà* *большой*, е) с некоторыми собирательными существительными [Guo, 2002, с. 221]. Исключения продемонстрированы в примере (4).

- (4) a. 十亿人民 один миллиард человек
shíyì rénmin
миллиард + народ
- b. 三十二楼 тридцать второй этаж
sānshí'èr lóu
тридцать два + этаж
- c. 这一问题 этот вопрос
zhè yī wèntí
этот + один + вопрос
- d. 三大工程 три крупных проекта
sān dà gōngchéng
три + большой + проект
- e. 五姐妹 пять сестер
wǔ jiěmèi
пять + старшая и младшая сестры

Помимо этих исключений, счетные слова не употребляются с существительными, которые сами находятся в промежуточном состоянии, например, с такими словами, как *год, месяц, юань* и прочие [Драгунов, 1952, с. 43; Курдюмов, 2005, с. 217].

Личные классификаторы образуют отдельный класс слов, а вещественные являются словами, временно заимствованными из класса существительных для реализации счетных отношений. Выбор мерного слова может быть ограничен личным классификатором существительного. Так, слово 绳子 *shéngzi* *веревка* имеет личный кл. *tiáo* *полоса*, который не «разрешает» измерять веревку кусками (—*块绳子 *yī *kuài shéngzi *кусочек веревки*), а только *звеньями* 节 *jié* или *отрезками* 截 *jié*.

Классификаторы, обозначающие совокупность лиц, передают различные смысловые оттенки. Так, в примере (5) кл. 群 *qún* *стая* обозначает простую группу, а кл. 批 *pī* *партия* предполагает, что ранее была или будет другая, еще одна, группа учащихся.

- (5) a 一批学生 группа учащихся
yī pī xuéshēng
иметь + кл. *партия* + ученик
b 一群学生 группа учащихся
yī qún xuéshēng
иметь + кл. *стая* + ученик

В примере (6) продемонстрирована зависимость количественного состава группы от употребления того или иного собирательного классификатора.

- (6) a. 一群学生 группа студентов (много студентов)
yī qún xuéshēng
один + сч. сл. *стая* + студент
b 一队学生 группа студентов (5-6 человек)
yī duì xuéshēng
один + сч. сл. *отряд* + студент
c. 一组学生 группа студентов (около 10)
yī zǔ xuéshēng
один + сч. сл. *группа* + студент

Совокупность животных передается семантически аскетично – посредством кл. 群 qún *стая*: 一群狼 yī qún láng *стая волков*, 一群马 yī qún mǎ *табун лошадей*, 一群蜜蜂 yī qún mìfēng *рой пчел*. Совокупность неодушевленных предметов выражается классификаторами, чувствительными к признаку всей совокупности: 一把花 yī bǎ huā *букет цветов* (один + кл. ручка + цветок), 一束鲜花 yī shù xiānhuā *букет цветов* (один + кл. связка + цветок).

Таким образом, категория считаемости в китайском языке реализуется посредством конструкции Num + Cl + N. Структурными элементами СК являются: 1) числительные, 2) личные классификаторы, 3) вещественные классификаторы, 4) собирательные классификаторы, 5) прочие классификаторы 6) считаемые или измеряемые существительные. СК образуется синтаксически. Между личными классификаторами и существительными имеется семантическая связь. Личные классификаторы способны ограничивать употребление мерного слова.

Сопоставительный анализ СК в русском и китайском языках

Сопоставляемые единицы приведем в таблице.

Структура СК в сравниваемых языках совпадает частично. Совпадаемыми элементами являются числительное и существительное, несовпадаемыми – модификатор и классификатор.

Расположение единиц в СК одинаково в обоих языках. На первом месте располагается числительное, на втором – счетный актуализатор (модификатор в РЯ и классификатор в КЯ), на третьем – существительное. Однако совпадение является формальным, поскольку в КЯ актуализаторы характеризуются обязательностью употребления, в РЯ – факультативностью.

Тип согласования в СК не совпадает. В РЯ используется морфологическое согласование в роде, числе и падеже, в КЯ – семантическое: существительное зависимо от значения классификатора.

Существительные в обоих языках выражают одни и те же реалии, но понятие об их считаемости может различаться. Так, слово *усталость* в РЯ невозможно оформить счет-

ной конструкцией (**одна усталость*), а его китайский аналог 累 *lèi* – возможно (一种累 *yī zhǒng lèi* *такого рода усталость*: один + кл. вид + усталость).

Сопоставляемые единицы СК
 Comparable units of the counting construction

Единицы	Русский язык (РЯ)	Китайский язык (КЯ)
структура СК	Num + N	Num + Cl + N
	Num + модификатор + Ngen	
способ образования СК	синтаксический	синтаксический
тип согласования в СК	морфологический	семантический
структурные единицы СК	числительное <i>один</i> , числительное <i>два</i> , числительные <i>три</i> и <i>четыре</i> , числительное <i>пять</i> и другие вы- ше разрядом	числительные
	–	личные классификаторы
	модификаторы для дискретного восприятия объектов	универсальный классификатор ↑ <i>gè штука</i>
	модификаторы: слова-меры	вещественные классификаторы
	модификаторы: слова с собира- тельным значением	собираательные классификаторы
	существительные, обозначающие дискретные предметы	существительные, обозначающие дискретные предметы
существительные, обозначающие недискретные предметы	существительные, обозначающие недискретные предметы	

Числительные в обоих языках обозначают число, но русское числительное в составе СК имеет деривацию, а китайское – нет.

В РЯ нет такого лексико-грамматического класса, как личные классификаторы.

В обоих языках существуют слова для дискретного восприятия объектов, но семантически не связанные с существительными. Сюда относятся китайское универсальное счетное слово ↑ *gè штука* и русские слова типа *штука* и *единица*. Однако в РЯ их использование является факультативным или специфичным, а в КЯ – обязательным.

Русские мерные слова и китайские вещественные классификаторы совпадают по функции и значению, поскольку позволяют измерять вещества. В КЯ их употребление может быть ограничено личными классификаторами, а в РЯ подобное управление не выявлено.

Слова с собирательным значением в РЯ и собирательные классификаторы в КЯ схожи по функции: они выражают значение совокупности. Однако слова, обозначающие группу животных, в КЯ представлены скудно, а в РЯ – разнообразно. Слова, обозначающие группу лиц, в КЯ содержат более точную информацию о группе, чем их русские аналоги.

Подытожим, распределив сопоставленные единицы по пяти параметрам: полное тождество, формальное тождество, частичное совпадение, несовпадение, отсутствие единицы. Формальное тождество наблюдается в способе образования СК. Частичное совпадение имеют структура СК, актуализаторы счета и существительные. Несовпадение единицы обнаружено в типе согласования. Отсутствие единицы наблюдается в РЯ, это личные классификаторы.

Выводы

Анализ СК позволяет выявить единицы, с помощью которых можно объяснить возникновение граммаферентов при контакте русского и китайского языков. Такими единицами являются:

- 1) сопоставляемые:
структура СК,
числительные,
мерные слова,
собираательные слова;
- 2) контрастивные:
тип согласования;
- 3) конфронтативные:
отсутствие/наличие личных классификаторов.

Наибольшую агрессию при контакте языков проявляют конфронтативные единицы. Нарушения возникают с той стороны контакта, где обнаружено «отсутствие единицы». Вследствие неимения личных классификаторов в РЯ русскоязычные учащиеся пропускают их в китайской СК. В примере (7) учащийся, по аналогии с родным языком, напрямую сочетает числительное с существительным.

- (7) 两* (个) 苹果 два яблока
liǎng *(gè) píngguǒ
два + *(сч. сл. *штука*) + яблоко

Контрастивные элементы вызывают нарушения по обе стороны контакта. В русской речи китайцев обнаруживаются ошибки в семантическом согласовании, а в китайской речи русских – в морфологическом. В примере (8) русский обучающийся, не различая или неверно определяя признак предмета, использует ошибочное счетное слово. В примере (9) китайский учащийся пренебрегает а) множественным числом числительного *один*, б) женским родом числительного *два*, в) единственным числом существительного после числительного *три*, д) множественным числом существительных после числительных *пять* и выше разрядом, е) родительным падежом существительного.

- (8) 一*家学校 школа (家 jiā дом вместо 所 suǒ здание)
yī *jiā xuéxiào
один + сч. сл. *дом + школа

- (9) а *один сутки (одни сутки)
 б *два пара (две пары)
 в три *студентов (три студента)
 д пять *урок (пять уроков)
 е два *телефоны (два телефона)

Сопоставляемые элементы имеют и сходства, и различия. Сходства являются причиной транспозиции – положительного переноса навыков родного языка на изучаемый, а различия – причиной интерференции – отрицательного переноса.

Схожая структура СК позволяет обучающимся легко освоить ее применение на неродном языке, а также способствует правильному расположению структурных элементов. Числительные, мерные и собираательные слова в сравниваемых языках тождественны по функции и схожи по значению, их употребление понятно и русским, и китайцам.

Различие в структуре русской и китайской СК характеризуется обязательностью употребления среднего звена (классификатора или модификатора) в КЯ и факультативностью в РЯ. Русские учащиеся, освоив правило образования СК, пренебрегают его исключениями. В примере (10) показано избыточное употребление классификатора.

- (10) 三十二*个楼 тридцать второй этаж
sānshí'èr *gè lóu
тридцать два + сч. сл. *штука + этаж

Русские числительные морфологически связаны с существительными, а китайские – морфологически изолированы от них. Вследствие этого расхождения китайцы в русской СК совершают нарушения в согласовании, редко влияющие на смысл высказывания. Сравним, *пять кошек* и *пять *кошка*: смысл одинаковый, но второе грамматически неправильное.

Мерные слова в китайском языке могут быть семантически зависимы от личных классификаторов, а в русском – нет, что влечет использование неподходящего вещественного классификатора. В примере (11) учащийся игнорирует влияние личного кл. 条 *tiáo* *полоса* слова 路 *lù* *дорога*, который не позволяет проводить измерение *звеньями* (份 *fèn*), а только *участками* (段 *duàn*).

- (11) 一*份路程 **часть** пути (верно: 一段路程)
yī *fèn lù chéng
один + мер. сл. *звено + путь

Некоторое различие в семантике собирательных слов в сопоставляемых языках не ведет к грамматическим ошибкам, а лишь к неточности при передаче информации.

Таким образом, в рамках СК граммаферентами в китайской речи русскоязычных учащихся выступают:

- 1) пропуск личных классификаторов. Агрессором является отсутствие среднего звена в структуре СК родного языка;
- 2) избыточность личных классификаторов. Агрессор – исключение из правила образования китайского СК;
- 3) неверный выбор личных классификаторов. Агрессор – отсутствие семантического типа связи внутри родного СК;
- 4) неверный выбор вещественного классификатора. Агрессор – отсутствие семантической связи между вещественными и личными классификаторами в родном языке.

В русской речи китайских учащихся обнаруживаются следующие граммаференты:

- 1) игнорирование множественного числа числительного *один*. Агрессором выступает отсутствие числовых словоформ у числительных в родном языке;
- 2) игнорирование женского и среднего рода числительных *один* и *два*. Агрессор – отсутствие грамматического рода у числительных в родном языке;
- 3) употребление существительного во множественном числе вместо единственного с числительными *один*, *два*, *три* и *четыре*. Агрессор – особое правило образования СК с данными числительными в русском языке;
- 4) игнорирование множественного числа существительного, следующего за числительным *пять* и другими выше разрядом. Агрессор – отсутствие словоформ множественного числа существительного в родном языке.
- 5) игнорирование родительного падежа существительного, следующего за числительным *два* и другими выше разрядом. Агрессор – отсутствие падежных словоформ в родном языке.

В целом, цель статьи – выявление граммаферентов в рамках СК, достигнута. Статья является частью исследования имени существительного при контакте русского и китайского языков.

Список источников

1. Горелов В.И. 1989. Теоретическая грамматика китайского языка. М., Просвещение, 318 с.
2. Карпека Д.А. 2019. Синтаксис китайского языка: единицы и структуры. СПб., Восточный экспресс, 504 с.
3. Курдюмов В.А. 2005. Курс китайского языка: теоретическая грамматика. М., Цитадель-Трейд; Лада, 576 с.
4. Русская грамматика. 1980. Под ред. Н.Ю. Шведовой. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М., Наука, 789 с.

Список литературы

1. Баранова В.В. 2016. Конструкции со счетными словами и семантическая одушевленность в русском языке. Русский язык в научном освещении, 1 (31): 84–100.
2. Вайнрайх У. 1979. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. Пер. с англ. яз. Ю.А. Жлуктенко. Киев, Вища школа, Изд-во при Киев. ун-те, 263 с. (Weinreich U. 1970. Languages in contact. The Hague, Paris, Mouton, 148 p.).
3. Гордиевская М.Л. Счетные слова, или классификаторы в русском языке: особенности системы категоризации. В кн.: Язык. культура. коммуникация: изучение и обучение. Материалы II Международной научно-практической конференции, г. Орёл, 10–11 октября 2017 года. Под ред. О.Б. Абакумовой. Орел, ОГУ имени И.С. Тургенева: 101–104.
4. Драгунов А.А. 1952. Исследования по грамматике современного китайского языка. Т.1 Часть речи. М., Ленинград, Изд-во Академии наук СССР, 232 с.
5. Рогозная Н.Н. 2012. Билингвизм. Интерязык. Интерференция. Иркутск, Изд-во Иркутского государственного технического университета, 169 с.
6. Рогозная Н.Н. 2018. Типология лингвистической интерференции в русской речи иностранцев (на материале разноструктурных языков). Иркутск, Изд-во ИРНТУ, 247 с.
7. Солнцев В.М. 1995. Введение в теорию изолирующих языков. М., Восточная литература, 352 с.
8. Тань А. 2002. Проблемы скрытой грамматики. Синтаксис, семантика и прагматика языка изолирующего строя. На примере китайского языка. М., Языки славянской культуры, 896 с.
9. Шахматов А.А. 2001. Синтаксис русского языка. Под ред. Е.С. Истриной. М., Эдиториал УРСС, 624 с.
10. Chao Y. R. 2011. A grammar of spoken Chinese. Beijing, The Commercial Press, 864 p.
11. Guo R. 2002. Exploring Modern Chinese Parts of Speech. Pecking, The Commercial Press, 336 p.
12. McEnery T., Xiao R. 2006. Quantifying Constructions in English and Chinese. A Corpus-Based Contrastive Study. Languages in Contrast, 6.
13. Shamansurov S.S. 2019. On The Usage Of Plural Signs In The Languages Of Chinese Minorities-The Uzbek Plural Sign – «-Lar». International journal of scientific & technology research, 8: 295–298.
14. Vinet M-T, Liu X. 2008. Plurality in Chinese with a restricted class of noun-classifier words. Toronto Working Papers in Linguistics, 28: 357–373.
15. Wu K. 2018. The Study of Quantifiers in Teaching Chinese as a Foreign Language. Proceedings of the 2017 5th International Education, Economics, Social Science, Arts, Sports and Management Engineering Conference (IEESASM 2017). Sichuan, Publ. Atlantis Press: 182–185. DOI 10.2991/ieesasm-17.2018.38.

References

1. Baranova V.V. 2016. Konstruktsii so schetnymi slovami i semanticheskaya odushevlenost' v russkom yazyke [Constructions with counting words and semantic animation in the Russian language]. Russian Language and Linguistic Theory, 1 (31): 84–100.

2. Vaynraykh U. 1979. Yazykovye kontakty. Sostoyanie i problemy issledovaniya [Language contacts. Research status and problems]. Per. s angl. yaz. Yu.A. Zhluktenko. Kiev, Publ. Vishcha shkola, Izd-vo pri Kiev. un-te, 263 p. (Weinreich U. 1970. Languages in contact. The Hague, Paris, Mouton, 148 p.).
3. Gordievskaya M.L. Schetnye slova, ili klassifikatory v russkom yazyke: osobennosti sistemy kategorizatsii [Counting words, or classifiers in Russian: features of the categorization system]. In: Yazyk. kul'tura. kommunikatsiya: izuchenie i obuchenie [Language. culture. communication: learning and teaching]. Proceedings of the II International Scientific and Practical Conference, Orel, October 10–11, 2017. Ed. O.B. Abakumova. Orel, Publ. OGU imeni I.S. Turgeneva: 101–104.
4. Dragunov A.A. 1952. Issledovaniya po grammatike sovremennogo kitayskogo yazyka [Studies in the Grammar of Modern Chinese]. Vol. 1 Chast' rechi [Part of speech]. M. – Leningrad, Publ. Akademii nauk SSSR, 232 p.
5. Rogoznaya N.N. 2012. Bilingvizm. Interyazyk. Interferentsiya [Bilingualism. Interlanguage. Interference]. Irkutsk, Publ. Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta, 169 p.
6. Rogoznaya N.N. 2018. Tipologiya lingvisticheskoy interferentsii v russkoy rechi inostrantsev (na materiale raznostrukturnykh yazykov) [Typology of linguistic interference in the Russian speech of foreigners (based on the material of different-structured languages)]. Irkutsk, Publ. IRNITU, 247 p.
7. Solntsev V.M. 1995. Vvedenie v teoriyu izoliruyushchikh yazykov [An Introduction to the Theory of Isolating]. M., Publ. Vostochnaya literatura, 352 p.
8. Tan' A. 2002. Problemy skrytoy grammatiki. Sintaksis, semantika i pragmatika yazyka izoliruyushchego stroya. Na primere kitayskogo yazyka [Problems of hidden grammar. Syntax, semantics and pragmatics of the isolating language. On the example of the Chinese language]. M., Publ. Yazyki slavyanskoy kul'tury, 896 p.
9. Shakhmatov A.A. 2001. Sintaksis russkogo yazyka [Syntax of the Russian language]. Ed. E.S. Istrina. M., Publ. Editorial URSS, 624 p.
10. Chao Y. R. 2011. A grammar of spoken Chinese. Beijing, The Commercial Press, 864 p.
11. Guo R. 2002. Exploring Modern Chinese Parts of Speech. Pecking, The Commercial Press, 336 p. (in Chinese)
12. McEnery T., Xiao R. 2006. Quantifying Constructions in English and Chinese. A Corpus-Based Contrastive Study. Languages in Contrast, 6.
13. Shamansurov S. S. 2019. On The Usage Of Plural Signs In The Languages Of Chinese Minorities-The Uzbek Plural Sign – «-Lar». International journal of scientific & technology research, 8: 295–298.
14. Vinet M-T, Liu X. 2008. Plurality in Chinese with a restricted class of noun-classifier words. Toronto Working Papers in Linguistics, 28: 357–373.
15. Wu K. 2018. The Study of Quantifiers in Teaching Chinese as a Foreign Language. Proceedings of the 2017 5th International Education, Economics, Social Science, Arts, Sports and Management Engineering Conference (IEESASM 2017). Sichuan, Publ. Atlantis Press: 182–185. DOI 10.2991/ieesasm-17.2018.38.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Багдueva Анна Вячеславовна, аспирант кафедры иностранных языков Байкальского государственного университета, г. Иркутск, Россия.

Рогозная Нина Николаевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой иностранных языков Байкальского государственного университета, г. Иркутск, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anna V. Bagdueva, Post-graduate student of the Department of Foreign Languages, Baikal State University, Irkutsk, Russia.

Nina N. Rogoznaya, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Foreign Languages, Baikal State University, Irkutsk, Russia.

УДК 81-23
DOI 10.18413/2712-7451-2021-40-1-89-99

Лингвистическая сложность учебных текстов

¹Вахрушева А.Я., ¹Солнышкина М.И., ²Куприянов Р.В.,
¹Гафиятова Э.В., ¹Климагина И.О.,

¹Казанский (Приволжский) федеральный университет,

Россия, 420008, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Татарстан, 2

E-mail: sasha.vakhrusheva@yandex.ru, mesoln@yandex.ru, irina.klimagina@mail.ru, rg-777@yandex.ru

²Казанский национальный исследовательский технологический университет,

Россия, 420015, Республика Татарстан, г. Казань, ул. К. Маркса, 68

E-mail: kroman1@mail.ru

Аннотация. Авторами разработана и валидирована методика оценки лингвистической сложности учебного текста, основанная на системе лингвистических параметров текста учебника. В качестве материала использованы тексты из пяти учебников для 6-го класса по биологии, рекомендованных для использования в средних школах Российской Федерации. Исследование включает три основных этапа: выявление структурных компонентов учебного текста; реконструкцию денотатных карт; оценку лингвистической сложности учебного текста с использованием параметров читабельности, нарративности, абстрактности, лексического многообразия. Результаты исследования продемонстрировали значительные различия в сложности текстов, которые могут быть использованы для различных категорий реципиентов.

Ключевые слова: учебный текст, лингвистическая сложность текста, читабельность, нарративность, лексическое многообразие.

Для цитирования: Вахрушева А.Я., Солнышкина М.И., Куприянов Р.В., Гафиятова Э.В., Климагина И.О. 2021. Лингвистическая сложность учебных текстов. Вопросы журналистики, педагогики, языкознания, 40 (1): 88–99. DOI 10.18413/2712-7451-2021-40-1-89-99

Linguistic complexity of academic texts

Alexandra Y. Vakhrusheva¹, Marina I. Solnyshkina¹, Roman V. Kuprijanov²,
Elzara V. Gafiyatova¹, Irina O. Klimagina¹,

¹Kazan (Volga region) Federal University,

2 Tatarstan St, Kazan, Republic of Tatarstan, 420008, Russian Federation

E-mail: sasha.vakhrusheva@yandex.ru, mesoln@yandex.ru, irina.klimagina@mail.ru, rg-777@yandex.ru

²Kazan National Research Technological University

68 K. Marksa St, Kazan, 420015, Republic of Tatarstan, Russian Federation

E-mail: kroman1@mail.ru

Abstract. This study presents an innovative algorithm validated mechanism for assessing linguistic complexity of academic texts and is based on the system of linguistic parameters of schoolbook texts. The materials employed for the study are five texts from 6th grade textbooks in biology, recommended for use in secondary schools of the Russian Federation. The study was conducted in three main stages: identification of structural components of academic text; reconstruction of denotation maps; assessment of linguistic complexity of academic text using the parameters of readability (FKGL), narrativity, abstractness, lexical diversity (TTR). Spearman analysis indicated strong correlation between abstractness and lexical diversity, which implies that five linguistic parameters (length of sentences, words, readability index, abstractness/TTR and narrativity) suffice to conduct a full linguistic expertise provided that structural and denotative assessments are also pursued. The results of the study showed significant differences in the complexity of the texts ranging from the 6th to the 9th grades which can be used for different categories of recipients. The findings can also be employed in conducting language assessment of texts suitability for different categories of readers.

Key words: academic text, linguistic complexity of text, readability, narrativity, lexical diversity.

For citation: Vakhrusheva A.Y., Solnyshkina M.I., Kuprijanov R.V., Gafiyatova E.V., Klimagina I.O. 2021. Linguistic complexity of academic texts. Issues in Journalism, Education, Linguistics, 40 (1): 88–99 (in Russian). DOI 10.18413/2712-7451-2021-40-1-89-99

Введение

Государственная экспертиза современных российских учебников предъявляет к учебному тексту требование «понятности и ориентированности на возраст учащихся»¹, однако не предусматривает оценку сложности текста и его соответствия читательскому адресу. При этом педагоги, ученые, родители говорят и пишут о перегруженности учебников терминологией, избыточной информацией, а также о фактологических ошибках и несоблюдении языковых норм [Ткачук и др., 2012]. Неудовлетворительное качество современных учебников стало причиной требований усовершенствовать экспертизу учебных материалов², регламентированную в настоящее время пятью составляющими: научной, педагогической, общественной, этнокультурной и региональной, научной историко-культурной. К сожалению, существующая в Российской Федерации процедура экспертных оценок качества учебного текста не содержит системы формализованных критериев оценки текста и его соответствия способностям читателя. Показательно, что оценка языка учебников – обязательное условие национальной экспертизы учебных материалов ряда стран и требование Юнеско [National Governors..., 2010]. «Понятность» учебного текста связана с двумя научными проблемами: объемом информации в учебном тексте и представлением информации в учебном тексте, т.е. его лингвистической сложности.

Лингвистическая сложность текста рассчитывается на основе трёх факторов: количественных и качественных параметров текста, а также уровня подготовки читателей [Fisher et al., 2012]. Лингвистическая составляющая текста есть объективная величина, рассчитываемая независимо от способностей, компетенций и психотипа читателей, т.е. есть функция таких параметров, как читабельность, абстрактность, нарративность, связность, лексическое многообразие и др. [Солнышкина и др., 2020]. В науке также принято дифференцировать понятия информационной (когнитивной) и информативной сложности (насыщенности/плотности) текста. Первая определяется на основе пропозиционного моделирования и денотативной карты текста, в то время как вторая оценивается на основе психолингвистических критериев читателя, таких как объем оперативной памяти и долгосрочной памяти, внимание, знания о мире, уровень тревожности, социальная желательность, а также объем словарного запаса, владение языком, общая осведомленность и тематические знания [McCarthy et al., 2019]. Метрики данных параметров оцениваются индивидуально для каждого читателя или для определенного читательского адреса с привлечением данных, полученных экспериментальным путем для отдельных категорий читателей.

Представленное исследование нацелено на сравнительную оценку сложности текстов учебников по биологии, используемых для обучения в 6-м классе средней школы. Материалом для данного исследования послужили тексты по теме «Фотосинтез» из пяти учебников по биологии для 6-го класса общеобразовательных учреждений из Федерально-

¹ Экспертиза. Федеральный перечень учебников, рекомендованных к использованию при реализации программ общего образования. URL: <http://fpu.informika.ru/expertise/> (дата обращения: 01 марта 2021).

² Паспорт проекта: Приказ об утверждении Порядка отбора организаций, осуществляющих выпуск учебных пособий, которые допускаются к использованию при реализации имеющих государственную аккредитацию образовательных программ начального общего, основного общего, среднего общего образования. 2020. Отв. сотр. А.А. Бутуханова. URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npra=110155> (дата обращения: 01 марта 2021).

го перечня учебников¹. Экспресс-опрос, осуществленный на предварительном этапе исследования среди учителей биологии, показал, что каждый из подвергнутых анализу учебников (см. Список источников) имеет разный уровень сложности и используется для различных образовательных траекторий. Выбор темы текстов обусловлен их совпадением и относительно высокой осведомленностью авторов в данной области. Количественные параметры изученных текстов отличаются в незначительной степени (табл. 1).

Таблица 1
Table 1

Количественные параметры текстов теме «Фотосинтез»
Quantitative parameters of texts on the topic "Photosynthesis"

Параметр	Автор учебника, год публикации					
	Пасечник, 2010	Пасечник, 2014	Пасечник, 2016	Сухорукова, 2013	Трайтак, 2013	Среднее значение
Длина текста (в словах)	685	731	731	938	747	766 ± 81
Ср. количество слов в предложении	10,7	9,49	10,91	11,58	13,58	11,25 ± 1,50
Ср. количество слогов в слове	2,61	2,56	2,46	2,6	2,86	2,62 ± 0,15

Структура учебных текстов включает три основных компонента, предусмотренных педагогическим стандартом: ядро содержания, функциональная часть, аппарат организации текста. Ядро направлено на формирование предметной компетентности, в то время как функциональная часть призвана обеспечить формирование надпредметных компетентностей. Аппарат организации усвоения предполагает изменение шрифтов для основных терминов, включение их этимологии, чёткое разделение основного и дополнительного текстов, деление на подтемы, описание результата, задания на рефлекссию и задания для самопроверки [Пономарева, 2012].

В лингвистике содержание текста описывается с применением денотатных карт [Новиков, 1983], включающих имена денотатов в тексте, имена «ключевых» денотатов, внутренние связи каждого «ключевого» денотата с другими денотатами; целостная структура содержания текста с учетом предметных отношений денотатов и места в структуре. Денотатные карты содержат смысловые вехи-макропропозиции, подчиненные доминантам текста. Методика конструирования денотатных карт позволяет наглядно представить содержание текста [Рябушкина, 2018].

На основе двух указанных данных методик был осуществлен анализ структур изучаемых текстов и созданы их денотатные карты.

Тексты в учебниках Пасечника В.В. и др. [2010, 2014] построены по единой модели и содержат введение, представленное в виде рубрики «Вспомните» с двумя вопросами, основной текст с иллюстрациями и заключительную часть со списком ключевых слов, пятью вопросами по тексту параграфа и одним вопросом для размышления. Автор также предлагает алгоритм осуществления и предварительные результаты опыта. В качестве преимуществ данных двух учебников стоит отметить оформление текста, а именно выделение важной информации или терминов с помощью цвета и изменения шрифта, что, по мнению специалистов, способствует лучшему восприятию и долгосрочной памяти [Болдина, Борисова, 2009].

¹ Федеральный перечень учебников. URL: <https://fpu.edu.ru/> (дата обращения: 01 марта 2021).

Текст по теме «Фотосинтез» в учебнике Пасечника В.В. [2016] включает введение с тремя вопросами по ранее изученному материалу, основной текст с иллюстрациями и объемную заключительную часть, в состав которой входят краткий вывод, ключевые слова, пять вопросов к тексту, два вопроса для размышления, два задания, рубрика «Задания для любознательных», где читателям предлагается провести два опыта, и рубрика «Знаете ли вы что», представленная двумя короткими дополнительными текстами.

Текст в учебнике Сухоруковой Л.Н. и др. [2013] состоит из вводной части, включающей рубрику «Вы узнаете» и «Вспомните», основное содержание с проведением опытов и богатым иллюстративным материалом, заключительная часть с пятью вопросами по тексту. Стоит отметить, что в данном тексте присутствуют подзаголовки, отмеченные цветом; ключевые слова выделены жирным шрифтом, что значительно облегчает процесс восприятия. Отличительной черта учебного текста Сухоруковой Л.Н. и др. [2013] является значительный объем дополнительной информации и иллюстраций.

В тексте по теме «Фотосинтез» из учебника Трайтака Д.И. [Трайтак Д.И., Трайтак Н.Д., 2013] отсутствует введение, за основным текстом с иллюстрациями и описанием алгоритма опыта следуют заключение, два вопроса к тексту и три вопроса для рефлексии прочитанного (табл. 2).

Таблица 2
Table 2

Структура учебных текстов по теме «Фотосинтез»
Structure of texts on the topic "Photosynthesis"

Элементы структуры текста	Автор учебника, год публикации				
	Пасечник, 2010	Пасечник, 2014	Пасечник, 2016	Сухорукова, 2013	Трайтак, 2013
Длина основного текста (в словах)	361	350	712	896	566
Дотекстовый компонент	рубрика «Вспомните»	рубрика «Вспомните»	Задания на актуализацию изученного материала	рубрики «Вы узнаете», «Вспомните»	–
Графическое оформление	изменение шрифта терминов	изменение шрифта терминов	изменение шрифта терминов	изменение шрифта терминов	изменение шрифта терминов
Дополнительная информация	–	–	Этимология терминов	Этимология терминов	–
Текстовое проведение графических элементов	надписи к рисункам	надписи к рисункам	надписи к рисункам	надписи к рисункам	надписи к рисункам
Имена «ключевых» денотатов	список ключевых слов	список ключевых слов	–	–	–
Графическое деление структуры текста	деление текста на основной и дополнительный	–	–	подзаголовки, деление текста на основной и дополнительный	подзаголовки
Заключение основного текста	–	–	Выводы	–	–
Затекстовый компонент	вопросы на самоконтроль усвоения	вопросы и задания на самоконтроль усвоения	вопросы и задания на самоконтроль усвоения	вопросы на самоконтроль усвоения	вопросы на самоконтроль усвоения

Таким образом, анализ структуры учебных текстов показывает присутствие всех структурных элементов, выделяемых в классификации И.Н. Пономаревой [2012], при наличии большого числа различий их структурных элементов.

Рассмотрим денотатную карту учебного текста «Фотосинтез» на примере текста Пасечника [2016], насчитывающего 712 слов.

Содержательно текст может быть разделен на три смысловых блока со следующими макропропозициями:

1 блок, 56 слов, четыре макропропозиции:

– «*Растения имеют способность создавать из неорганических веществ органические*»;

– «*Данный процесс называется фотосинтез*»;

– «*Фотосинтез протекает с использованием световой энергии*»;

– «*Способность к фотосинтезу - важнейшее свойство зелёных растений*».

2 блок, 630 слов, семь макропропозиций:

– «*Для процесса фотосинтеза необходима световая энергия*»;

– «*Органические вещества образуются только в клетках с хлоропластами*»;

– «*Для образования органических веществ необходим свет*»;

– «*Зелёные листья растения поглощают углекислый газ*»;

– «*Зелёные листья растения поглощают углекислый газ для образования органических веществ*»;

– «*Зелёные листья выделяют кислород*»;

– «*Зелёные растения выделяют кислород только на свету*».

3 блок, 25 слов, три макропропозиции:

– «*Растения имеют два типа питания: минеральное и фотосинтез*»;

– «*Минеральный тип питания обеспечивает растение водой и минеральными веществами*»;

– «*Фотосинтез обеспечивает растения необходимыми органическими веществами*».

Все указанные смысловые вехи представлены в каждом изученном учебнике, однако их лингвистическое сопровождение различается, поскольку каждый из авторов выбирает свои способы репрезентации фактической информации.

Рассмотрим лингвистическую сложность текста, рассчитываемую на основе валидированных в отечественных и зарубежных исследованиях параметров, таких как среднее количество слов в предложении, среднее количество слогов в слове, индекс Флеша-Кинкейда, индекс абстрактности, индекс лексического разнообразия (TTR), нарративность [Solnyshkina et al., 2017].

Длина предложения рассматривается в качестве одного из наиболее значимых параметров при оценке сложности и читабельности текста. Чем длиннее предложение, тем больше логических связей оно содержит, тем сложнее его восприятие [Solnyshkina et al., 2017]. В качестве оптимальной для учебных текстов на русском языке признается длина предложений в 11–12 слов [Микк, 1981]. Аналогично длине предложения, влияющей на сложность восприятия, признана и длина слова: чем длиннее слово, тем больше времени требуется для его понимания и удержания в кратковременной памяти [Микк, 1981; Шпаковский, 2007]. Кроме того, длинные слова, включающие 3 и более слога, традиционно имеют более низкую частотность [Мацковский, 1976; Криони и др., 2008].

Индекс Флеша-Кинкейда – это одна из наиболее валидных формул для определения читабельности. Данный индекс показывает количество лет обучения, необходимое для понимания анализируемого текста, и рассчитывается по формуле:

$$FKG \text{ mod SIS} = 0,36 \times ASL + 5,76 \times ASW - 11,97,$$

где ASL – среднее количество слов в предложении; ASW – среднее количество слогов в слове [Solovyev et al., 2018].

Индекс лексического разнообразия рассчитывается как отношение уникальных лексических единиц к общему количеству слов и колеблется в диапазоне от 0 до 1, где более высокое значение говорит о богатом словарном составе текстовой единицы [Templin, 1957]. Высокий уровень TTR требует от читателей знания большого количества слов. Данный параметр в значительной мере указывает и на количество терминов. Например, в тексте Пасечник [2016] из двух предложений, 29 слов содержатся 7 повторяющихся терминов: «Исследования показали, что в **листьях** первоначально образуется **сахар**, который затем превращается в **крахмал** и другие **органические вещества**. Нерастворимый в воде **крахмал** под действием особых **веществ** снова превращается в **сахар**». В тексте Трайтак [2013] – семь терминов в одном предложении из 28 слов: «**Фотосинтез** – **единственный процесс в биосфере**, обеспечивающий существование как **растений**, так и **всех других живых организмов**, в том числе и человека, главный источник **органического вещества** и **кислорода** на Земле». В тексте Пасечника [2016] также наблюдаются многочисленные лексические повторы, снижающие индекс лексического многообразия. Например, «*Через двое суток снимем колпак с растения, срежем один **лист** и проверим, образовался ли в его клетках крахмал. При обработке раствором йода **лист** не посинеет. Значит, крахмала в **листе** нет. Следовательно, крахмал образуется в **листьях** только при наличии в воздухе углекислого газа*». В текстах других авторов предпочтения отдаются синонимическим и анафорическим заменам.

Отдельную сложность представляют метафорические наименования. Сравним, например, два текста, выражающих аналогичную пропозицию: «**Консервами солнечной энергии**» называют древесину, торф, каменный уголь, которые являются продуктами фотосинтеза прошлых геологических эпох» [Трайтак Д.И., Трайтак Н.Д., 2013]. «За миллиарды лет на нашей планете накопились большие запасы органических веществ в виде каменного угля и торфа. Всё это бывшие растения, в которых **запасена преобразованная солнечная энергия**» [Пасечник и др., 2014].

Нарративность (повествовательность) текста, в соответствии с формулой Д. Байбера, С. Конрада и Р. Реппена [Biber et al, 1998], вычисляется как отношение общего количества существительных к общему количеству глаголов. Высокий показатель, полученный по этой формуле, говорит о низком уровне нарративности, что характерно для научного стиля речи, где наблюдается доминирование существительных над глаголами. Исследователи убедительно доказывают, что нарративные тексты за счёт знакомой структуры легче воспринимаются обучающимися [Kraal et al, 2018].

Абстрактность может быть определена по шкале конкретности-абстрактности или по количеству слов с абстрактными суффиксами [Микк, 1981]. Многочисленные исследования доказывают, что тексты, содержащие большое количество абстрактных слов, будут сложнее для восприятия [Солнышкина и др., 2019]. Характерной чертой детского мышления является конкретность, в то время как абстрактные понятия оторваны от реальности [Бондаренко, 1975].

Все вышеперечисленные параметры были рассчитаны с помощью программы автоматического анализа RuLingva (<https://rulingva.kpfu.ru/>), созданного на базе Учебного корпуса русского языка (Свидетельство № 2020622254). Полученные результаты для каждого из изученных учебных текстов представлены в табл. 3.

Как видим, изученные учебные тексты в значительной степени отличаются друг от друга. Наименьшую степень сложности имеет текст из учебника биологии Пасечника [2016]. Наиболее высокую степень сложности имеет текст из учебника Трайтака [Трайтак Д.И., Трайтак Н.Д., 2013]. В соответствии с индексом ФК, он требует более девяти лет обучения для понимания, так как содержит наиболее длинные слова и предложения. Кроме того, этот учебник отличается высоким уровнем лексического разнообразия и абстрактности, а это означает, что для его адекватного восприятия реципиент должен обладать богатым словарным запасом.

Таблица 3
 Table 3

Лингвистические параметры текстов по теме «Фотосинтез»
 Linguistic parameters of texts on the topic "Photosynthesis"

Параметр	Автор учебника, год публикации					Среднее значение
	Пасечник, 2010	Пасечник, 2014	Пасечник, 2016	Сухорукова, 2013	Трайтак, 2013	
Ср. количество слов в предложении	10,7	9,49	10,91	11,58	13,58	11,25±1,50
Ср. количество слогов в слове	2,61	2,56	2,46	2,6	2,86	2,62±0,15
Индекс FKG mod SIS	6,92	6,18	6,12	7,19	9,42	7,17±1,34
Индекс абстрактности	2,73	2,73	2,46	2,66	2,74	2,66±0,12
Лексическое многообразие (TTR)	0,61	0,61	0,55	0,6	0,61	0,60±0,03
Нарративность	3,72	3,86	2,67	2,66	3,48	3,28±0,58

При этом высокая нарративность позволяет предположить, что текст содержит высокий процент глаголов, которые будут способствовать восприятию текста реципиентами.

Для выявления зависимостей между лингвистическими параметрами был проведен расчёт коэффициентов корреляции по Спирмену [Шишлянникова, 2009] (табл. 4).

Таблица 4
 Table 4

Корреляционная матрица взаимосвязи лингвистических параметров
 Linguistic parameters correlation

Лингвистические параметры	Среднее количество слов в предложении	Среднее количество слогов в слове	Индекс FKG mod SIS	Индекс абстрактности	Лексическое многообразие (TTR)	Нарративность
Ср. количество слов в предложении	1,00	0,50	0,70	0,15	-0,22	-0,70
Ср. количество слогов в слове	0,50	1,00	0,90*	0,82	0,67	0,10
Индекс ФК (мод) SIS	0,70	0,90*	1,00	0,67	0,45	-0,20
Индекс абстрактности	0,15	0,82	0,67	1,00	0,92*	0,56
Лексическое многообразие (TTR)	-0,22	0,67	0,45	0,92*	1,00	0,78
Нарративность	-0,70	0,10	-0,20	0,56	0,78	1,00

Примечание: * – статистически значимая взаимосвязь между параметрами $p < 0,05$

Выводы

Анализ корреляционной матрицы показывает наличие наиболее сильной прямой связи между индексом абстрактности и лексическим многообразием. Это означает, что с увеличением лексического многообразия происходит рост индекса абстрактности текста и наоборот: с ростом абстрактности увеличивается лексическое многообразие. Индекс абстрактности также имеет сильную прямую связь со средним количеством слогов в слове, однако эта связь не является статистически достоверной. Между индексом ФК (мод) SIS и средним количеством слогов в слове также существует статистически значимая взаимосвязь. Последняя взаимосвязь не удивительна, так как в формулу расчета индекса ФК входит среднее количество слогов в слове.

Таким образом, читабельность не всех изученных нами учебных текстов, предлагаемых для 6-го класса, соответствует способностям школьников данной возрастной группы. Так, учебник Трайтака (2013) имеет степень сложности, соответствующую уровню учащихся 9-х классов. Из трех учебников Пасечника (2010, 2014, 2016) наименьшей абстрактностью и, соответственно, наименьшим лексическим разнообразием характеризуется учебник 2016 года, что позволяет прогнозировать его многочисленные переиздания и меньшую, по сравнению с текстами учебников 2010 и 2014 гг., сложность для читателей.

Комплексная лингвистическая экспертиза позволяет выявить и сопоставить структурные характеристики, денотатные карты и сложность текстов. Учитывая полную корреляцию абстрактности и лексического многообразия, в качестве пяти обязательных лингвистических параметров при оценке сложности текста рекомендуется использовать следующие: длина предложения, длина слова, индекс читабельности, абстрактность/ТТР и повествовательность. Осуществляемая в полном масштабе такого рода оценка текста позволяет обеспечить более точный читательский адрес, предлагая обучающимся индивидуализированные траектории.

Список источников

1. National Governors Association Center for Best Practices (NGA) and Council of Chief State School Officers (CCSSO). 2010. Common Core State Standards for English Language Arts and Literacy for History/Social Studies, Science, and Technical Subjects: Appendix A. Washington, 43 p. Available at: http://www.corestandards.org/assets/Appendix_A.pdf (accessed: 01 March 2021).
2. The Government of the Hong Kong Special Administrative Region. Education Bureau. 2016. Guiding Principles for Quality Textbooks. Electronic resource. Available at: <https://www.edb.gov.hk/en/curriculum-development/resource-support/textbook-info/GuidingPrinciples/index.html> (accessed: 01 March 2021).
3. United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization. 2014. Textbooks and learning resources: guidelines for developers and users. Paris, 24 p. Electronic resource. Available at: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000226135_eng (accessed: 01 March 2021).
4. Микк Я.А. 1981. Оптимизация сложности учебного текста: в помощь авторам и редакторам. М., Просвещение, 119 с.
5. Пасечник В.В. 2016. Биология. Бактерии, грибы, растения. 6 класс. М., Дрофа, 141 с.
6. Пасечник В.В., Суматохин С.В., Калинова Г.С. 2010. Биология. 6 класс. М., Просвещение, 127 с.
7. Пасечник В.В., Суматохин С.В., Калинова Г.С., Гапонюк З.Г. 2014. Биология. 5–6 классы. М., Просвещение, 160 с.
8. Сухорукова Л.Н., Кучменко В.С., Колесникова И.Я. 2013. Биология. Живой организм. 5–6 классы. М., Просвещение, 143 с.
9. Трайтак Д.И., Трайтак Н.Д. 2013. Биология. Растения. Бактерии. Грибы. Лишайники. 5–6 классы. В 2-х ч. Ч. 1. М., Мнемозина, 136 с.

Список литературы

1. Болдина Н.А., Борисова Т.С. 2009. Гигиенические требования к учебнику и чтению. Минск, БГМУ, 34 с.

2. Бондаренко С.М. 1975. Почему детям трудно учиться. М., Знание, 64 с.
3. Валгина Н.С. 2003. Теория текста. М., Логос, 173 с.
4. Зуев Д.Д. 1974. Проблемы структуры школьного учебника. В кн.: Проблемы школьного учебника. Под ред. Ф. П. Коровкина и др. Вып.1. М., Просвещение: 28–46.
5. Криони Н.К., Никин А.Д., Филиппова А.В. 2008. Автоматизированная система анализа сложности учебных текстов. Вестник Уфимского государственного авиационного технического университета, 11(1): 101–107.
6. Мацковский М.С. 1976. Проблемы читабельности печатного материала. В кн.: Сорокин Ю.А., Шахнарович А.М. Смысловое восприятие речевого сообщения в условиях массовой коммуникации. Под ред. А.А. Леонтьева, Т.М. Дридзе. М., Наука: 126–142.
7. Новиков А.И. 1983. Семантика текста и ее формализация. М., Наука, 215 с.
8. Пономарева И.Н. 2012. Школьный учебник как система целей и содержания биологического образования. В кн.: Современные проблемы естественнонаучного образования. Материалы V Всероссийской (с международным участием) научно-методическая конференция учителей, преподавателей, студентов, магистрантов и аспирантов дисциплин естественнонаучного цикла, Красноярск, 13–15 ноября 2012 г. Красноярск, КГПУ: 11–15.
9. Рябушкина В.А. 2018. Использование денотатных карт учебных текстов при выборе УМК по английскому языку. Наука, техника и образование, 10 (51): 63–68. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-denotatnyh-kart-uchebnyh-tekstov-pri-vybore-umk-po-angliyskomu-yazyku> (дата обращения: 01 марта 2021).
10. Солнышкина М.И., Казачкова М.Б., Исмаева Ф.Х. 2019. Абстрактность/конкретность как лингвистическая проблема. Ученые записки национального общества прикладной лингвистики, 2 (26): 74–83.
11. Солнышкина М.И., Кисельников А.С., Габитов А.И. 2017. Сравнительная оценка сложности текста. В кн.: Информационные технологии в гуманитарных науках. Материалы конференции, Красноярск, 18–22 сентября 2017 года. Под ред М.А. Лаптевой. Красноярск, Сибирский федеральный университет: 118–119.
12. Солнышкина М.И., Мартынова Е.В., Андреева М.И. 2020. Пропозициональное моделирование для оценки информативности текста. Ученые записки национального общества прикладной лингвистики, 3 (31): 47–57.
13. Ткачук Е.А., Филиппов Е.С., Ямщикова ОА. 2012. Оценка информационно-психологической безопасности школьных учебников с помощью показателя Флеша и индекса Фога. Сибирский медицинский журнал (Иркутск), 109 (2): 98–100.
14. Шишлянникова Л.М. 2009. Применение корреляционного анализа в психологии. Психологическая наука и образование, 1(14): 98–107.
15. Шпаковский Ю.Ф. 2007. Оценка трудности восприятия и оптимизация сложности учебного текста (на материале текстов по химии). Автореф. дис. ... канд. филолог. наук. Минск, 21 с.
16. Biber D., Conrad S., Reppen R. 1998. Corpus linguistics: investigating language structure and use. Cambridge, Cambridge University Press, 300 p.
17. Fisher D., Frey N., Lapp D. 2012. Text complexity: raising rigor in reading. Newark, International Reading Association, 212 p.
18. Kincaid J.P. 1975. Derivation of new readability formulas (automated Readability Index, Fog Count and Flesch Reading Ease Formula) for navy enlisted personnel. Memphis, Naval Air Station, 40 p.
19. Kraal A., Koornneef A., Broek P. 2018. Processing of expository and narrative texts by low- and high-comprehending children. Reading and Writing, 31 (9): 2017–2040.
20. McCarthy K.S., McNamara D.S., Solnyshkina M.I., Tarasova F.Kh., Kupriyanov R.V. 2019. The Russian language test: towards assessing text comprehension. Science journal of Volgograd state university. Linguistics, 18 (4): 231–247.
21. Solnyshkina M.I., Zamaletdinov R.R., Gabitov A.I., Gorodetskaya L.A. 2017. Evaluating text complexity and flesch-kincaid grade level. Journal of social studies education research, 8 (3): 238–248.
22. Solovyev V., Ivanov V., Solnyshkina M. 2018. Assessment of reading difficulty levels in russian academic texts: approaches and metrics. Journal of intelligent & fuzzy systems, 34 (5): 3049–3058.

23. Templin M. 1957. Certain language skills in children: their development and inter-relationships. Minneapolis, University of Minnesota Press, 208 p.

References

1. Boldina N.A., Borisova T.S. 2009. Gigienicheskie trebovaniya k uchebniku i chteniyu [Hygienic Requirements for Textbook and Reading]. Minsk, Publ. BGMU, 34 p.
2. Bondarenko S.M. 1975. Pochemu detyam trudno uchit'sya [Why is it difficult for children to learn]. M., Publ. Znanie, 64 p.
3. Valgina N.S. 2003. Teoriya teksta [Text Theory]. M., Publ. Logos, 173 p.
4. Zuev D.D. 1974. Problemy struktury shkol'nogo uchebnika [Problems of the structure of a school textbook]. In: Problemy shkol'nogo uchebnika [School textbook problems]. Eds. F.P. Korovkin i dr. Iss.1. M., Publ. Prosveshchenie: 28–46.
5. Krioni N.K., Nikin A.D., Filippova A.V. 2008. Avtomatizirovannaya sistema analiza slozhnosti uchebnykh tekstov [An automated system for analyzing the complexity of educational texts]. Vestnik USATU, 11(1): 101–107.
6. Matskovskiy M.S. 1976. Problemy chitabel'nosti pechatnogo materiala [Problems of readability of printed material]. In: Sorokin Yu.A., Shakhnarovich A.M. Smyslovoe vospriyatie rechevogo soobshcheniya v usloviyakh massovoy kommunikatsii [Semantic perception of a speech message in conditions of mass communication]. Eds. A.A. Leont'ev, T.M. Dridze. M., Publ. Nauka: 126–142.
7. Novikov A.I. 1983. Semantika teksta i ee formalizatsiya [Semantics of the text and its formalization]. M., Publ. Nauka, 215 p.
8. Ponomareva I.N. 2012. Shkol'nyy uchebnik kak sistema tseley i sodержaniya biologicheskogo obrazovaniya [School textbook as a system of goals and content of biological education]. In: Sovremennye problemy estestvennonauchnogo obrazovaniya [Modern problems of natural science education]. Proceedings of the V All-Russian (with international participation) Scientific and Methodological Conference of Teachers, teachers, students, Undergraduates and Postgraduates of Natural Science Disciplines, Krasnoyarsk, November 13–15, 2012. Krasnoyarsk. Publ. KGPU: 11–15.
9. Ryabushkina V.A. 2018. Ispolzovanie denotatnykh kart uchebnykh tekstov pri vybere UMK po angliyskomu yazyku [The use of denotational maps of educational texts in the choice of teaching materials in English]. Elektronnyy zhurnal: nauka, tekhnika i obrazovanie, 10 (51): 63–68. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-denotatnyh-kart-uchebnyh-tekstov-pri-vybore-umk-po-angliyskomu-yazyku> (accessed: 01 marta 2021).
10. Solnyshkina M.I., Kazachkova M.B., Ismaeva F.Kh. 2019. Abstraktnost'/konkretnost' kak lingvisticheskaya problema [Abstractness / concreteness as a linguistic problem]. Uchenye zapiski natsional'nogo obshchestva prikladnoy lingvistiki, 2 (26): 74–83.
11. Solnyshkina M.I., Kisel'nikov A.S., Gabitov A.I. 2017. Sravnitel'naya otsenka slozhnosti teksta [Comparative assessment of the complexity of the text.]. In: Informatsionnye tekhnologii v gumanitarnykh naukakh [Information technology in the humanities]. Publ. Sibirskiy federal'nyy universitet: 118–119.
12. Solnyshkina M.I., Martynova E.V., Andreeva M.I. 2020. Propozitsional'noe modelirovanie dlya otsenki informativnosti teksta [Propositional modeling for assessing the information content of the text]. Uchenye zapiski natsional'nogo obshchestva prikladnoy lingvistiki, 3 (31): 47–57.
13. Tkachuk E.A., Filippov E.S., Yamshchikova O.A. 2012. Otsenka informatsionno-psikhologicheskoy bezopasnosti shkol'nykh uchebnikov s pomoshch'yu pokazatelya Flesha i indeksa Foga [Assessment of information and psychological safety of school textbooks using the Flash index and the Fogh index]. Siberian Medical Journal (Irkutsk), 2 (109): 98–100.
14. Shishlyannikova L.M. 2009. Primenenie korrelyatsionnogo analiza v psikhologii [Application of correlation analysis in psychology]. Psychological Science and Education, 1(14): 98–107.
15. Shpakovskiy Yu.F. 2007. Otsenka trudnosti vospriyatiya i optimizatsiya slozhnosti uchebnogo teksta (na materiale tekstov po khimii) [Assessment of the difficulty of perception and optimization of the complexity of the educational text (based on chemistry texts)]. Abstract dis. ... cand. philolog. sciences. Minsk, 21 p.
16. Biber D., Conrad S., Reppen R. 1998. Corpus linguistics: investigating language structure and use. Cambridge, Cambridge University Press, 300 p.

17. Fisher D., Frey N., Lapp D. 2012. Text complexity: raising rigor in reading. Newark, International Reading Association, 212 p.
18. Kincaid J.P. 1975. Derivation of new readability formulas (automated Readability Index, Fog Count and Flesch Reading Ease Formula) for navy enlisted personnel. Memphis, Naval Air Station, 40 p.
19. Kraal A., Koornneef A., Broek P. 2018. Processing of expository and narrative texts by low- and high-comprehending children. *Reading and Writing*, 31 (9): 2017–2040.
20. McCarthy K.S., McNamara D.S., Solnyshkina M.I., Tarasova F.Kh., Kupriyanov R.V. 2019. The Russian language test: towards assessing text comprehension. *Science journal of Volgograd state university. Linguistics*, 18 (4): 231–247.
21. Solnyshkina M.I., Zamaletdinov R.R., Gabitov A.I., Gorodetskaya L.A. 2017. Evaluating text complexity and flesch-kincaid grade level. *Journal of social studies education research*, 8 (3): 238–248.
22. Solovyev V., Ivanov V., Solnyshkina M. 2018. Assessment of reading difficulty levels in russian academic texts: approaches and metrics. *Journal of intelligent & fuzzy systems*, 34 (5): 3049–3058.
23. Templin M. 1957. Certain language skills in children: their development and inter-relationships. Minneapolis, University of Minnesota Press, 208 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Вахрушева Александра Яковлевна, младший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Интеллектуальные технологии управления текстами» Казанского (Приволжского) Федерального университета, г. Казань, Россия

Солнышкина Марина Ивановна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории и практики преподавания иностранных языков Казанского (Приволжского) Федерального университета, г. Казань, Россия

Куприянов Роман Владимирович, кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Интеллектуальные технологии управления текстами» Казанского (Приволжского) Федерального университета, г. Казань, Россия

Гафиятова Эльзара Васильевна, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики преподавания иностранных языков Казанского (Приволжского) Федерального университета, г. Казань, Россия

Климагина Ирина Олеговна, младший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Интеллектуальные технологии управления текстами» Казанского (Приволжского) Федерального университета, г. Казань, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexandra Y. Vakhrusheva, Junior Researcher, Research Laboratory "Intelligent Text Management Technologies", Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia

Marina I. Solnyshkina, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Theory and Practice of Teaching Foreign Languages at Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia

Roman V. Kupriyanov, Candidate of Pedagogical Sciences, Senior Researcher, Research Laboratory "Intelligent Text Management Technologies" of Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia

Elzara V. Gafiyatova, Doctor of Philology, Professor of the Department of Theory and Practice of Teaching Foreign Languages at Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia

Irina O. Klimagina, Junior Researcher, Research Laboratory "Intelligent Text Management Technologies", Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia

УДК 811.111'37
DOI 10.18413/2712-7451-2021-40-1-100-110

Семантические аспекты британского английского языка и нигерийского варианта английского языка

Майданский М.А.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: maxmaidanskii@mail.ru

Аннотация. Автором структурированы лингвистические приемы, используемые в нигерийском варианте английского языка. Рассмотрен целый ряд нигерийских идиом, их происхождение и семантические отличия от британских аналогов с учетом работ нигерийских специалистов в области лингвистики. Уделено внимание истории распространения английского языка в Нигерии и иммиграции местного населения в среду носителей британского варианта языка. Исследованы такие аспекты языка, как семантическое расширение (термины родства, метафоры), семантический сдвиг, заимствования, неологизмы. Впервые представлена полноценная семантическая картина нигерийского варианта английского языка. Полученные результаты могут служить материалом для дальнейших исследований в области контактной лингвистики.

Ключевые слова: нигерийский английский язык, контактная лингвистика, семантические особенности, маркеры вариативности, языковая понятность, семантический сдвиг.

Для цитирования: Майданский М.А. 2020. Семантические аспекты британского английского языка и нигерийского варианта английского языка. Вопросы журналистики, педагогики, языкознания, 39 (4): 100–110. DOI 10.18413/2712-7451-2021-40-1-100-110

Semantic Aspects of Standard British English and the Nigerian

Maxim A. Maidansky

Belgorod National Research University,
85 Pobedy St, Belgorod, 308015, Russian Federation
E-mail: maxmaidanskii@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the semantic level of the language, one of the most significant levels as distinguished from the British variant; in the Russian-speaking literature the study of the Nigerian variant is carried out in several directions: linguoculturology, sociolinguistics, contact linguistics; but the number of works on this topic is insufficient. The purpose of this study is to analyze and structure the linguistic techniques used in the Nigerian variant. The paper considers a range of Nigerian idioms, their origins and semantic differences from their British counterparts, taking into account the works of Nigerian linguistic specialists. Attention is paid to the history of the spread of English in Nigeria and the immigration of the local population into the environment of speakers of the British variant of the language. Such aspects of language as semantic expansion (kinship terms, metaphors), semantic shift, borrowings, neologisms are investigated. The scientific novelty of this article lies in the creation of a complete semantic picture of the Nigerian variant of English. The results obtained can serve as material for further research in other areas of linguistics, especially in the field of contact linguistics.

Keywords: Nigerian English variant, contact linguistics, semantic features, markers of variability, language comprehensibility, semantic shift.

For citation: Maidansky M.A. 2020. Semantic Aspects of Standard British English and the Nigerian. Issues in Journalism, Education, Linguistics, 39 (4): 100–110 (in Russian). DOI 10.18413/2712-7451-2021-40-1-100-110

Введение

В контактной лингвистике основополагающими являются понятия интерференции и двуязычия. При этом один язык рассматривается в системе другого (или других) языков. Проникновение английского языка в Нигерию исторически привело к возникновению его нигерийского варианта.

В русскоязычной литературе изучение нигерийского варианта проводится в нескольких направлениях: лингвокультурология [Курченкова 2012; Борисова, Ильина, 2017], социолингвистика [Петренко, Вовк, 2018], контактная лингвистика [Багана, Волошина, 2019; Багана и др., 2020]. Однако количество работ по данной тематике к настоящему времени незначительно.

Ключевыми факторами, определяющими генезис языка, в любом обществе являются региональная вариация, социальная вариация, социальная стратификация и образовательный уровень населения. Нигерийский вариант английского языка сформировался в процессах контактов носителей английского, для которых он является вторым языком – несмотря на то, что английский является государственным языком в Нигерии, наряду с йоруба и игбо [Vamgbose et al., 1995]. Факторы и последствия такого рода языковых контактов рассматриваются в настоящей работе.

Когда в обществе существуют два варианта языка, совместно функционирующие в повседневной речи, возможны ошибки в понимании тех или иных языковых элементов. Предотвращение такого рода ошибок входит в число задач контактной лингвистики.

Цель исследования – проанализировать, выявить и структурировать семантические различия языковых элементов двух сравниваемых вариантов языка. Для этого нами были использованы методы лингвистического наблюдения и описания, сопоставительный и аналитический методы.

История английского языка в Нигерии и Африке

Английский язык проник в Нигерию в начале XIX века, когда после отмены работорговли на родину вернулись освобожденные рабы нигерийского происхождения. Большинство из них были христианами, имели образование, полученное за рубежом, и в ранний миссионерский период были полезны в качестве письменных или устных переводчиков [Akindele, Adegbite, 1992].

В течение столетий страны Европы колонизировали африканский континент, упрочняя экономические, политические и культурные связи между своими странами и странами Африки. Наиболее мощным влиянием в Африке обладали Британия и Франция; французские колонии располагались в основном на западе, северо-западе и юге континента в таких странах, как Кот-д'Ивуар, Нигер, Сенегал, Мали, Мавритания, Гвинея; английские колонии занимали в большей степени южную и восточную области материка – Нигерия, Гана, ЮАР, Кения, Эфиопия, Уганда, Сомали, Зимбабве. Сами процессы колонизации начались еще в XVIII веке, и независимость большинство вышеупомянутых стран получили в 60-х годах XX века.

Проследить присутствие африканцев на Альбионе можно еще с времен средневековья и даже раньше – они прибывали на кораблях путешественников и торговцев, но это было редким исключением. Первым фактором, с которого и началось увеличение присут-

ствия африканского населения в Великобритании, было начало работорговли в XVI веке и последующий рост ее объема. К концу XVIII века количество африканцев в Великобритании составляло несколько тысяч человек, которые можно разделить на две группы: рабские на торговых судах и дети африканской элиты, которые прибывали в Великобританию для получения образования. В XIX веке темпы прироста африканского населения снизились по причине отмены работорговли.

В период первой половины XX века, в связи с Первой и Второй мировыми войнами, прослеживается больший прирост иммигрантов из Африки в качестве военных, в том числе из Нигерии. Однако в британской статистике, основанной на переписи населения, проводимой каждое десятилетие вплоть до 90-х годов XX века, африканские мигранты числились в одной группе с приезжим населением из Индии, Бангладеша, стран Карибского бассейна, Пакистана по причине своего относительно небольшого количества, сравнительно с иммиграцией в ту же Францию. Недостаточная точность данных о миграции так же можно объяснить тем, что по закону о британском гражданстве 1948 года (British Nationality Act) граждане стран-колоний имели право свободного пересечения границы Великобритании без регистрации, однако были обязаны трудоустроиться.

Большую часть африканцев, которые въезжали в Великобританию, составляли те, кто служил на торговом флоте на низших должностях. Крупнейшие общины африканцев-моряков находились в Лондоне, Ливерпуле, Бристоле, Портсмуте. Иммигрантов, работающих на военно-морском флоте, было крайне мало, вплоть до Первой мировой войны. На суше женщины чаще всего были домработницами, мужское население – шахтерами, музыкантами, садовниками, дети в семьях иммигрантов занимались тем же, чем и их родители.

Следует отметить, что данных об африканцах-военных в XIX веке намного меньше, чем в XVIII, так как до начала XX века велась политика уменьшения служащих африканского происхождения на военном флоте. Факты присутствия объявлений в газетах о поиске работы африканцами указывают на то, что условия их жизни были достаточно неплохими, поскольку размещение подобных объявлений было дорогой услугой.

Больше всего иммигрантов в Великобританию прибывало из трех стран: Нигерии, Ганы и Сьерра-Леоне. К концу XIX и в начале XX веков сферы работы мужчин из Африки значительно расширились (камердинеры, бармены, музыканты, танцоры, конюхи, лакеи, официанты, повара, дворецкие). Женские профессии все так же были немногочисленны: горничные, домработницы, сиделки, медсестры.

Что касается истории иммиграции (достаточно немногочисленной) из Африки в Великобританию для обучения, то она началась с XVIII века. Стоимость образования была высокой, его себе могли позволить либо дети вождей (чаще всего из стран западной Африки), либо будущие миссионеры; чаще всего выбирали специальности юриста или врача. Как справедливо отмечают С.А. Adetuyi и А. Okediran [2004, p. 315], британские колонизаторы обучали население грамоте ради собственной выгоды, и все же английский язык сохранился в стране в качестве их культурного наследия. Некоторые коренные жители смогли на достаточном уровне овладеть языком, впоследствии став учителями в миссионерских школах.

В наши дни английский язык в Нигерии господствует практически во всех аспектах жизни и до сих пор является языком системы управления, а также языком межкультурной коммуникации, международной торговли и образования. С.А. Adetuyi и О.О. Jegede [2016, p. 4] говорят о его значении в Нигерии для осуществления законодательной и исполнительной деятельности, а также судебных функций на трех уровнях – местном, на уровне штатов и на уровне федерального правительства. При этом отмечается, что многоязычный характер Нигерии обуславливает заметные различия в английском языке среди проживающих в стране многочисленных народностей. Этническим многообразием, в первую очередь, и объясняется принятие английского в качестве языка общения, дипломатии, средств массовой информации, права, технологии и образования. Принятие едино-

го для всего населения страны языка общения во многом способствовало экономическому и политическому росту Нигерии.

Уровень языковой вариативности и глубина лексического тезауруса во многом определяется богатством культурной среды, доступной для изучающих английский в качестве второго родного языка, широтой и разнообразием опыта, событий и предметов.

В наше время большинство нигерийцев, изучающих английский как второй язык, начинают с изучения общих семантических импликаций слов, фраз и предложений. Затем, уже в процессе употребления языка, изменяются некоторые характеристики языковых единиц. Степень изменения бывает такова, что носитель английского может не понять новообразованную семантику. Такие слова как *silly, liar, dubious, pleasant* и многие другие не вызывают такой же реакции со стороны носителей английского языка, как у говорящих на нигерийском варианте английского. Это объясняется тем, что значения английских слов модифицируются под воздействием факторов местной культурной среды.

Семантические идентификаторы в нигерийском варианте английского языка

Так как английский язык распространен по всему миру, неизбежно образуются его варианты, каждый со своими специфическими особенностями; естественно, и английский язык в Нигерии также имеет свои отличительные черты, в первую очередь на семантическом уровне. Осуществляются процессы семантического расширения и сужения, происходят семантические сдвиги и редупликация, появляются новые слова и значения (неологизмы), нигеризация идиом и пословиц, возникают двусмысленности в результате опущения артиклей и т.д.

Теоретическое исследование этих семантических процессов позволяет выделить ряд характерных особенностей, и ученый, изучающий нигерийский вариант языка, сразу же сталкивается с актуальной, но зачастую трудновыполнимой задачей выявления и учета лингвистических феноменов, которые отличают нигерийский вариант в повседневной жизни. Со временем на такого рода лингвокультурной почве вырастает национальная англоязычная литература [Odumuh, 1987; Uzoezie, 2011].

Семантическое расширение

Зачастую в нигерийском варианте английского происходит расширение семантических границ существующих английских слов посредством добавления новых значений к английскому слову. Типичные примеры семантического расширения при использовании английского языка в Нигерии можно найти в следующих примерах:

1. I gave the police man **kola nut** (bribe) before I was released.

Я дал полицейскому орех колы (взятку) перед тем, как меня отпустили.

2. He has a **stranger** (visitor) this evening.

У него сегодня вечером был незнакомец (посетитель).

3. I **stayed** (lived) in Katsina for two years.

Я пробыл (жил) в Кацине два года.

4. Musa **hears** (understands) English language very well.

Муса очень хорошо слышит (понимает) английский язык.

Слова *kola nut*, *stranger*, *stayed* и *hears* имеют свое стандартное значение в английском языке, но в данном контексте приобретают дополнительное определение. *Kola nut* означает семя дерева, но здесь оно носит смысл слова «взятка»; *stranger* обозначает человека, которого вы не знаете, в указанном примере это – посетитель; *stayed* подразумевает нахождение в месте в течение определенного периода времени без переезда, расширяется до «жить»; «слышать» расширяется до значения «понимать».

Семантический сдвиг и семантическое сужение

Семантический сдвиг включает в себя переосмысление значения слова или фразы в пределах семантического поля, и таким образом значение слова изменяется:

His **machine** broke down (machine обозначает motorcycle).

Его машина сломалась (мотоцикл) [Adetuyi, Okediran, 2004, p. 8].

Семантический сдвиг связан со значением, придаваемым лексическому элементу средой, в которой он находится, в сторону его первоначального значения. Английский язык настолько сильно одомашнен в Нигерии, что некоторые лексические единицы теперь имеют новый смысл, отличный от их первоначального английского значения. Далее будут рассмотрены три единицы: bad heart, drop и escort.

Bad heart. В британском английском bad heart значит проблемы с сердцем. Однако в нигерийском варианте bad heart означает зло. Это может вызвать проблемы у изучающих английский как второй язык. Поэтому на письме рекомендуется использовать это выражение в контексте британского английского языка, чтобы не совершить смысловую ошибку.

Drop. В британском английском языке слово drop означает «упасть» или «позволить чему-то упасть случайно». Однако в нигерийском варианте английского это слово имеет другое значение – «сойти с транспортного средства». В британском английском для передачи этого значения используется слово alight.

Escort. В британском английском языке to escort – сопровождать человека в место, в которое он направляется, для обеспечения безопасности. Однако в нигерийском варианте значение слова to escort («сопровождать для обеспечения безопасности») изменено на see off («проводить»). Мы часто слышим *Let me escort you to the bus stop*, когда говорящий на самом деле имеет в виду *Let me see you off the bus stop*.

Одной из разновидностей семантического сдвига является семантическое сужение, при котором происходит конкретизация значения слова, например:

Kerosene is more expensive than **fuel** (petrol)

Керосин дороже топлива (бензина).

The family has a boy, now they are expecting a **baby** (baby girl).

В семье есть мальчик, сейчас они ждут ребенка (девочку).

Таким образом, значение слова «топливо» сужается до значения «бензин», «ребенок» – до «девочка».

Неологизмы и заимствования

Важной лексико-семантической особенностью нигерийского варианта английского языка является заимствование слов из других языков. Все эти слова не существуют в британской культуре и не присутствуют в словаре британского английского языка; такие лингвистические заимствования используются для выражения культурных реалий Нигерии. Примеры таких лексических единиц – Juju (талисман), Bush meat (влияние), Long leg (дичь).

Словосочетание bride price обычно используется в нигерийском варианте в значении «деньги, выплачиваемые мужчиной в качестве выкупа за невесту». Таким образом, это слово имеет то же значение, что и dowry в британском английском: «собственность» или «деньги, которые семья мужа платит семье невесты при браке».

Или же встречается придание нового значения слову из английского языка:

My **globe** (electric bulb) shines brighter than yours.

Мой шар (электрическая лампочка) светит ярче твоего.

Семантическая редупликация

Многие повседневные нигерийские английские выражения содержат тавтологии, излишние повторения одного и того же лексического элемента без прояснения смысла. Например:

Repeat what you said **again**.

Повторите, что вы сказали.

That is **my personal** opinion.

Это мое личное мнение.

Nigeria's **past history** is worth studying

История Нигерии заслуживает изучения.

Для носителя английского языка эти фразы содержат неоправданные повторы; носитель же нигерийского варианта языка обычно не обращает на это внимание и для него это вполне нормально.

Заимствования и придание новых значений

Некоторые слова, происходящие из нигерийских языков, в настоящее время используются как заимствованные слова со своими исходными значениями, перенесенные в нигерийский английский язык. Такие слова обычно используются в тех случаях, когда английские не могут полноценно выразить желаемые реалии:

Agbada – большая накидка, которую носят мужчины народа йоруба

Eba – блюдо

Dodo – жареный подорожник

Iroko – дерево

Заимствования из нигерийских языков встречаются и в обозначениях одежды: agbada, babanriga – национальные одеяния для официальных поводов в Нигерии. Их также называют *flowing gown* (свободным платьем). В области кулинарии используются местные слова для обозначения продуктов питания, такие как akara, eba, tuwo, amala, ogbono, ewedu и т.д. Все эти и многие другие слова из местных языков семантически инкорпорированы в нигерийский английский вариант.

Кроме подобных примеров появились заимствования существующих английских слов с приданием им новых значений. Например: *talking-drum*, *long-leg*, *high life music*, *tight-friend*, *go-slow*, *head-tie* и т.д.

В английском языке слово *tortoise* (черепаха) означает рептилию. В нигерийском английском *tortoise* имеет дополнительное значение: очень хитрый человек [Jowitt, 2019; Jowitt, 2000].

Данные лексические элементы, присутствующие в нигерийском варианте английского языка, но отсутствующие в британском английском языке, должны быть рассмотрены в проблемных областях изучения британского варианта языка в Нигерии.

Нигеризация идиом и пословиц

Некоторые идиомы и пословицы модифицируются в соответствии с нигерийской культурой. Например:

Cut your coat according to your size. В британском английском: *cut your coat according to your cloth* (по одежке протягивай ножки).

One tree cannot make a forest (одно дерево не сделает лес). В британском английском: *one swallow does not make a summer* (одна ласточка не сделает лето).

Другими идиомами, измененными социокультурологически, являются *I will declare surplus*, обозначающая «расточительно потратить»; *wash a car* – отпраздновать/обмыть покупку машины; *to put sand in one's garri* – препятствовать усилиям; *say something off head* – наизусть.

Not far-fetched – это выражение означает «очевидно» в нигерийском варианте, в то время как в британском английском *far-fetched* означает что-либо неправдоподобное, маловероятное, вызывающее недоверие. Фразу "that was a farfetched fact" нигериец и англичанин поймут совершенно по-разному: для первого – «это был очевидный факт», для второго «это был маловероятный факт».

Not on seat – это нигерийское английское выражение, обозначающее «не на рабочем месте, не в офисе». Корни происхождения данного выражения в нигерийском варианте неясны, однако оно часто встречается в нигерийских средствах массовой информации.

K-leg – это слово в нигерийском варианте английского значит вывернутые внутрь колени, подобного слова в британском английском не существует, однако есть выражение *knock kneed*, обозначающее то же самое (в русском языке наиболее близкий эквивалент – «наперекосяк»). В нигерийском *K-leg* также имеет смысл «пойти не так, как задумано»; например, *all their plans went K-leg* – все их планы пошли наперекосяк.

Life history – эта фраза используется в нигерийском английском варианте, в то время как с точки зрения британского варианта следовало бы употребить *life story* или *biography*. В стандартном английском этот оборот также существует, однако *life history* используется исключительно в научных текстах и имеет особое значение. Он используется в биологии и антропологии, например, для обозначения жизненного цикла организмов. В нигерийском же варианте оборот употребляется в повседневных диалогах, несущий смысл «история жизни», «биография».

Quite an age. В нигерийском английском эта идиома аналогична британскому *long time no see* и несет смысл «давно не виделись», подобно русской идиоме «сколько лет, сколько зим».

В нигерийском варианте немало идиом, которые были полностью или с некоторыми изменениями заимствованы из старого английского языка XIX – первой половины XX века, что можно увидеть в следующих примерах:

More grease to your elbow или просто *more grease*. В нигерийском варианте это стандартная, часто используемая идиома, когда хотят сказать «браво», похвалить за хорошую работу. Соответствующий этому британский аналог – *well done*. Здесь мы видим измененное архаичное британское выражение *more power to your elbow*, пришедшее из старого ирландского английского, имеющее тот же смысл, что и *more grease to your elbow*. Нигерийцы совместили эту староанглийскую идиому с британским фразеологизмом *elbow grease*, обозначающим тяжелую работу, использование физического труда.

Выражение *a cog in the wheel of progress* порой изменяется в нигерийском варианте до *a clog in the wheel of progress*. Это аналогично прошлому примеру: стандартная английская идиома *a cog in the wheel* или *cog in the machine*, означающая незначительный, но, тем не менее, незаменимый элемент, зачастую употребляется в отношении какого-либо человека. В нигерийском же вместо *cog* («шестерня») нередко употребляется семантически противоположное *clog* (затруднение, препятствие), вследствие чего полностью меняется смысл идиомы, теперь обретающей смысл «помехи».

To manage. Когда нигерийцы говорят *somebody is managing*, это обычно означает, что дела у этого человека идут плохо, он еле выживает (например: *The situation in the country is hard nowadays. Many people are just managing.* – «В стране сейчас сложное положение. Многие просто выживают»). В британском английском, напротив, *to be managing* – это быть успешным, достигать своих целей. Там, где нигерийцы употребляют *managing*, для выражения подобного смысла британцы бы употребили *surviving*. Для нигерийцев, в свою очередь, *to be surviving* тоже несет иное, существенно отличное значение – «бороться с проблемами, пытаться преодолеть их» [Adegbite et al., 2014, p. 211].

Chicken change. Это означает достаточно маленькую, незначительную денежную сумму, очевидно полученную из-за искажения британской сленговой идиомы *chickenfeed*,

означающий «гроши». Это выражение используется особенно в нигерийских пятидесятнических церквях в качестве приглашения к пожертвованиям в пользу церкви.

To have long legs. Данная нигерийская идиома означает «иметь связи в высших кругах», по смыслу похожа на русское «иметь длинные руки» или «иметь связи». В британском варианте данная фраза воспринималась бы исключительно дословно, так как не имеет никакой идиоматической нагрузки.

To smell pepper. Означает быть шокированным чем-либо, в британском варианте также воспринималась бы дословно.

To blow grammar. Этот фразеологизм имеет смысл хвастовства, намерения впечатлить кого-либо своими успехами, используется большей частью в шутовском контексте. Это выражение пришло из африканского пиджина, упрощенного языка, однако оно широко используется даже в формальных речах высокопоставленных нигерийцев [Kperogi, 2015, p. 165].

Over and above. Эта идиома особенно часто встречается в письменном нигерийском английском, используется как усилитель, аналогичный *very, extremely*. Впрочем, в британском английском *over and above* означает «в дополнение к» или «помимо» (*in addition to*).

Motherless babies' home. Это своеобразный нигерийский неологизм, используемый в Нигерии и западной Африке, по смыслу тождественный британскому *orphanage* – приют. Можно предположить, что *motherless babies' home* должно означать приют для детей, у которых нет матери, однако это – «сиротский приют» для детей, у кого нет родителей. В данном случае имеет место семантическое сужение.

I hope to read from you soon. Этой клишированной фразой в нигерийском варианте, как правило, оканчивается письмо. Она является семантическим аналогом британского *I hope to hear from you soon* – «надеюсь, вы ответите мне очень скоро», «надеюсь услышать о тебе в скором времени».

Wake-keep. Данная идиома встречается в нигерийском и ганском английском вариантах языка. В разговорном нигерийском английском в настоящее время британское *wake-keeping* заменено на *wake-keep*, означая процесс или время для посещения усопшего перед похоронами. Британскими синонимами являются также *viewing, reviewal* и *calling hours*.

Другие популярными нигерийскими идиомы: *hot drink* – британское *hard drink* (крепкие напитки); *of recent* – эквивалент британского наречия *recently* (недавно), совмещенный с грамматической структурой выражения *of late* (недавно); *spent horse* происходит из *spent force* [Igboanusí, 2010; Okoro, 2011].

Родственные связи

В англосаксонских культурах родственные термины существенно отличаются от нигерийских. Это преимущественно обусловлено тем, что англичане с давних времен живут в нуклеарной семейной системе. Помимо терминологии, характеризующей отношения прямого биологического родства: *father, mother, sister, son, daughter, brother* и т.п., – существуют также термины для обозначения более дальних родственных связей: *brother-in-law, sister-in-law, mother-in-law, father-in-law, step-father, step-mother, half-brother, uncle, cousin, aunt, nephew, niece* [Oluwole, 2014, p. 283].

У народов йоруба, игбо и хауса системы родства не ограничиваются ближайшими братьями и сестрами. Они включают в себя гораздо более широкий круг межличностных отношений, в которые вовлечен человек.

Так, в нигерийской культуре один термин родства может охватывать значительно более широкую область значений, чем в английской. Это семантическое расширение выходит за рамки чисто биологических отношений родства. В нигерийских этнических культурах дети твоего брата или сестры считаются *твоими* детьми. Жена брата также

называется женой (wife), так как в нигерийской культуре понятие семьи охватывает гораздо более широкий круг родственников. По этой причине такие термины, как uncle, cousins, aunt (дядя, кузены, тетя), у нигерийцев отсутствуют. Всех их называют brother и sister, иногда добавляя in-law. Понятие старшинства сказывается, когда нигериец обращается к родственникам. Здесь мы видим понятие elder sister. Даже в ситуации, где нет родственных связей, в качестве ориентира используются термины brother и sister [Oluwole, 2014, p. 23]. Таким образом, эти термины имеют более широкий объем в нигерийском английском, и то же самое относится к таким терминам, как father и mother. Когда нигериец говорит: *This is my mother* (Это моя мать), – это предложение имеет два возможных варианта: mother может означать биологическую мать, mother может означать тетю или заботливую женщину. Подобные лингвокультурные особенности должны иметь в виду люди, привыкшие пользоваться британским английским языком, когда они контактируют с нигерийцами.

Как справедливо отмечает М. Adekunle, «английский язык в результате многолетнего активного использования в нигерийском речевом сообществе... стал частью нигерийского современного окружения и поведения... Это явление, иностранные производные компоненты которого находятся в процессе эволюции в сочетании с родными нигерийскими элементами, и делают его местным» [Adekunle, 1985, p. 8]

М. Adekunle приходит к выводу, что приносить в жертву нигерийский вариант языка на алтарь иностранных стандартов приемлемости было бы равносильно подрыву и (или) полному отрицанию жизненно важной роли языкового разнообразия, присущего нигерийской социально-культурной среде.

Заключение

Предпринятый в нашей работе анализ языкового материала позволяет сделать вывод, что характерной чертой нигерийского английского является семантическая вариативность, обусловленная процессом его адаптации к местной культуре, традициям и наречиям. Такого рода акклиматизация языка к этнокультурной среде представляет собой естественное и необходимое явление, но порождает целый ряд проблем, исследуемых в контактной лингвистике.

Научная новизна исследования заключается в создании полноценной семантической категоризации языковых семантических явлений в нигерийском варианте языка. В ходе исследования нами было установлено, что разница между британским английским и нигерийским вариантом обнаруживается в идиомах, неологизмах, возникающих вследствие семантического сдвига, семантической редупликации, семантического расширения и семантического сужения. Существуют некоторые лексические элементы нигерийского английского, не представленные в британском варианте; такие слова отражают социокультурные реалии Нигерии.

Список литературы

1. Багана Ж., Волошина Т.Г. 2019. Лингвистические особенности идиом территориального варианта английского языка Нигерии на современном этапе. Научная мысль Кавказа, 1 (97): 106–111. DOI: 10.18522/2072-0181-2019-97-1-106-111.
2. Багана Ж., Волошина Т.Г., Слободова Новакова К. 2020. Нигерийский вариант английского языка: особенности заимствований из нигерийского пиджина. Вопросы журналистики, педагогики, языкознания, 39 (2): 255–262. DOI: 10.18413/2712-7451-2020-39-2-255-262.
3. Борисова А.А., Ильина Н.Ю. 2017. Языковая ситуация и языковая политика в Нигерии. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Теория языка. Семиотика. Семантика, 8 (4): 1146–1160. DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1146-1160.
4. Курченкова Е.А. 2012. О языковой ситуации в современной Нигерии. Инициативы XXI века, 3: 183–185.

5. Петренко Д.А., Вовк Н.А. 2018. Африканский вектор социолингвистических исследований: нигерийский вариант английского языка. В кн.: Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы. Материалы III Международного научного конгресса. Под ред. Е.В. Полховской. Симферополь, Издательство Типография «Ариал»: 164–168.
6. Adebite W., Udofot I., Ayoola K. 2014. *A Dictionary of Nigerian English*. Ile-Ife, Obafemi Awolowo University Press, 13-19 p.
7. Adetuyi C.A & Jegede O.O. 2016. Language-in-education policy in Nigeria: The reality of teachers' language choices. *Journal of Capital Development on Behavioural Sciences (JOCADBS)*, 2 (1): 1–12.
8. Adekunle M. 1985. *The English Language in Nigeria as a Modern Nigerian Artifact*. Jos, Nigeria: Univeristy of Jos Press, 6 p.
9. Adetuyi C.A., Okediran A. 2004. Language planning and policies for creating learning opportunities for adult education in Nigeria. *The Journal of the Nigerian National Council for Adult Education*, 14: 314–320.
10. Akindele F., Adebite W. 1992. *The sociology and policy of English in Nigeria*. Ile-Ife, Nigeria, Debiyi-Iwa Publishers, 112–116 p.
11. Bamgbose A., Banjo A., Thomas A. 1995. *New Englishes: A West African perspective*. Ibadan, Nigeria, Mosuro. 43–47 p.
12. Dadzie A.B.K. and Segun Awonusi. 2009. *Nigerian English: Influences and Characteristics*. Lagos, Sam Iroanusi Publications. 23 p.
13. Faniran A.O, Adetuyi, C.A., Adetuyi A.A. 2016. An insight into the grammatical and lexicosemantic features of Nigerian English in a bilingual speech community. *International Journal of Advanced Academic Research (IJAAR)*. Humanities, Social and Management Sciences, 2 (3): 1–11.
14. Igboanusi H. 2010. *A dictionary of Nigerian English usage*. Berlin, Münster Lit. 56–59 p.
15. Jowitt D. 2000. *Nigerian English Usage: An Introduction*. Ikeja, Longman Nigeria. 213–215 p.
16. Jowitt D. 2019. *Nigerian English*. Boston, Berlin, De Gruyter, Mouton. 112–113 p.
17. Kperogi F. 2015. *Glocal English. The Changing Face and Forms of Nigerian English in a Global World*. Kennesaw, Peter Lang, 91–121 p.
18. Odumuh A.E. 1987. *Nigerian English (NigE): Selected essays*. Zaria, Ahmadu Bello University Press. 16–25 p.
19. Okoro O. 2011. *Exploring Nigerian English: A Guide to Usage*. Saarbrücken, VDM Verlag Dr. Müller. 71 p.
20. Oluwole D.A. 2014. The impact of mother tongue on students' achievement in English language in secondary school certificate examination in Western Nigeria. *Journal of Social Sciences, Kaduna-Raj*, 17 (1): 41–49.
21. Uzoezie R.U. 2011. *Nigerian English and Literature: Selected Essays*. Zaria, Ahmadu Bello University Press, p. 40

References

1. Adebite W., Udofot I., Ayoola K. 2014. *A Dictionary of Nigerian English*. Ile-Ife, Obafemi Awolowo University Press, 13–19 p.
2. Adekunle M. 1985. *The English Language in Nigeria as a Modern Nigerian Artifact*. Jos, Nigeria: Univeristy of Jos Press, 6 p.
3. Adetuyi C.A & Jegede O.O. 2016. Language-in-education policy in Nigeria: The reality of teachers' language choices. *Journal of Capital Development on Behavioural Sciences (JOCADBS)*, 2(1): 1–12.
4. Adetuyi C.A., Okediran A. 2004. Language planning and policies for creating learning opportunities for adult education in Nigeria. *The Journal of the Nigerian National Council for Adult Education*, 14: 314–320.
5. Akindele F., Adebite W. 1992. *The sociology and policy of English in Nigeria*. Ile-Ife, Nigeria, Debiyi-Iwa Publishers, 112–116 p.
6. Bagana Zh., Voloshina T.G. 2019. *Lingvisticheskie osobennosti idiom territorial'nogo varianta angliyskogo yazyka Nigerii na sovremennom etape [Linguistic features of the idioms of the territorial*

variant of the English language in Nigeria at the present stage]. *Scientific thought of Caucasus*, 1 (97): 106–111. DOI: 10.18522/2072-0181-2019-97-1-106-111.

7. Bagana Zh., Voloshina T.G., Slobodova Novakova K. 2020. Nigeriyskiy variant angliyskogo yazyka: osobennosti zaimstvovaniy iz nigeriyskogo pidzhina [Nigerian version of the English language: features of borrowing from the Nigerian pidgin]. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 39 (2): 255–262. DOI: 10.18413/2712-7451-2020-39-2-255-262.

8. Bamgbose A., Banjo A., Thomas A. 1995. *New Englishes: A West African perspective*. Ibadan, Nigeria, Mosuro. 43–47 p.

9. Borisova A.A., Il'ina N.Yu. 2017. Yazykovaya situatsiya i yazykovaya politika v Nigerii [Language situation and language policy in Nigeria]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8 (4): 1146–1160. DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1146-1160.

10. Dadzie A.B.K. and Segun Awonusi. 2009. *Nigerian English: Influences and Characteristics*. Lagos, Sam Iroanusi Publications. 23 p.

11. Faniran A.O, Adetuyi, C.A., Adetuyi A.A. 2016. An insight into the grammatical and lexico-semantic features of Nigerian English in a bilingual speech community. *International Journal of Advanced Academic Research (IJAAR). Humanities, Social and Management Sciences*, 2 (3): 1–11.

12. Igboanusi H. 2010. *A dictionary of Nigerian English usage*. Berlin, Münster Lit. 56–59 p.

13. Jowitt D. 2000. *Nigerian English Usage: An Introduction*. Ikeja, Longman Nigeria. 213–215 p.

14. Jowitt D. 2019. *Nigerian English*. Boston, Berlin, De Gruyter, Mouton. 112–113 p.

15. Kperogi F. 2015. *Glocal English. The Changing Face and Forms of Nigerian English in a Global World*. Kennesaw, Peter Lang, 91–121 p.

16. Kurchenkova E.A. 2012. O yazykovoy situatsii v sovremennoy Nigerii [On the language situation in modern Nigeria]. *Initiativy XXI veka*, 3: 183–185.

17. Odumuh A.E. 1987. *Nigerian English (NigE): Selected essays*. Zaria, Ahmadu Bello University Press. 16–25 p.

18. Okoro O. 2011. *Exploring Nigerian English: A Guide to Usage*. Saarbrücken, VDM Verlag Dr. Müller. 71 p.

19. Oluwole D.A. 2014. The impact of mother tongue on students' achievement in English language in secondary school certificate examination in Western Nigeria. *Journal of Social Sciences, Kaduna-Raj*, 17 (1): 41–49.

20. Petrenko D.A., Vovk N.A. 2018. Afrikanskiy vektor sotsiolingvisticheskikh issledovaniy: nigeriyskiy variant angliyskogo yazyka [African Vector of Sociolinguistic Research: Nigerian English]. In *Inostrannaya filologiya. Sotsial'naya i natsional'naya variativnost' yazyka i literatury* [Foreign philology. Social and national variability of language and literature. Materials of the III International Scientific Congress]. *Materialy III Mezhdunarodnogo nauchnogo kongressa*. Ed. E.V. Polkhovskaya. Simferopol', Publ. Izdatel'stvo Tipografiya «Arial»: 164–168.

21. Uzoezie R.U. 2011. *Nigerian English and Literature: Selected Essays*. Zaria, Ahmadu Bello University Press, p. 40

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Майданский Максим Андреевич, аспирант кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации ИМКиМО, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maxim A. Maidansky, postgraduate student of the Department of Romance and Germanic Philology and Intercultural Communication, IMKiMO, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

УДК 81'373.2

DOI 10.18413/2712-7451-2021-40-1-111-119

Прецедентные феномены в наименованиях коммерческих предприятий

Позднякова Е.Ю.

Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова,
Россия, 656038, г. Барнаул, пр. Ленина, 46
E-mail: helena_poz@mail.ru

Аннотация. Описаны способы номинации коммерческих объектов городского пространства и рассмотрен один из способов образования наименований коммерческих предприятий – использование прецедентных феноменов. Материалом для исследования послужили эргонимы, представленные в городском пространстве названиями различных фирм, предприятий гостиничного и ресторанного сервиса, туристической сферы, сферы обслуживания и пр. Среди основных способов образования эргонимов были выделены лексический (заимствование) и лексико-семантический (онимизация аппеллятивной лексики и трансонимизация); лексико-синтаксический и словообразовательный. Анализ материала показал, что численным преимуществом обладают наименования, созданные при помощи лексико-семантического способа и заимствованные из различных языков. Наиболее часто встречаются онимы, образованные на базе прецедентных имен. Прецедентные феномены в наименованиях позволяют привлечь внимание потребителей, создать эффективное название и при этом решить одну из основных задач коммерческой номинации – оказать необходимое воздействие на потребителя.

Ключевые слова: языковое пространство города, городской ономастикон, коммерческие эргонимы, прецедентные феномены, способы номинации.

Для цитирования: Позднякова Е.Ю. 2021. Прецедентные феномены в наименованиях коммерческих предприятий. Вопросы журналистики, педагогики, языкознания, 40 (1): 111–119. DOI 10.18413/2712-7451-2021-40-1-111-119

Precedent phenomena in commercial organizations' proper names

Elena U. Pozdnyakova

Polzunov Altai State Technical University,
46 Lenina avenue, Barnaul, 656038, Russian Federation
E-mail: helena_poz@mail.ru

Abstract. The methods of nominating commercial objects of urban space are described and one of the ways of forming the names of commercial enterprises – the use of precedent phenomena-is considered in detail. The material for the study was the ergonyms represented in the urban space by the names of various companies, enterprises of hotel and restaurant service, tourism, service sector (hairdressers, beauty salons, spa centers, recreation centers, saunas, etc.), the names of shops, shopping centers and shopping and entertainment complexes, cinemas, recreation and leisure enterprises, etc. Among the main ways of forming ergonyms, the following were identified: lexical (borrowing) and lexico-semantic (onymization of appellative vocabulary and transonymization); lexico-syntactic and word-forming. The analysis of the material showed that the names created using the lexico-semantic method and borrowed from various languages have a numerical advantage. The use of precedent phenomena in the creation of ergonyms is a fairly common technique in the modern commercial category "names of commercial objects". The most common ones are those formed on the basis of precedent names. This can be explained by the fact that the name of a commercial object should be easy to remember and at the same time rich in information. Precedent phenomena in names allow you to attract the attention of consumers,

create an effective name and at the same time solve one of the main tasks of a commercial nomination – to have the necessary impact on the consumer.

Keywords: city's language space; urban onomasticon; commercial ergonyms; precedent phenomena, methods of nomination.

For citation: Pozdnyakova E.U. 2021. Precedent phenomena in commercial organizations' proper names. Issues in Journalism, Education, Linguistics, 40 (1): 111–119 (in Russian). DOI 10.18413/2712-7451-2021-40-1-111-119

Введение

Пространство современного города наполнено разнообразными наименованиями, которые составляют городское ономастическое пространство или городской ономастикон. Особого внимания в городском ономастиконе заслуживают названия коммерческих объектов, объединяемые исследователями под термином «эргоним». Н.В. Подольская в «Словаре русской ономастической терминологии» определяет термин *эргоним* как «разряд онима, собственное имя делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка» [Подольская, 1978, с. 166]. «Слова на вывесках» попали в поле зрения ученых сравнительно недавно – в конце XX – начале XXI века, поскольку именно в это время их количество стало неуклонно расти. По мнению Т.В. Шмелёвой, «появление частной собственности привело к тому, что количество именуемых субъектов возросло в невероятных масштабах. Онимически стали именовать аптеки и лечебные учреждения, в первую очередь стоматологические, детские сады и школы. Кроме того, появились новые городские объекты: турфирмы, ночные клубы, дискотеки, салоны красоты и массажные салоны, фитнес-клубы и солярии. Все это повлекло за собой расширение ономастического пространства города и его, если можно так сказать, уплотнение» [Шмелёва, 2013, с. 103]. Термин *эргоним* является объединяющим понятием для всех разрядов наименований деловых объектов, «имеющих отношение не только к коммерческой, но и к научной, политической, культурной, спортивной и многим другим сторонам жизни общества» [Врублевская, 2017, с. 222].

Коммерческие эргонимы представляют собой наиболее подвижный, изменчивый, подверженный влиянию моды и воздействию экстралингвистических факторов пласт городских номинаций. Изучению различных вопросов, связанных с коммерческой номинацией, посвящены работы Ю.В. Вайрах [2011], М.В. Голомидовой [1998], С.О. Горяева [2018], А.М. Емельяновой [2007], С.О. Иссерс [2016], Р. И. Козлова [2000], И.В. Крюковой [2004], Е.Н. Ремчуковой [2013], Т.П. Романовой [2016], Трифоновой [2006], Н.В. Шимкевича [2002], Т.В. Шмелёвой [2013] и др. Наименования коммерческих предприятий рассматриваются в разных аспектах – ономастическом, лингвосомиотическом, жанроведческом, системно-структурном, лингвокреативном, лингвокультурологическом, прагматическом и др. Актуальность изучения коммерческой эргонимии обусловлена, во-первых, включенностью в круг современных научных работ в рамках антропоцентрической парадигмы на стыке ономастики лингвокультурологии, когнитивной лингвистики; во-вторых, необходимостью описания способов создания собственных имен, номинирующих объекты инфраструктуры города; в-третьих, необходимостью упорядочения и дальнейшей регламентации процессов номинации городских объектов.

С целью изучения основных способов образования эргонимов нами было предпринято исследование, материалом которого стали названия коммерческих объектов г. Барнаула. Для анализа были выбраны наиболее употребительные в условиях города группы коммерческих имен: наименования магазинов, торговых центров, торгово-развлекательных комплексов и т.п.; наименования организаций ресторанной сферы; наименования предприятий гостиничного и туристического сервиса. Всего было проанализировано около 1000 лексических единиц, зафиксированных в электронном справочнике ДубльГИС.

Способы номинации коммерческих объектов

В ходе анализа лексического материала нами были выделены следующие основные способы номинации:

1. Лексическое заимствование из различных языков (около 40 %).

Наибольшее число эргонимов иноязычного происхождения образовано на базе лексических единиц, заимствованных из английского языка: *кафе «Байк-бар»*; *обувной магазин «Трэйс family»*; *кофейня «Coffee»*; *кофейня «Cinnabon»*; *банкетный зал «Festivalhall»*; *банкетный зал «Forward»*; *ресторан «Goldof Packard»*; *кафе «Goodwill»*, *банкет-холл «Love Story»*; *кафе «Real»*; *клуб-ресторан «Residence»*; *салон обуви «Respect»*; *гипермаркет детских товаров «Richfamily»*; *клубный комплекс «S-Class»*; *кафе-кондитерская «Sweeter»*; *ресторан «Velvet»*; *банкетный зал «Wild West»*; *бар «Wolf»* и др. Зарубежные исследователи также отмечают обилие англоязычных наименований в сфере эргонимической номинации: «It is reasonable to claim that English is a global language, and choos in gitas the language of a commercial name is a statement for the international and multilingual use of the name» (Разумно утверждать, что английский язык является глобальным языком, и выбор его в качестве языка коммерческого названия является основанием для международного и многоязычного использования имени) [Sjöblom, 2013, p. 5]. Али Фуад Селви, изучая практику коммерческого именования в Турции, утверждает, что английский язык доминирует в данной сфере [Selvi, 2007]. Преобладание английского языка не исключает использование других языков для образования эргонимов. Заимствование ведется из различных языков, при этом выбор языка-донора зависит во многом от специфики деятельности данного учреждения. Например, наименования предприятий ресторанной сферы обычно связаны с ориентацией на конкретного потребителя, отражают особенности кухни ресторана или кафе (русская, европейская, итальянская, мексиканская, кастильская, японская, кавказская, узбекская, уйгурская и пр.) и представлены наименованиями, заимствованными из соответствующих языков. Заимствованные эргонимы могут либо сохранять свой графический облик (*банкетный зал «Milord»*; *диско-бар «Neon»* и др.), либо транслитерироваться (*кафе-магазин «Грин»*; *кафе «Дастархан»*), также встречаются смешанные номинации, сочетающие в себе исконное и заимствованное слово (*ресторан «Поляна Хаус»*), и номинации со смешанным графическим оформлением (*трактир «Шашлык-City»*; *бар-студия «Арена-TV»*; *стейк бар «Торро-стейк»* и др.).

Однако не всегда иноязычное слово заимствуется из языка-донора целиком. Часто в составе эргонимов можно встретить лишь отдельные иноязычные элементы – суффиксоиды, корни слов, артикли, предлоги и т.п., например, *ресторан «Шашлыкoff»*, *бар «Пивkoff»*, *пиццерия «ПиццБург»*, *магазин разливного пива «Веерлога»*, *детский клуб «The дети»* и др. Данные наименования представляют собой элемент языковой игры, контаминацию двух языков. В названиях *«Шашлыкoff»*, *«Пивkoff»*, *«ХмелеФФ»* используется прием, описанный Т.В. Шмелевой как «обозначение псевдосубъекта» – фамилия, которая на самом деле сообщает о товаре» [Шмелева, 2013, с. 119]. Название пиццерии *«ПиццБург»* содержит сочетание слова *пицца* (ит.), указывающее на специализацию заведения, и части слова *-бург*, заимствованной из немецкого языка и используемой в названиях городов. Наименование *«Веерлога»* построено при помощи замены русской морфемы на английское слово, кроме того, такое написание ассоциативно отсылает потенциального клиента к английскому слову «beer» (пиво). В названии детского клуба *«The дети»* задействован английский артикль *the*, подчеркивающий важность объекта номинации.

Обилие заимствований в сфере коммерческой номинации объясняется как внешними причинами, в числе которых можно отметить процессы глобализации и интернационализации, так и влиянием языковой моды. Иноязычность эргонима воспринимается адресатом как некий знак качества и позволяет увеличить престижность объекта номинации. Велико также влияние «модных» ономастических концептов (Европа, Италия, Франция и

др.), содержащих в своей семантике компоненты *современность, элитарность, престижность, высокое качество товара/услуги*. По словам О.В. Врублевской, данное влияние «привело к появлению псевдоитальянских и псевдофранцузских названий манипулятивного характера» [Врублевская, 2017, с. 243].

2. Лексико-семантический способ используется при образовании эргонимов довольно часто (29,5 %) и включает в себя два распространенных способа номинации:

а) онимизация апеллятивной лексики (*супермаркет «Апрель», гипермаркет «Палата», кафе «Пальма», банкетный зал «Небо», магазин детской одежды «Радуга»* и др.);

б) трансонимизация, в процессе которой происходит переход онимов из одного разряда в другой. В анализируемом материале встречаются эргонимы, образованные от антропонимов (*супермаркет «Антошка», пивной бар «Ганс», кафе узбекской кухни «Сабрина»* и др.), топонимов (*сеть кафе «Арафат», кафе-бар «Барнео», пиццерия «Капри», торговый центр «Москва», кафе-ресторан «Самарканд»* и др.), этнонимов (*магазин женской одежды «Белорусочка», кафе-бар «Кельт», салон верхней одежды «Славянка»* и др.), астрономов (*турагентство «Сириус Тур»*) и мифонимов (*салон детской ортопедической обуви «Ахиллес», турагентство «Йети», ресторан «Камелот»* и др.).

Особо отметим, что эргонимы, мотивированные топонимами – названиями стран, частей света, наименованиями населенных пунктов (астионимов, ойконимов), наименованиями отдельных географических объектов (оронимов, гидронимов и пр.), – могут указывать на специализацию коммерческой организации (*кафе «Армения», кафе уйгурской кухни «Азия», ресторан «Viennelion»*). Сказанное относится по большей части к наименованиям организаций ресторанной сферы: «специализация ресторанов и кафе на национальной кухне, как правило, отражается в текстах названий, мотивированных топонимами» [Михайлюкова, 2014, с. 85].

3. Лексико-синтаксический способ (образование составной номинации) (10,2 %), в том числе образование эргонимов-словосочетаний (*турагентство «Алтайские приключения», супермаркет «Универсам удачных покупок», банкетный зал «Русские традиции», банкетный зал «В сухом лугу», кафе-столовая «Место встречи», магазин детской одежды «Школьная мода»* и др.) и эргонимов-предложений (*свадебный салон «Быть невестой», эко-комплекс «Из века в век»*).

4. Словообразовательный способ (9,2 %) включает в себя аффиксацию (*салон обуви «Каблучок», магазин детских товаров «Осьминожки»* и др.), словосложение (*магазин женской одежды «Классика-Стиль», магазин «Мода-Клуб»* и др.), универбацию (*супермаркет «Быстроном»*), аббревиацию (*магазин одежды «Синар»* (сокращение от названия швейной фабрики «Сибирский наряд») *турагентство «Сибэкотур»* и др.), усечение (*магазин канцелярских товаров «Профи»*).

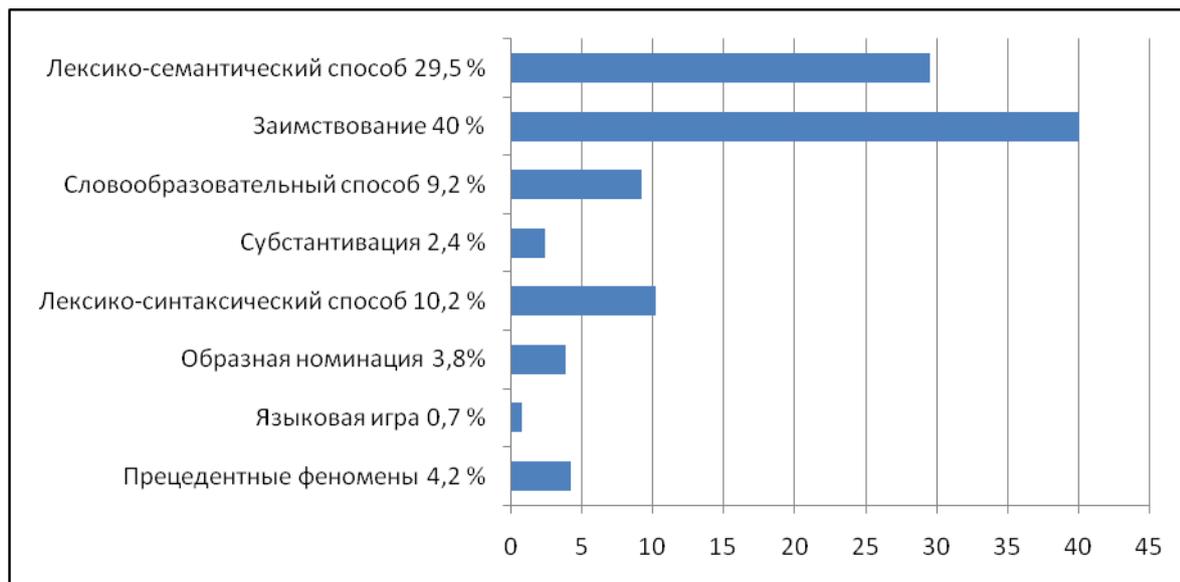
5. Использование прецедентных феноменов (4,2 %), в том числе прецедентных текстов, прецедентных имен и прецедентных высказываний (*турагентство «Алые паруса», сеть магазинов детской обуви «Буратино»* и др.).

6. Образная номинация (лексико-семантическая трансформация) (3,8 %) (*турагентство «Азбука путешествий», магазин детских товаров «Детский рай», кафе «Золотая пятница»; турагентство «Империя туризма», сеть свадебных салонов «Свадебный рай»* и др.).

7. Субстантивация (2,4 %) – транспозиция частей речи (*кафе «Лучезарное», магазин детской одежды «Одевайка», салон женской одежды «О-ля-ля», супермаркет «Хлебный»* и др.)

8. Языковая игра (0,7 %) (*кафе «Лапша и уши», ресторан кавказской кухни «Пилли-Швили»* и др.).

Статистика способов номинации коммерческих объектов городского пространства представлена на диаграмме (см. рисунок).

Способы номинации коммерческих предприятий
Methods for nomination of commercial enterprises

Перечисленные способы номинации эргонимов являются наиболее распространенными в коммерческой сфере. В проанализированном материале численным преимуществом обладают наименования, созданные при помощи лексико-семантического способа и заимствованные из различных языков. В целом указанные способы образования коммерческих имен отражают общие тенденции, существующие в современной российской коммерческой номинации.

Прецедентные феномены в сфере коммерческой номинации

Остановимся более подробно на описании одного из интересных способов образования коммерческих имен – использовании прецедентных феноменов. Как отмечает А.В. Кремнева, «прецедентность в самом широком смысле этого термина представляет собой прошлый опыт или пакеты знания, хранящиеся в нашей памяти, к которым мы обращаемся в своей деятельности и на который мы ссылаемся при анализе событий или принятии решений в настоящем, опираясь на этот опыт в качестве примера» [Кремнева, 2017, с. 134].

В настоящее время к числу прецедентных феноменов относят различные понятия, имеющие как собственно лингвистическую природу (прецедентный оним, прецедентное имя, прецедентный текст, прецедентное высказывание), так и когнитивную (прецедентный концепт, прецедентный мир, прецедентная ситуация). Е.А. Нахимова объясняет разнообразный терминологический арсенал такими особенностями прецедентных феноменов как «...многоуровневость, динамизм, вербально опосредованный характер, обуславливающий тесное переплетение лингвистических и энциклопедических знаний» [Нахимова, 2011, с. 55]. Прецедентные тексты, по Ю.Н. Караулову, представляют собой «тексты, 1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, 2) имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, 3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов, 2003, с. 216]. Прецедентный текст – «законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности», к прецедентным текстам относят произведения художественной литературы, тексты песен, рекламы, анекдотов, политические тексты и т.д. [Красных и др., 2004, с. 17]. В.В Красных, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко расширяют список прецедентных феноменов, включая в него, помимо прецедентного текста, понятия «пре-

цедентная ситуация», «прецедентное высказывание», «прецедентное имя» [Красных и др., 2004]. «Прецедентная ситуация – некая "эталонная", "идеальная" ситуация, связанная с набором определенных коннотаций, дифференциальные признаки которой входят в когнитивную базу; означающим ПС могут быть прецедентное высказывание или прецедентное имя (например, *Ходынка*, *Смутное время*) или не прецедентный феномен (*яблоко*, *соблазнение*, *познание*, *изгнание* – как атрибуты одной ситуации)» [Красных и др., 2004, с. 17]. Прецедентное имя – «индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом (например, *Печорин*, *Теркин*)? или с прецедентной ситуацией (например, *Иван Сусанин*, *Стаханов*)» [Красных и др., 2004, с. 17]. Прецедентное высказывание – «репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности; законченная и самодостаточная единица, которая может быть или не быть предикативной» [Красных и др., 2004, с. 17]. К прецедентным высказываниям ученые относят цитаты из различных текстов, а также пословицы.

Основываясь на описанной выше типологии, разделим наименования коммерческих объектов, образованные на базе прецедентных феноменов, на следующие подгруппы: 1) основанные на прецедентных именах; 2) прецедентных текстах; 3) прецедентных высказываниях.

1. Использование прецедентных имен при создании наименования коммерческого предприятия является довольно распространенным приемом. Например: *кафе русско-узбекской кухни «Алибаба»* (Алибаба – герой одной из сказок «Тысячи и одной ночи»); *кафе узбекской кухни «Аладдин»* (Аладдин – герой одной из сказок «Тысячи и одной ночи»); *салон женской одежды «Багира»* (Багира – персонаж книги Р. Киплинга «Книга джунглей»); *магазин детских товаров «Бибигон»* (Бибигон – герой книги К. Чуковского «Приключения Бибигона»); *сеть магазинов детской обуви «Буратино»* (Буратино – главный герой повести-сказки А.Н. Толстого «Золотой ключик, или Приключения Буратино»); *магазин детской одежды «Винни Пух»* (Винни Пух – герой повестей А. Милна и Б. Заходера); *закусочная «Жар-птица»* (Жар-птица – персонаж русских народных сказок); *магазин детской одежды «Золотая рыбка»* (Золотая рыбка – персонаж сказки А.С. Пушкина «Сказка о рыбаке и рыбке»); *магазин детской одежды «Лимпопо»* (Лимпопо – название сказочной страны из произведения К. Чуковского «Доктор Айболит»); *магазин детских товаров «Мадагаскар»* (Мадагаскар – название популярного американского мультфильма); *ресторан «Наутилус»* (Наутилус – название корабля Капитана Немо из книги Ж. Верна «20000 лье под водой»); *турагентство «Робинзон»* (герой книги Д. Дефо «Робинзон Крузо»); *магазин детской одежды «Тигра»* (Тигра – персонаж повестей А. Милна и Б. Заходера); *магазин детской одежды «Фунтик»* и *магазин детских товаров «Funtik»* (Фунтик – персонаж мультфильма «Приключения поросенка Фунтика»); *магазин детских товаров «7 гномов»* (7 гномов – герои сказки братьев Гримм «Белоснежка и семь гномов») и др.

Отметим, что к данной группе наименований примыкают эргонимы, образованные при помощи трансимизации антропонимов, поскольку среди собственных имен встречаются имена и фамилии известных людей, обладающие свойствами, присущими прецедентным феноменам, например: *бар «Уинстон»*, *клуб-бар «Che Guevara»*, *ресторан «Casanova»* и др.

2. Прецедентные тексты среди наименований коммерческих предприятий встречаются не так часто, например: туристическое агентство *«Алые паруса»* (название повести А. Грина); *сеть магазинов детских товаров «Бэмби»* (название романа Ф. Зальтена); туристическое агентство *«1001 тур»* (в названии использована аллюзия на сказки «1001 ночи»); *кафе «Печки-лавочки»* (название кинофильма В.М. Шукшина); *магазин детских товаров «Теремок»* (название русской народной сказки) и др.

3. Прецедентные высказывания представлены в анализируемом материале следующими наименованиями: *банкетный зал «Априори»* и *магазин одежды «Apriori»* (a priori – буквально «от предшествующего», философский термин); кафе *«Душистый хмель»* (фраза из песни к кинофильму «Жестокий романс»); *трактир «Жили-Были»* (фраза из русских народных сказок); *детский маркет «Маленькая страна»* (фраза из одноименной

песни); магазин детской одежды «Чунга-Чанга» (песня из мультфильма); туристическое агентство «Руссо Туристо» (фраза из кинофильма «Бриллиантовая рука»); кафе «Три кита» (из древних космогонических сказаний); ресторан «In Vino» (начало латинского выражения «In vino veritas, in aqua sanitas» – «Истина – в вине, здоровье – в воде») и др.

Использование прецедентных феноменов при образовании эргонимов обусловлено тем, что данные единицы обладают большой информационной емкостью, поскольку за одним именем стоит целый текст и соответствующий ему комплекс ассоциаций: «...за прецедентным феноменом всегда стоит некое представление о нем, общее и обязательное для всех носителей того или иного национально-культурного менталитета, или инвариант восприятия, который и делает все апелляции к прецедентному феномену "прозрачными", понятными, коннотативно окрашенными» [Красных и др., 2004, с.16]. Привлечение прецедентных онимов для создания нового обозначения позволяет решить ряд важнейших задач, стоящих перед номинатором, в числе которых привлечение потенциального клиента, создание запоминающегося, эффективного наименования, воздействие на адресата и отстройка от конкурентов.

Заключение

Проведенный анализ лексического материала позволяет сделать следующие выводы:

1. В качестве основных способов номинации коммерческих объектов можно выделить следующие: лексический (заимствование) и лексико-семантический, включающий онимизацию апеллятивной лексики и трансонимизацию, лексико-синтаксический (образование эргонимов-словосочетаний и эргонимов-предложений), словообразовательный. В проанализированном материале численным преимуществом обладают наименования, созданные при помощи лексико-семантического способа и заимствованные из различных языков. Обилие заимствований в сфере коммерческой номинации объясняется как внешними причинами, в числе которых можно отметить процессы глобализации и интернационализации, так и влиянием языковой моды.

2. Использование прецедентных феноменов в наименованиях коммерческих предприятий является новым, необычным приемом привлечения внимания потребителей, способствующим созданию яркого, эффективного названия и при этом решающим одну из основных задач коммерческой номинации – оказание необходимого воздействия на потребителя. Прецедентные феномены обладают большой информационной емкостью, поскольку представляют собой свернутый текст, сохраняющий ассоциативные связи с исходным текстом.

3. Наименования коммерческих объектов, образованные на базе прецедентных феноменов, подразделяются на следующие подгруппы: 1) основанные на прецедентных именах; 2) прецедентных текстах; 3) прецедентных высказываниях. Среди них преобладают онимы, образованные на базе прецедентных имен, прецедентные тексты и высказывания используются значительно реже, кроме того, нами не зафиксировано использование прецедентных ситуаций при номинации. Возможно, это связано с тем, что название коммерческого объекта должно быть по возможности коротким, легко запоминающимся и при этом насыщенным информацией, что в дальнейшем облегчит его восприятие и узнавание потенциальным клиентом и позволит решить одну из основных маркетинговых задач – отстройку от конкурентов.

Список источников

1. Подольская Н.В. 1978. Словарь русской ономастической терминологии. М., Наука, 200 с.
2. Красных В.В., Гудков Д.Б., Захаренко И.В. 2004. Теоретические положения. Принципы описания. В кн.: Брилева И.С. и др. Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь. Т. 1. Москва, Гнозис: 7–54.

3. Шмелёва Т.В. 2013. Ономастика. Славянск-на-Кубани, Издательский центр филиала ФГБОУ ВПО «КубГУ» в г. Славянске-на-Кубани, 161 с.

Список литературы

1. Вайрах Ю.В. 2011. Эргоурбонимия г. Иркутска: структурно-семантический и лингвокультурологический аспекты: автореф. дисс. ...канд. филол. наук. Улан-Удэ, 22 с.
2. Врублевская О.В. 2017. Языковая мода в русской ономастике. Дис. ... докт. филол. наук. Волгоград, 430 с.
3. Голомидова М.В. 1998. Искусственная номинация в русской ономастике. Екатеринбург, Урал. гос. пед. ун-т, 232 с.
4. Горяев С.О., Бугешу А. 2018. Коммерческое имя в мировой ономастике: современное состояние. Коммуникативные исследования, 3 (17): 276–290. DOI 10.25513/2413-6182.2018.3.276-290
5. Емельянова А.М. 2007. Эргонимы в лингвистическом ландшафте полиэтничного города: на примере названий деловых, коммерческих, культурных, спортивных объектов г. Уфы: автореф. дисс. ...канд. филол. наук. Уфа, 27 с.
6. Иссерс О.С. 2016. Нейминг в медиaprостранстве сибирского региона. Коммуникативные исследования. № 4 (10): 77–91.
7. Караулов Ю.Н. 2003. Русский язык и языковая личность. Москва, Наука, 264 с.
8. Козлов Р.И. 2000. Эргоурбонимы как новый разряд городской ономастики: дисс.... канд. филол. наук. Екатеринбург, 151 с.
9. Кремнева А.В. 2017. Интертекстуальность как одна из форм межтекстового взаимодействия в семиотическом пространстве культуры. Барнаул, АлтГТУ им. И.И. Ползунова, 378 с.
10. Крюкова И.В. 2004. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 40 с.
11. Михайлюкова Н.В. 2014. Тексты городских вывесок как особый речевой жанр (на материале языка г. Владивостока). Владивосток, Дальневост. федеральный ун-т, 190 с.
12. Нахимова Е.А. 2011. Прецедентные онимы в современной российской массовой коммуникации: теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования. Екатеринбург, Урал. гос. пед. ун-т, 276 с.
13. Ремчукова Е.Н. 2013. Массовый лингвокреатив: преодоление стандарта. Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2: 83–90.
14. Романова Т.П. 2016. Актуализация компонентов коммерческого послания в рекламной номинации. Вопросы ономастики, 13 (1): 140–150. DOI 10.15826/vopr_onom.2016.13.1.008.
15. Трифонова Е.А. 2006. Названия деловых объектов: семантика, прагматика, поэтика (на материале русских и английских эргонимов): автореф. дисс... канд. филол. наук. Волгоград, 18 с.
16. Шимкевич Н. В. 2002. Русская коммерческая эргонимия: прагматический и лингвокультурологический аспекты: автореф. дисс. ...канд. филол. наук. Екатеринбург, 22 с.
17. Selvi A. F. 2007. A multifactorial sociolinguistic analysis of business naming practices in Turkey. A thesis of the requirements for Master of Arts degree. Publ. Middle East Technical University. Available at: <https://etd.lib.metu.edu.tr/upload/12608572/index.pdf>. (accessed: 14.09.2019).
18. Sjöblom P. 2013. Lumia by Nokia, iPhone by Apple: Global or Local Features in Commercial Names? In: Names in the Economy: Cultural Prospects / edited by Paula Sjöblom, Terhi Ainiala and Ulla Hakala. Newcastle upon Tyne, UK, Cambridge Scholars Publishing: 2–14.

References

1. Vairakh U.V. 2011. Ergourbonymiiia Irkutsk: struktarno-semanticheskii i lingvokulturologicheskii aspekty [Ergourbonyms of Irkutsk: structural-semantic and linguaculturological aspects]. Abstract. diss. ... candidate of philology. Ulan-Ude, 22 p.
2. Vrublevskaya O.V. 2017. Yazykovaya moda v russkoy onomastike [Language fashion in Russian onomastics]. Dis ... Doct. philol. sciences. Volgograd, 430 p.
3. Golomidova M.V. 1998. Iskusstvennaia nominatsiya v russkoi onomastike [Artificial nomination in Russian onomastics]. Yekaterinburg, 232 p.

4. Goryaev S.O., Bugeshu A. 2018. Kommercheskoe imya v mirovoy onomastike: sovremennoe sostoyanie [Commercial name in world onomastics: current state. Communication Research]. Communication studies, 3 (17): 276–290. DOI 10.25513/2413-6182.2018.3.276-290
5. Yemel'anova A.M. 2007. Ergonimy v lingvisticheskom landshafte polietnicheskogo goroda: na primere nazvaniy delovykh, kommercheskikh, kul'turnykh, sportivnykh ob'ektov g. Ufy. [Ergonyms in linguistic landscape of multi-ethnic city: on the example of the names of business, commercial, cultural, sports objects of Ufa]. Abstract. diss. ... candidate of philology. Ufa, 27 p.
6. Issers O. S. 2016. Neyming v mediaprostranstve sibirskogo regiona [Naming in Siberian media landscape]. Communication Studies, 4 (10): 77–91.
7. Karaulov Yu.N. 2003. Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost' [Russian language and linguistic personality]. Moskva, Publ. Nauka, 264 p.
8. Kozlov R.I. 2000. Ergourbonimy kak novyy razr'ad gorodskoy onomastiki [Ergourbonyms as a new kind of urban onomastics]. Dis... Kand. philol. sciences. Yekaterinburg, 151 p.
9. Kremneva A.V. 2017. Intertekstual'nost' kak odna iz form mezhtekstovogo vzaimodeystviya v semioticheskom prostranstve kul'tury [Intertextuality as one of the forms of intertext interaction in the semiotic space of culture]. Barnaul, Publ. AltGTU im. I.I. Polzunova, 378 p.
10. Kryukova I.V. 2004. Reklamnoe imya: ot izobreteniya do pretsedentnosti [Advertising name: from invention to precedent]. Abstract. diss. ... Doct. of philology. Volgograd, 40 p.
11. Mikhaylyukova N.V. 2014. Teksty gorodskikh vyvesok kak osoby rechevoy zhanr (na materiale yazyka g. Vladivostoka) [Texts of city signs as a special speech genre (based on the language of Vladivostok)]. Vladivostok, Publ. Dal'nevost. federal'nyy un-t, 190 p.
12. Nakhimova E.A. 2011. Pretsedentnye onimy v sovremennoy rossiyskoy massovoy kommunikatsii: teoriya i metodika kognitivno-diskursivnogo issledovaniya [Precedent onyms in modern Russian mass communication: theory and methods of cognitive-discursive research]. Ekaterinburg, Publ. Ural. gos. ped. un-t, 276 p.
13. Remchukova E. N. 2013. Massovy lingvokreativ: preodolenie standartov [Mass linguocreativity: surmounting standards], Vestnik RUDN, Ser. Teoria yazyka. Semiotika. Semantika, 2: 83–90.
14. Romanova T.P. 2016. Aktualizatsiya komponentov kommercheskogo poslaniya v reklamnoi nominatsii [Marketing message components in commercial naming]. Voprosy onomastiki, 13 (1): 140–150. DOI 10.15826/vopr_onom.2016.13.1.008.
15. Trifonova E. A. 2006. Nazvaniya delovykh objektov: semantika, pragmatika, poetika (na material russkikh i angliskikh ergonimov) [The proper names of business objects (on the material of Russian and English ergonyms)]. Abstract. diss. ... candidate of philology. Volgograd, 18 p.
16. Shimkevich, N. V. 2002. Russkaia kommercheskaia ergonymia: pragmaticheskii i lingvokulturologicheskii aspekty [Russian commercial ergonyms: pragmatic, linguistic and cultural aspects]. Abstract. diss. ... candidate of philology. Yekaterinburg, 22 p.
17. Selvi A.F. 2007. A multifactorial sociolinguistic analysis of business naming practices in Turkey. A thesis of the requirements for Master of Arts degree. Publ. Middle East Technical University. Available at: <https://etd.lib.metu.edu.tr/upload/12608572/index.pdf>. (accessed: 14.09.2019).
18. Sjöblom P. 2013. Lumia by Nokia, iPhone by Apple: Global or Local Features in Commercial Names? In: Names in the Economy: Cultural Prospects. Edited by Paula Sjöblom, Terhi Ainiala and Ulla Hakala. Newcastle upon Tyne, UK, Publ. Cambridge Scholars Publishing: 2–14.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Позднякова Елена Юрьевна, доцент кафедры философии и социологии гуманитарного института Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова, г. Барнаул, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena U. Pozdnyakova, Associate Professor of the Department of Philosophy and Sociology of the Humanitarian Institute, Altai State Technical University named after I.I. Polzunova, Barnaul, Russia.

УДК 81-23

DOI 10.18413/2712-7451-2021-40-1-120-128

Оценочно-семантический анализ прилагательных английского языка, передающих значение «привлекательность»

Прохорова О.Н., Чекулай И.В., Кононова А.И.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: prokhorova@bsu.edu.ru, chekulai@bsu.edu.ru, annet_sharonova@mail.ru

Аннотация. В современной лингвистике актуальны вопросы, связанные с комбинаторным потенциалом лексических единиц. Слово функционирует в языке не как обособленная единица, а находится в связи и отношениях с другими единицами того же уровня. Цель исследования заключается в раскрытии особенностей семантической комбинаторики прилагательных beautiful, lovely, attractive, pretty, charming в английском и русском языках, являющихся достаточно рекуррентными в употреблении для выражения значения «привлекательность», и в изучении и анализе функциональных особенностей названных лексем в зависимости от структурной схемы, в которую они входят. Именно при употреблении прилагательных наиболее очевидна абстрагирующая и анализирующая когнитивная деятельность человека, благодаря которой признак, свойство, качество, составляющие неотъемлемую сущность предмета, мыслятся в отвлечении от него. Интерес представляет демонстрация функциональных различий адъективных лексем, терминированных их семантической структурой и семным составом. Впервые рассмотрен вопрос об изучении понятийного субстрата, активизирующегося при вхождении прилагательных beautiful, lovely, attractive, pretty, charming в определенную структурную схему, что позволяет выявить их комбинаторные возможности. В результате доказано, что лексем, в состав которых входят исследуемые прилагательные, актуализируют разные лексико-семантические варианты в зависимости от дистрибуции той или иной лексической единицы.

Ключевые слова: оценка; лексико-семантический вариант; синоним; сема; оценка.

Для цитирования: Прохорова О.Н., Чекулай И.В., Кононова А.И. 2021. Оценочно-семантический анализ прилагательных английского языка, передающих значение «привлекательность». Вопросы журналистики, педагогики, языкознания, 40 (1): 120–128. DOI 10.18413/2712-7451-2021-40-1-120-128

Evaluative and semantic analysis of English adjectives with the meaning of ‘attractiveness’

Olga N. Prokhorova, Igor V. Chekulai, Anna I. Kononova

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russian Federation
E-mail: prokhorova@bsu.edu.ru, chekulai@bsu.edu.ru, annet_sharonova@mail.ru

Abstract. In modern linguistics the issues related to the combinatorial potential of lexical units are of high priority. This is justified by the fact that the word functions in the language are observed not as a separate unit, but in connection and relations with other units of the same level. The aim of the research, on the one hand, is to reveal features of the semantic combinatorics of the adjectives beautiful, lovely, attractive, pretty, charming in English and Russian, which are widely used to express the meaning of ‘attractiveness’ and, on the other hand, to study and analyze the functional features of the named adjectives depending on the structural diagram they belong to. The study of an adjective as a part of speech is justified by a number of reasons. The main one is that use of an adjective obviously

demonstrates abstractive and analyzing cognitive activity of a person. A feature, property, quality, which constitute the inalienable essence of an object, are thought in abstraction from it. The demonstration of the functional differences between adjectival lexemes are terminated by their semantic structure and semantic composition. The scientific novelty of the research consists in the study of the conceptual substrate, which is activated when the studied adjectives enter a certain structural scheme, which makes it possible to identify their combinatorial capabilities. As a result, it was proved that lexemes, which include the studied adjectives, actualize different lexical and semantic variants depending on the distribution of one or another lexical unit.

Key words: assessment; lexical and semantic variant; synonym; sema; evaluation.

For citation: Prokhorova O.N., Chekulai I.V., Kononova A.I. 2021. Evaluative and semantic analysis of English adjectives with the meaning of 'attractiveness'. Issues in Journalism, Education, Linguistics, 40 (1): 120–128 (in Russian). DOI

Введение

Прилагательное – это часть речи, которая характеризуется высокой частотностью употребления, поэтому не случайно оно занимает третью позицию по рекуррентности употребления в речи. Прилагательное имеет свойства именные и глагольные, что эксплицируется в комбинаторных особенностях прилагательного. Оно может выполнять как атрибутивную, так и предикативную функции. Прилагательное является признаковым словом. За ним стоит не денотат, а сумма признаков, составляющая сигнификат его значения. Для него характерно наличие субъективно-оценочных значений и соответствующих коннотаций. Прилагательное, как известно, имеет оценочный потенциал, что является его ингерентной характеристикой. С помощью оценочных прилагательных мы стремимся обозначить ту трудноуловимую совокупность свойств объекта, которая приводит к возникновению чувства прекрасного и сопровождает нас на протяжении всей жизни.

Вопросы, связанные с проблемой комбинаторного потенциала языковых единиц, по-прежнему остаются в фокусе изучения ученых-языковедов. Интерес исследования лексем beautiful, lovely, attractive, pretty, charming детерминирован тем, что основной характеристикой английского языка является наличие большого количества синонимов, источником которых являются как собственно исконные слова, так и заимствованные. Будучи ассимилированными, они все существуют параллельно, что свидетельствует о том, что они обладают особенностями, нюансами лексического значения, которое в свою очередь оказывает влияние на специфику комбинаторики, а также на выстраивание синтаксической цепочки. В связи с этим возникают вопросы: почему же эти лексеммы существуют параллельно в языке и что позволяет языку сохранять этот баланс в употреблении лексем, являющихся синонимами? Эти вопросы мотивируют рассмотрение названных лексем.

Объекты и методы исследования

Объектом исследования является группа прилагательных с гиперсемой attractive, delightful, которая детерминирует их комбинаторный потенциал судя по их лексикографическим дефинициям, взятым из словарей. Однако каждое прилагательное из этой группы имеет гипосему, которая лимитирует их комбинаторные возможности.

В работе использованы методы, которые помогут рассмотреть комбинаторный потенциал каждой лексеммы в отдельности, выявить общее и частное в семантической структуре названных лексем, определяющие их избирательность в организации предложения-высказывания: метод анализа словарных дефиниций, трансформационный метод, метод лингвистического описания с привлечением компонентного анализа.

В работах Е.М. Вольф [1978], Н.А. Кобриной [2005], Е.С. Кубряковой [1979; 2004] были изложены результаты исследований оценки прилагательного как функциональной данности языка, а также семантики имени прилагательного. Среди семантических особенностей имен прилагательных Е.М. Вольф отметила отсутствие денотата: «прилагательные не имеют своей области предметной отнесенности, иными словами, они не имеют ни денотации, ни тем более конкретной референции. Их сферой применения является весь круг денотатов, которые обладают соответствующим признаком» [Вольф, 1978, с. 3]. Е.С. Кубрякова отмечает «способность языковой единицы реализовывать свое значение только в контексте» [Кубрякова, 1979, с. 25]. Поэтому важную роль здесь играет сочетаемость, которая может интерпретироваться с синтаксической и лексической точек зрения [Кобрина, 2004, с. 59]. Синтаксическая сочетаемость определяется лексико-грамматической характеристикой слова, лексическая сочетаемость – его индивидуальным значением, но на выбор слова имеют влияние оба вида сочетаемости. Говоря об исследовании синтаксической сочетаемости, Д.Н. Шмелев подчеркивает, что она «способна дать определенные критерии для отнесения слов к тем или иным лексико-семантическим группам, изучение же собственно лексической сочетаемости раскрывает индивидуальные семантические особенности каждого отдельного слова» [Шмелев, 2006, с. 164].

Рассмотрим особенности каждого прилагательного с позиции его реализации разных лексико-семантических вариантов значения. Прилагательное **beautiful** является прилагательным широкой семантики, это означает, что его семантика покрывает нюансы других прилагательных, входящих в этот ряд [Акодес, 2007]. Используя метод компонентного анализа, можно описать палитру значений каждого прилагательного, учитывая особенности их семантической структуры.

Согласно данным словаря [Roget, 1985, с. 467], лексикографическое описание лексем **beautiful** выглядит следующим образом: *delighting the eye and the ear (beautiful face, voice), gratifying any taste (beautiful poem, picture, roast beef, batting, batsman), morally or intellectually impressive, charming or satisfactory (beautiful patience, organization, specimen).*

Рассмотрим прилагательное **beautiful** с точки зрения антропологической оценочной парадигмы, поскольку большинство словарных описаний отражают внешние характеристики человека: *be photogenic, good-looking, have good looks, be dressed to kill, have bright eyes, win a beauty contest, godlike, godness-like* [Collin's dictionary]. Чаще всего данное прилагательное употребляется по отношению к женскому полу и описывает женскую красоту, актуализируя компонент значения *delightful*. В этом значении оно не может употребляться в безличных предложениях, так как эксплицирует сему «одушевленность»:

"Sophia is still sensational and Michelle is without doubt the most beautiful woman in movies at the moment" [English Corpora].

Можно отметить, что при описании внутренних качеств человека, актуализируется другой лексико-семантический вариант со значением «духовная красота человека»: *aesthetically pleasing, very kind* [Collin's dictionary], т.е. в данном случае реализуется ЛСВ *morally or intellectually impressive, charming or satisfactory*: "Linda! Could this be the end... of a beautiful relationship?" [English Corpora].

Данное прилагательное в сочетании с существительными, означающими неодушевленные предметы, может репрезентовать положительные эмоции как следствие испытываемых чувств через свое отношение к предметам действительности: *stately, divine, harmonious, take one's breath away, beggar all description*. [Collin's dictionary]. В данном значении прилагательное **beautiful** не имеет ограничений на употребление в безличных предложениях, так как сема «одушевленность» не является обязательной в этом случае, что ведет к выстраиванию другой синтаксической конструкции или длинному семантическому

му компоненту: "Her ladyship told me that what kept her going throughout the service was a beautiful letter from Prince Charles that she carried in her handbag" [English Corpora].

В этом же значении может употребляться конструкция, которая образована с помощью инфинитива, получившего название ретроактивный инфинитив, т.е. инфинитив, активный по форме, но пассивный по содержанию [Черемисин, 2015], например: he was even more beautiful to look at. В данном примере прилагательное beautiful актуализирует сему «чувство удовольствия, полученное в результате совершенного действия». Глаголы, которые употребляются в названных структурах, являются глаголами направленного действия (требующие прямого или предложного дополнения), например: to look at, to deal with, to dance with, to talk to и другие. В данной конструкции несомненно эксплицируется оценочное значение прилагательного, но оценка характеризует не субъект предложения-высказывания, а конструкцию в целом. Это хорошо иллюстрируется с помощью следующей трансформации: he was even more beautiful to look at – it is beautiful to look at him, she is beautiful to dance with – it is beautiful to dance with her [Агафонова, 2016, с. 52].

Следующее значение beautiful связано с удачным, выгодным, правильным расположением предмета в пространстве и актуализирует следующие лексикосемантические варианты: well-set-up, well laid-out, well-grouped [Collin's dictionary], как это видно из следующего примера: "Set in beautiful parkland 15 minutes only from Birmingham City Centre, 20 minutes from Birmingham Airport and The NEC the hotel is the perfect location for the travelling business person" [English Corpora].

Лексико-семантический вариант со значением used to express approval, you can describe something that someone does as beautiful when they do it very skillfully [Collin's dictionary] используется для выражения одобрения, высокого качества исполнения чего-либо, как в следующем примере: "But the Florentines to whom Paul Gascoigne is said to be related eat charcoal-grilled steak, chickens roasted on spit, ham, beans and the most beautiful vegetables" [English Corpora].

Кроме того, в сочетании с неодушевленными предметами прилагательное beautiful манифестирует значение «привлекательность/значимость для человека», например: "When we start to take responsibility for our thoughts and begin to see that every negative thought has a negative return, we realise we can use life like a beautiful game" [English Corpora].

Анализ фактического материала показывает, что использование лексемы beautiful для описания физической красоты в подавляющем большинстве случаев используется для характеристики женской внешности или ее деталей (например, волос, кожи).

В тезаурусе Роже [Roget, 1985, с. 322] дано следующее лексикографическое описание лексемы **lovely**: attractively or admirably beautiful in moral quality, delightful, very pleasing to any of the senses, intensively amusing. В данном случае имеется в виду значение «привлекательный, вызывающий восхищение».

Прилагательное lovely используется для описания положительных человеческих качеств: very kind, generous and friendly [Cambridge dictionary], как в следующем примере: "She's a lovely, intelligent, sensitive woman who continues to turn my life around in a wonderfully positive way" [English Corpora].

Употребление lovely близко с beautiful, но есть разница в значении: lovely относится к более узкому диапазону эмоционального возбуждения, используется по отношению к чему-то изящному, деликатному или изысканному, то есть ограничения представлены в описании значения прилагательного (attractively and admirably beautiful): "She gets better with age. When I met her at the airport after she flew in to London from Los Angeles recently, I caught my breath when I saw her because she just looked so lovely" [English Corpora].

При употреблении с существительными, обозначающими неодушевленные предметы, значение *lovely* модифицируется, актуализируя значение *very pleasing to any of the senses, intensively amusing*: "It's a lovely country, the food's nice and the weather's great – but it all centres around playing and getting the football right" [English Corpora]. В данном значении *lovely*, подобно *beautiful*, может употребляться с ретроактивным инфинитивом – *she is very lovely to look at*, что можно доказать с помощью следующей трансформации: *it is lovely to look at her* [Goddard, 2019, с. 309]. Данное построение становится возможным за счет погашения семы «одушевленность» у прилагательного *lovely*, как в случае с прилагательным *beautiful*.

Прилагательное **pretty** имеет следующее лексикографическое толкование: (of woman or child) attractive in dainty or graceful way, attractive to eye, ear or aesthetic sense (*pretty cottage, song, scene, story*); fine, good, of its kind (has a pretty wit, very pretty sport); considerable (cost me a pretty penny, a pretty mess you have made); fine, stout (a pretty fellow) [Roget, 1985, с. 337].

Pretty довольно часто передает не значение *beautiful*, а именно *attractive*, что подтверждается словарными дефинициями: *attractive without being very beautiful, attractive and pleasant, in a charming but not particularly unusual way* [Cambridge dictionary].

Следующий пример, построенный на противопоставлении прилагательных *beautiful* и *attractive* доказывает, что при выборе лексико-семантического варианта со значением *attractive to eye, ear or aesthetic sense* является допустимым употребление конструкции с ретроактивным инфинитивом: *she is so pretty to look at – it is pretty to look at her, she is pretty to dance with – it is pretty to dance with her*: "Everyone says she isn't pretty, but she looks beautiful to me" [Trask, 2015, с. 52].

Кроме того, прилагательное *pretty* может употребляться по отношению к чему-то, обладающему небольшим размером: *attractive and pleasant to look at or to listen to without being large, beautiful or impressive* [Merriam-Webster dictionary]: "The first is as familiar for the wine of the same name as for the exceptionally pretty town, which has a square surrounded by wine cellars" [English Corpora].

Также оно употребляется для описания юных девушек / девочек, реализуя лексико-семантический вариант со значением *attractive in dainty or graceful way*. Если речь идет о зрелой женщине, то имеет место сопоставление с маленькой девочкой, акцент внимания на ее компактность, молодость: *pleasing by delicacy or grace; having conventionally accepted elements of beauty* [Oxford dictionary]: "She's a very charming and pretty girl. But what does a kid of that age know?" [English Corpora].

В словаре прилагательное **attractive** описывается следующим образом: *attracting or capable of attracting (especially interesting, pleasing)* [Roget, 1985, с. 29]. Как видно из его лексикографической дефиниции, оно употребляется для описания приятных визуальных или аудиальных чувств: *very pleasing in appearance or sound, pleasing or appealing to the senses* [Oxford dictionary]: "Disabled Ron started it all off in 1990 when he planted some window boxes so his friend Robert McIver would have something attractive to look at outside his window" [English Corpora]. В данном примере также употреблен ретроактивный инфинитив, но в другой синтаксической функции, а именно *have something attractive to look at*, хотя могут быть использованы и другие лексемы в качестве инфинитива, но условием, лимитирующим их употребление, будет их принадлежность к глаголам направленного действия.

Данное прилагательное актуализирует значение «чувство привлекательности (особенно между мужчиной и женщиной)», *sexually alluring, relating to attraction between physical objects, seductive* [Oxford dictionary], как в следующем примере: "Susan-

nah is about six foot tall and very attractive. She is slim with blonde hair and looks like a catwalk model" [English Corpora].

Актуализируя значение "causing interest, having qualities or features which arouse interest" [Oxford dictionary], прилагательное *attractive* выполняет атрибутивную функцию, давая оценочную характеристику предмету или явлению, как в следующем примере: "Without Keane to run the game, Forest have lost their cutting edge. They still play attractive football, but there is no end product" [English Corpora].

Прилагательное **charming** имеет следующее лексикографическое толкование: *give pleasure delightful (bewitch, influence by magic, captivate)* [Roget, 1985, с. 78]. Как видно из дефиниции, основное значение этого слова – привлекательный, заманчивый, обладающий особой привлекательностью, магией, то, что в русском языке передается с помощью лексемы «чарующий, дарящий удовольствие».

В данном примере названное значение передается с помощью атрибутивного сочетания. Употребление последующего уточнения *with all modern comforts* усиливает именно такое восприятие отеля: "Airport, this imaginative conversion of a 17th century farmhouse has provided an elegant and charming hotel with all modern comforts" [English Corpora].

Такому осмыслению значения лексемы *charming* способствует контекст и использование лексем *beautiful, sunny*, а также словосочетание *by flower filled meadows*.

Спектр употребления лексемы *charming* широк, и она может использоваться для описания как человека в целом, так и его характеристик, например: "Clariss looks out from under her limp-brimmed woollen hat and asks me for an orange with a charming broken-toothed smile" [English Corpora]. В данном случае сочетание *a charming broken-toothed smile* синонимично *a captivating smile*.

Заключение

На примерах была проанализирована лексическая сочетаемость прилагательных *beautiful, lovely, attractive, pretty, charming* с различными категориями существительных. Картина многообразных и тонких различий между синонимами внутри одного языка четко видна при сравнении этих английских прилагательных с семантически близкими русскими словами. Как показывает словарное описание, семантика прилагательных может быть отражена только посредством синонимичных терминов, поскольку в силу своей релятивной природы она не может быть отнесено к конкретному референту. Тем не менее, прилагательные *beautiful, lovely, attractive, pretty, charming*, употребляемые при описании чувственного или эстетического удовольствия, характеризуют объекты, так или иначе выраженные конкретными или абстрактными существительными, в силу чего имеют речевое использование лишь в связи с определенным субстантивом. Они передают оценку людей, их действий, внешнего вида и происхождения. Все вышеперечисленные прилагательные используются для описания природной красоты, а также мест проживания.

Подведем итог сказанному. Во-первых, в английском языке, как и в других языках, существуют синонимические ряды, которые способны передавать один и тот же концепт, профилируя его на ту или иную сторону. Этим объясняется, что все пять рассмотренных прилагательных (*beautiful, lovely, attractive, pretty, charming*) имеют общую гиперсемию, детерминирующую их идентичную комбинаторику. Однако наличие у каждой лексемы гипосем, прежде всего отмечающих природу осмысления/появления красоты, лимитирует употребление названных лексем в разных контекстах.

Во-вторых, будучи прилагательными, рассматриваемые лексемы все передают оценочное значение, ингерентное для большинства репрезентов данного класса слов. Эта

дистинктивная характеристика исследуемых в данной работе слов определяет их функциональный статус – употребление в атрибутивной и предикативной функции.

В-третьих, значение лексемы варьируется в зависимости от характера отношений лексем в структурной схеме, в которую она входит. И этот тезис доказан в ходе анализа исследуемых в данной работе адъективных лексем: дистрибуция лексемы детерминирует актуализацию разных значений или близких значений, но с разными нюансами.

Практическая значимость исследования заключается в том, что раскрываемый авторами комбинаторный потенциал английских прилагательных может быть использован в преподавании ряда лингвистических курсов, в частности теоретической и практической грамматики современного английского языка, лексикологии, семантики и стилистики, а также для составления пособий по переводоведению. Изучение комбинаторного потенциала важно не только для функциональной, но и когнитивной и корпусной лингвистики, так как изучение комбинаторики и синтагматики в целом позволяет лучше осмыслить процесс категоризации и концептуализации языковых явлений, а также понять механизм формирования и номенклатуру языковых корпусов.

Список источников

1. Арбекова Т.И. 2007. Лексикология английского языка. М., 255 с.
2. Акодес М.И. 2007. Английский язык. Имя прилагательное. М., Киев, 208 с.
3. Лайонс Дж. 2003. Лингвистическая семантика: Введение. Пер. с англ. В.В. Морозова, И.Б. Шатуновского. Под ред. И.Б. Шатуновского. М., Языки славянской культуры, 400 с.
4. Попова З.Д., Стернин И.А. 2011. Лексическая система языка (внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы описания). М., URSS, Книжный дом «Либроком», 172 с.
5. Фоломкина С.К. 2001. Англо-русский словарь сочетаемости. М., Русский язык, 1040 с.
6. Cambridge dictionary. Available at: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/> (accessed: 18.02.2021).
7. Collin's dictionary. Available at: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/> (accessed: 15 января 2021).
8. English Corpora. Available at: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (accessed: 13.02.2021).
9. Longman Dictionary of Contemporary English. 2003. Harlow, Longman, 1949 p.
10. Merriam-Webster dictionary. Available at: <https://www.merriam-webster.com/> (accessed: 2.01.2021).
11. Oxford dictionary. Available at: <https://en.oxforddictionaries.com/> (accessed: 13.02.2021).
12. Roget Peter Mark. 1985. Roget's Thesaurus of English words and phrases. New York, Penguin Books, 775 p.

Список литературы

1. Агафонова Н.Д., Корнейчук С.П. 2016. Концептуальный анализ сочетаний прилагательных с интегральной семой "красота" в русском и английском языке. Успехи современной науки. Т. 4. № 6: 52-54.
2. Болдырев Н.Н. 2002. Структура и принципы формирования оценочных категорий. В кн.: С любовью к языку. Посвящается Е.С. Кубряковой. Под ред. В.А. Виноградова, Ю.С. Степанова, А.В. Бондарко. Москва, Воронеж, ИЯ РАН, Воронежский государственный университет: 103–114.
3. Вольф Е.М. 1978. Грамматика и семантика прилагательного: на материале иберо-романских языков. Под ред. Г.В. Степанова. М., Наука, 200 с.
4. Кобрин Н.А. 2005. О соотносимости ментальной сферы и вербализации. В кн.: Концептуальное пространство языка. Под ред. Е. С. Кубряковой. Тамбов, Изд-во ТГУ: 59–69.
5. Кубрякова Е.С. 1979. Лексическая и синтаксическая сочетаемость слова и ее отражение в процессе словообразования. В кн.: Проблемы сочетаемости слов. Под ред. Г.Ю. Князевой. Вып. 145. М., МПИИЯ: 24–31.

6. Кубрякова Е.С. 2004. О нетривиальной семантике в сочетаемости прилагательных с существительными. В кн.: Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура. Под ред. Ю.Д. Апресяна. М., Языки славянской культуры: 148–153.

7. Макарова Е.А. 2011. Семантика качественных и относительных прилагательных в когнитивном освещении. Вестник Иркутского государственного лингвистического университета, 2: 184–190.

8. Чекулай И.В., Прохорова О.Н. 2013. Оценочный потенциал имен прилагательных в английском языке. Вестник РУДН. Серия Лингвистика, 3: 97–104.

9. Черемисин А.Н. 2015. Прилагательные пространственной семантики как средство репрезентации оценки в современном английском языке: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина. Тамбов.

10. Шмелев Д.Н. 2006. Проблемы семантического анализа лексики. М., КомКнига, 280 с.

11. Goddard, C., Taboada, M., & Trnava, R. 2019. The semantics of evaluational adjectives: Perspectives from Natural Semantic Metalanguage and Appraisal. *Functions of Language*, 26(3): 308–342.

12. Trask, R.L. 2013. *A Dictionary of Grammatical Terms in Linguistics*. Taylor & Francis: 188 с.

References

1. Agafonova N.D., Kornejchuk S.P. 2016. Konceptual'nyj analiz sochetanij pri-lagatel'nyh s integral'noj semoj "krasota" v russkom i anglijskom yazyke. *Uspekhi sovre-mennoj nauki*. [Conceptual analysis of combinations of adjectives with the integral scheme "beauty" in Russian and English. *Advances in Modern Science*]. Vol. 4, No. 6: 52–54

2. Boldyrev N.N. 2002. Struktura i printsipy formirovaniya otsenochnykh kategoriy [The structure and principles of the formation of evaluative categories]. In: *S lyubov'yu k yazyku. Posvyashchaetsya E.S. Kubryakovoy* [With love for the language. Dedicated to E.S. Kubryakova]. Ed. V.A. Vinogradov, Yu.S. Stepanov, A.V. Bondarko. Moskva–Voronezh, Publ. IYa RAN, Voronezhskiy gosudarstvennyy universitet: 103–114.

3. Vol'f E.M. 1978. Grammatika i semantika prilagatel'nogo: na materiale iberoromanskikh yazykov [Grammar and semantics of the adjective: on the material of the Ibero–Romance languages]. Ed. G.V. Stepanov. M., Publ. Nauka, 200 p.

4. Kobrina N.A. 2005. O sootnosimosti mental'noy sfery i verbalizatsii [On the correlation of the mental sphere and verbalization]. In: *Kontseptual'noe prostranstvo yazyka* [Conceptual space of language]. Ed. E.S. Kubryakova. Tambov, Publ. Izd-vo TGU: 59–69.

5. Kubryakova E.S. 1979. Leksicheskaya i sintaksicheskaya sochetaemost' slova i ee otrazhenie v protsesse slovoobrazovaniya [Lexical and syntactic combination of a word and its reflection in the process of word formation]. In: *Problemy sochetaemosti slov* [Word combination problems]. Ed. G.Yu. Knyazeva. Iss. 145. M., Publ. MPIIYa: 24–31.

6. Kubryakova E.S. 2004. O netrivial'noy semantike v sochetaemosti prilagatel'nykh s sushchestvitel'nyimi [On non-trivial semantics in combining adjectives with nouns]. In: *Sokrovennye smysly: Slovo. Tekst. Kul'tura* [Secret meanings: Word. Text. Culture]. Ed. Yu.D. Апресян. М., Publ. Yazyki slavyanskoy kul'tury: 148–153.

7. Makarova E.A. 2011. Semantika kachestvennykh i odnositel'nykh prilagatel'nykh v kognitivnom osveshchenii [Semantics of Qualitative and Relative Adjectives in Cognitive Lighting]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 2: 184–190.

8. Chekulay I.V., Prokhorova O.N. 2013. Otsenochnyy potentsial imen prilagatel'nykh v angliyskom yazyke [Estimated potential of adjectives in English]. *Russian Journal of Linguistics*, 3: 97–104.

9. Cheremisin A.N. 2015. Adjectives of spatial semantics as a means of representing evaluation in modern English: dissertation for the degree of Candidate of Philological Sciences. G.R. Derzhavin Tambov State University. Tambov.

10. Shmelev D.N. 2006. Problemy semanticheskogo analiza leksiki. [Problems of semantic analysis of vocabulary]. М., KomKniga, 280 p.

11. Goddard, C., Taboada, M., & Trnava, R. 2019. The semantics of evaluational adjectives: Perspectives from Natural Semantic Metalanguage and Appraisal. *Functions of Language*, 26(3): 308–342.

12. Trask, R.L. 2013. *A Dictionary of Grammatical Terms in Linguistics*. Taylor & Francis: 188 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Прохорова Ольга Николаевна, доктор филологических наук, профессор, директор института межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

Чекулай Игорь Владимирович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации института межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

Кононова Анна Игоревна, аспирант кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации института межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Olga N. Prokhorova, Doctor of Philology, Professor, Director of the Institute of Intercultural Communication and International Relations, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Igor V. Chekulai, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Philology and Intercultural Communication of the Institute of Intercultural Communication and International Relations, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Anna I. Kononova, postgraduate student of the Department of English Philology and Intercultural Communication, Institute of Intercultural Communication and International Relations Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

УДК 811.161.1

DOI 10.18413/2712-7451-2021-40-1-129-138

Репрезентация концепта «упрямство» в русской языковой картине мира (на материале фразеологических единиц)

Сюй Лили

Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского,
Россия, 603000, г. Нижний Новгород, ул. Большая Покровская, д. 37
E-mail: 1324559882@qq.com

Аннотация. Рассмотрены фразеологические средства вербализации концепта «упрямство» в русском языке. Анализ проведен в рамках лингвокультурологического и когнитивно-семантического подходов к языковым явлениям. О значимом месте концепта «упрямство» в русской национальной концептосфере свидетельствует разнообразие репрезентирующих его фразеологических и паремиологических единиц. Анализ семантических особенностей этих единиц позволяет выявить ряд когнитивных признаков исследуемого концепта: «недопущение другой возможности, отсутствие гибкости ума, слепое следование определенным моделям», «стойкость, неизменность, постоянство, твёрдость, способность не поддаваться внешнему воздействию», «свойство, способное вовлечь за собой отрицательные результаты или негативные последствия» и др.

Ключевые слова: фразеологизм, упрямый человек, В.И. Даль, фразеологический словарь, пословица, когнитивный признак.

Для цитирования: Сюй Лили. 2021. Репрезентация концепта «упрямство» в русской языковой картине мира (на материале фразеологических единиц). Вопросы журналистики, педагогики, языкознания, 40 (1): 129–138. DOI 10.18413/2712-7451-2021-40-1-129-138

Concept "stubbornness" in the Russian language picture of the world: phraseological representation

Lili Xu

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
37 Bolshaya Pokrovskaya St, Nizhny Novgorod, 603000, Russian Federation
E-mail: 1324559882@qq.com

Abstract. This article is devoted to the study of the linguistic representation of the concept “stubbornness” in the Russian linguistic worldview. The analysis is carried out within the framework of linguacultural and cognitive-semantic approaches to the linguistic phenomenon. The diversity and richness of phraseological means of expressing the concept “stubbornness” testifies to the importance of this concept in the Russian language and culture. The results of the study show that the phraseological units objectifying the concept “stubbornness” are characterized by situationality and imagery. Analysis of their semantic features allows us to single out a number of cognitive features of the concept: “non-admission of another possibility, lack of flexibility of mind, blind adherence to certain models”, “steadfastness, immutability, constancy, firmness, the ability not to succumb to external influences”, “a property that can involve negative results or negative consequences”, etc. In the proverbial aspect, special emphasis is placed on the negative-evaluative features of the concept “stubbornness”.

Key words: phraseological unit, stubborn person, V.I. Dal, phraseological dictionary, proverb, cognitive feature.

For citation: Xu Lili. 2021. Concept «stubbornness» in the russian language picture of the world: phraseological representation. Issues in Journalism, Education, Linguistics, 40 (1): 129–138 (in Russian). DOI 10.18413/2712-7451-2021-40-1-129-138

Введение

В современной лингвистике концепт как междисциплинарное понятие, объединяющее язык, сознание и культуру, стал одним из самых популярных объектов исследования ряда антропоцентрических дисциплин, таких как лингвокультурология, психолингвистика и когнитивная лингвистика. В настоящее время в научной литературе наблюдается тенденция к анализу концептов с использованием разных методов на основе различных материалов, среди которых перспективным и плодотворным представляется изучение фразеологических и паремиологических средств репрезентации концепта.

Фразеология как самостоятельный раздел лингвистики, изучающий «устойчиво воспроизводимые сверхсловные наименования различного типа» [Телия, 1996, с. 53], занимает важное место в языковой системе. В широком понимании к числу фразеологических единиц можно отнести все устойчивые сочетания слов с осложненной семантикой, не только двухсловные образования, но и устойчивые синтаксические конструкции, сложные предложения, т.е. пословицы и поговорки [Кунин, 1996, с. 31].

Фразеологизмы, пословицы и поговорки как устойчивые языковые единицы являются надёжным способом отображения разноаспектных знаний и представлений народа об окружающем мире. Исследование фразеологизмов и паремий способствует раскрытию познавательных (ментальных) особенностей и культурной специфики народа. По мнению Н.Ф. Алефиренко, во фразеологических единицах соединяются языковое и когнитивное начала. Их формирование и употребление зависят именно от социокультурной среды, создаваемой человеком в процессе познания окружающего его мира и его ценностно-смысловой интерпретации, от когнитивных потребностей человека [Алефиренко, 2016, с. 9]. В.Н. Телия отмечает, что обширные идеографические массивы фразеологических единиц являются надёжным материалом для возможности «выявления особенностей национально-культурного мировидения и миропонимания, специфики их отражения в языке» [Телия, 1996, с. 312].

Настоящее исследование основывается на лингвокогнитивных и лингвокультурологических принципах изучения языковых явлений, имеет междисциплинарный характер. Упрямство как сложное психическое явление занимает важное место не только в русской национальной концептосфере, но и в концептосфере всего человечества, что доказывается широкой изученностью данного явления в психологии и педагогике. Тем не менее до настоящего времени в лингвистическом аспекте отсутствуют работы, направленные на изучение концепта «упрямство» во фразеологическом аспекте.

Цель исследования заключается в рассмотрении особенностей фразеологической и паремиологической репрезентации концепта «упрямство» в русском языке и в выявлении когнитивных признаков (далее – КП) данного концепта.

Объект и методы исследования

В процессе исследования используются метод семантического анализа и метод когнитивной интерпретации.

Материалом исследования послужили фразеологические единицы, репрезентирующие концепт «упрямство», которые выбраны посредством метода сплошной выборки и метода выбора ключевых слов по ряду фразеологических словарей [Фразеологический

словарь..., 1967; Жуков и др., 1987; Фелицына, Мокиенко, 1990; Быстрова и др., 1997; Яранцев, 1997; Бирих и др., 1998; Шанский и др., 2001; Фразеологический словарь..., 2004; Булыко, 2007; Михельсон, 2008; Фёдоров, 2008; Степанова, 2010; Фёдорова, 2013; Федосов, Лапицкий, 2013; Ларионова, 2014] и словарей пословиц и поговорок [Даль, 1989; Ашурова и др., 1994; Жуков, 2000; Сысоев, 2009; Мокиенко и др., 2010; Русские пословицы..., 2010].

Результаты и их обсуждение

Согласно данным лексикографических источников, фразеологизмы, репрезентирующие концепт «упрямство», проявляют свои особенности в плане морфолого-грамматических характеристик. Большинство фразеологизмов образуется по модели «глагол + имя существительное (или местоименное существительное)». Например, фразеологизмы «*стоять на своём*» [Яранцев, 1997, с. 42], «*стать на своём*» [Фразеологический словарь..., 2004, с. 312], «*упереться на своём*» [Фразеологический словарь..., 2004, с. 456], «*настаивать / настоять на своём*», «*стоять / стать на одном*» [Степанова, 2010, с. 301, 305], «*твердить / заладить своё*» [Фразеологический словарь..., 2004, с. 312] позволяют выявить КП «твёрдое отстаивание своей позиции, мнения, убеждений». Компоненты «стоять», «стать», «упереться» в этих фразеологизмах первоначально выражают физическое статическое состояние (или положение) и характеризуются общим семантическим признаком «неизменность, недвижимость, постоянство, стойкость». Компонент «своё» выявляет оппозицию «свой – чужой» в содержании концепта «упрямство». Компонент «одно» подчёркивает КП «недопущение другой возможности, отсутствие гибкости ума, слепое следование определенным моделям».

Фразеологизмы «*стать / встать / становится в позу*» и «*принимать / принять позу*» имеет значение «демонстративно упорствовать, изображая чувство обиды, оскорблённого достоинства без всяких для этого оснований» [Фёдоров, 2008, с. 103; Степанова, 2010, с. 301]. В семантике этих фразеологизмов, кроме упрямства, выделяется сопутствующая негативная эмоция – обида.

В словарях был найден ряд фразеологизмов с образом «дуб». Дуб в русской культуре ассоциируется с такими качествами, как твёрдость, крепость. Фразеологизмы «*вставать / встать на дуба*», «*вставать / встать / становится в дубки*»; «*на дубёшки вставить / встать / становится*» первично обозначают «встать вертикально, стоймя». В переносном аспекте выражается значение «проявлять или выражать упрямство, несогласие с кем-либо, с чем-либо, противостояние чему-либо, сопротивляться чему-либо» [Никитина, Мокиенко, 2007, с. 203]. Эти фразеологизмы репрезентируют КП «стойкость, неизменность, постоянство, твёрдость». Фразеологизм «*попереть в дуб*» обозначает «заупрямиться, заартачиться» [Никитина, Мокиенко, 2007, с. 202]. В семантике этого фразеологизма подчёркивается признак «глупость, неразумие, сумасбродство». Этот признак также проявляется во фразеологизме «*в дурь переть / попереть*», который обозначает «действовать неразумно, проявляя упорство» [Никитина, Мокиенко, 2007, с. 208].

Как известно, мыслительная деятельность часто ассоциируется с головой. Упрямство имеет тесную связь с моделью мышления, поэтому были обнаружены фразеологизмы с компонентом «голова», выражающие значения «укрепляться в каком-либо мнении, убеждении, намерении, упорно, упрямо держаться, отстаивать их, придерживаться их; упрямо и настойчиво продолжать свою линию поведения»: «*вбивать / вбить себе в голову / в башку*» [Степанова, 2010, с. 40]; «*забивать / забить что-либо (себе) в голову / в башку*» [Фёдоров, 2008, с. 232]; «*забрать / взять (себе) в голову*» [Фразеологический словарь..., 1967, с. 58]; «*вколачивать / вколотить, втемляшивать / втемляшить себе в голову / в башку*»

ку» [Фразеологический словарь..., 2004, с. 191, 261]. Здесь репрезентируется КП «отсутствие гибкости ума, слепое следование определенным моделям». Согласно словарным материалам, такой признак также выражается следующими фразеологизмами: «*бить копытом*» [Федосов, Лапицкий, 2013, с. 23], «*задолбить себе*» [Федосов, Лапицкий, 2013, с. 176], «*бить клин*» [Никитина, Мокиенко, 2007, с. 288].

КП «несогласие, возражение, противодействие, противостояние, сопротивление другому» акцентируется во фразеологизме «*лезть в заключение*», который имеет значение «упорно возражать, перечить кому-либо» [Никитина, Мокиенко, 2007, с. 242]. Этот признак нашёл отражение во фразеологизмах с компонентами «броня»: «*включить броню*» и «*броня выросла у кого*», которые в словаре толкуется как «заупрямиться; перестать здраво рассуждать, мыслить» [Никитина, Мокиенко, 2007, с. 61]. Итак, в семантике этих фразеологизмов отражается ещё признак «глупость, неразумие, сумасбродство».

КП «сопутствующие упрямству высокомерие, заносчивость, гордыня» был выявлен в таких единицах, как «*поставить гонором*», «*клеить понты*», «*дуться в пузырь*», которые могут обозначать «вести себя высокомерно, проявить высокомерие», одновременно имеют значение «заупрямиться, упорно настаивать на своём» [Никитина, Мокиенко, 2007, с. 150, 521].

Во фразеологических словарях было найдено несколько фразеологизмов, образуемых по модели «прилагательное + существительное». Фразеологизмы «*бык фанёрный / фестивальный*», «*комольий бык*» обозначают «глупый молодой человек, психически ненормальный человек и упрямый человек» [Никитина, Мокиенко, 2007, с. 68]. Для выражения «глупая, упрямая женщина» можно употреблять фразеологизм «Валаамова ослица» [Фразеологический словарь..., 1967, с. 54; Бирих и др., 1998, с. 424]. Фразеологизм «*лесовая дитя*» обозначает «упрямый, непослушный, неконтактный ребёнок» [Никитина, Мокиенко, 2007, с. 191]. Эти фразеологизмы характеризуются признаками «глупость, неразумие, сумасбродство», «образ поведения животных: *бык*», «носитель характеристики: *женщина, дитя*». Здесь также подчёркивается возрастная и гендерная характеристика. Фразеологизм «*медный лоб*» часто употребляется для обозначения «бессмысленно-упрямого, бестолкового, тупого, ограниченного человека» [Федосов, Лапицкий, 2013, с. 281; Булыко, 2007, с. 233; Бирих и др., 1998, с. 345]. Говоря о «необразованном, упрямом человеке», можно использовать фразеологизм «*бревно неотесанное*» [Федосов, Лапицкий, 2013, с. 38]. В этих фразеологизмах выделяются признаки «бессмысленность, необразованность» и «образ частей тела или предмета: медный лоб, неотесанное бревно».

К модели «имя существительное + предложно-падежная форма имени существительного» относится фразеологизм «*рога / рогами в землю*», обозначающий «человека, находящегося в состоянии сильного алкогольного опьянения» или «воинственно настроенного, упорно настаивающего на своём человека» [Никитина, Мокиенко, 2007, с. 565]. Здесь можно увидеть, что в русском языке упрямство ассоциируется с пьяным состоянием. Упрямство представляет собой отличительную черту характера, так что в русском языке фразеологизм «*с норовом*» часто употребляется для обозначения «упрямый, своенравный» [Федосов, Лапицкий, 2013, с. 328].

По мнению Н.М. Шанского, разделяются фразеологизмы, по структуре соответствующие сочетанию слов, и фразеологизмы, по структуре соответствующие предложению (в том числе, пословицы, поговорки, афоризмы и другие устойчивые суждениям) [Шанский, 1996, с. 80–96]. Далее обратим внимание на анализ структурных и семантических особенностей фразеологических единиц, по структуре соответствующих предложению.

Следует отметить, что в русском языке пословицы и поговорки, репрезентирующие концепт «упрямство», весьма богаты и разнообразны. Упрямство часто сравнивается с по-

ведением животных, что выражается следующими фразеологическими единицами с компонентами «бык», «осёл», «баран», «коза», «лошадь»: *«упёрся, как бык/осёл/баран»* [Федосов, Лапицкий, 2013, с. 43]; *«упрётся, как бык в стену рогами»*; *«стал как бык – в стену рогами»*; *«упрям как лошадь (чухонская) / бык»*; *«бычок нашёл на кого-либо»* [Ашурова и др., 1994, с. 50]; *«упрям, как сидорова коза»* [Сысоев, 2009, с. 31]. Фразеологические единицы *«вожжа/шлея под хвост попала кому»* или *«шлея/вожжа под хвост попадет – не остановишь»* обозначают «кто-либо находится в резко выраженном неуравновешенном состоянии, проявляя упорство, взбалмошность, самодурство и т. п.» [Никитина, Мокиенко, 2007, с. 755]. Эти выражения сравнивают состояние животного с человеческим, подчёркивают сопутствующие упрямству негативные чувства и эмоции. Пословицы с компонентом «ёж» показывают, что упрямство часто проявляется в агрессивном сопротивлении другому: *«жжётся, как крапива, а колется, как ёж»*; *«вьётся ужом, топорщится ежом»*; *«он ежовой щетиной оброс»* [Даль, 1989, с. 182].

Некоторые пословицы и поговорки, репрезентирующие концепт «упрямство», выделяют топонимическую и этническую составляющие: *«новгородцы – долбежники»*, *«упрям, как новгородец»* [Даль, 1989, с. 291], *«упрям, как рыжий зырянин»* [Даль, 1989, с. 306], *«нет упрямей зырянской башки»*, *«калмыцкую лошадь одни только калмык и переупрямит»* [Мокиенко и др., 2010, с. 495], а также *«упрям, как карамышевский чёрт»* [Даль, 1989, с. 181]. Здесь акцент делается на том, что упрямство представляет собой отличительную черту для людей, принадлежащих к определённым национальностям или территориальным областям. Мифологическая характеристика концепта «упрямство» выражается рядом фразеологизмов и пословиц с компонентами «чёрт» и «бес»: *«полно с чертом нянчиться/пестоваться»*; *«черта нянчить – не унянчить»*; *«бес вселился в кого-либо»*. В религиозных верованиях «вселением бесов» могут объясняться различные пороки и болезни. В древних суеверных представлениях «безумие вызывается злыми духами, вселяющимися в человека» [Бирих и др., 1998, с. 46]. Отсюда видно, что в русской культуре излишнее упрямство считается пороком или болезненным состоянием.

В процессе анализа эмпирического материала было выявлено, что в русской языковой картине мира упрямство характеризуется гендерной и возрастной маркированностью, оно нередко возникает в контексте семейной жизни, так что был найден ряд фразеологизмов с компонентами «баба», «женщина», «старый», «муж», «жена», «сын»: *«початую кладушку домолачивай, упрямую бабу доколачивай»*; *«одна баба заерестилась – не всё дело переверотилось»* [Даль, 1989, с. 9]; *«скачет баба (и) задом и передом, а дело идет своим чередом»*; *«баба заерестилась, никого не спросилась»*; *«баба не стенка – не передвинешь»*; *«упрямая баба пуце ртачливой лошади»*; *«я не в большую свекровь – не упряма»* [Мокиенко и др., 2010, с. 22]; *«молода лошадь, да норов стар»*; *«стар да упряма, ни людям, ни нам»*; *«старый муж да упрямый муж – поперек постели лежит»*; *«либо старо – уродливое, либо молодое – спесивое, либо в ровню упрямо»* [Даль, 1989, с. 181]; *«старо – упрямо, несдружливо; молодое – гулливо, незаботливо»* [Мокиенко и др., 2010, с. 547]; *«лучше иметь жену пьяную, чем упрямую»*; *«кара божья, упрямая жена»*; *«жена упорна – ни мякиш, ни корка»*; *«я не в большую сноху, не упряма (говор. деверь)»* [Мокиенко и др., 2010, с. 340]; *«ехал бы прямо, да жена / да кобыла упряма»*; *«женил бы тебя (сказал мужик в сердцах упрямому мерину, который задурил)»*; *«матушкин сынок, да батюшкин горбок (и баловень, и упряма)»* [Даль, 1989, с. 304].

Другой особенностью фразеологической репрезентации концепта «упрямство» является ситуативность. Можно найти ряд фразеологических единиц с подчинительным союзом «хоть». Поговорки *«хоть кол на голове теши»* [Жуков и др., 1987, с. 439] и *«хоть осинovým колом (в ушах) ковырай»* [Бирих и др., 1998, с. 279] употребляются для выражения об упрямом, строптивом, несговорчивом человеке. Эти поговорки показывают, что упрямого человека трудно изменить, уговорить, убедить. Здесь реализуются следующие

когнитивные признаки концепта «упрямство»: «склонность поступать по-своему, настаивать на своём, ставить на своём, не уступать» и «стойкость, неизменность, постоянство, твёрдость, способность не поддаваться внешнему воздействию». Эти признаки также выражаются фразеологическими единицами, образуемыми по конструкции обобщено-личного предложения: «*клином/дубиной/гвоздем не вышибешь*» [Фразеологический словарь..., 1967, с. 100]; «*не вырубешь топором*» [Фёдоров, 2008, с. 120]; «*в ступе / в семи ступах не утолчишь*»; «*пушкой / из пушки не прошибёшь / не пробьёшь кого*» [Степанова, 2010, с. 36, 261]; «*его сюда на возжжах не затащишь*»; «*его в голую горсть не сгребёшь*»; «*в голую горсть не сгребёшь кого*»; «*норов не клетка, не переставишь (т. е. не клеть, не сруб)*» [Даль, 1989, с. 181, 182]; «*на козе не подъедешь к кому*» [Бирих и др., 1998, с. 270]; «*гнуздалку не перегрызёшь – упрямого не переспоришь*»; «*с ним натошак не сговоришься*»; «*упрямого переломишь, а /но не покоришь*»; «*упрямого переломишь, но не переупрямишь*» [Русские пословицы..., 2010, с. 180, 184, 934]. Все они демонстрируют трудность или невозможность изменить, убедить упрямого человека.

В русском языке существуют ряд фразеологических оборотов, выражающих мысль, что упрямство нельзя исправить: «*от упрямства нет лекарства*» [Сысоев, 2009, с. 30]; «*с ним и ладов нет / с ним и лады не возьмут*» [Даль, 1989, с. 181]; «*ветер в нос не дует кому*» [Никитина, Мокиенко, 2007, с. 81]; «*упрямого переломить, хоть себя надсадить*»; «*упрямый умрёт – кто его уймёт*»; «*упрямый умрёт – никто его уймёт*» [Мокиенко и др., 2010, с. 934]; «*ему говорить – что в стену горох лепить*»; «*он если и утонет, так его против воды ищи*» [Русские пословицы..., 2010, с. 184]. Другие фразеологические обороты подчёркивают, что только жесткие средства могут помочь изменить упрямого человека: «*на/про упрямого – дубина*»; «*горбатого исправит могила, а упрямого дубина*»; «*к упорным будь жесток, а к смиренным милостив*» [Мокиенко и др., 2010, с. 307]; «*упрямого вылечит дубина, а горбатого могила*» [Даль, 1989, с. 181]. Пословицы «*на упрямых воду возят*» [Русские пословицы..., 2010, с. 184], «*на сердитых воду возят, на упрямой лошади*» [Мокиенко и др., 2010, с. 132] выражают, что упрямого человека подвергают наказанию. Наличие возможности победить упрямого выражается в пословице «*упрямилась нитка за иглой, да протащилась*» [Мокиенко и др., 2010, с. 596].

Фразеологические единицы, репрезентирующие концепт «упрямство», характеризуются компонентами «не», «ни... ни...», которые выражают идею «оставаться на месте, отказываться от движения или других действий»: «*как козьи рога, в мех не идут*»; «*сам-сем впрягать – не пахать*»; «*всю ночь просижу, а ночевать не стану*»; «*ни из короба, ни в короб*»; «*из короба не лезет, в коробе не едет и короба не отдаёт*»; «*в короб не иду, из короба не лезу и короба не отдаю*»; «*ни в хомут, ни в шлейку*»; «*ни из хомута, ни в хомут*»; «*ни туда, ни сюда*»; «*ни в бок, ни в сторону*»; «*ни взад, ни вперед*»; «*не берет его ни отварь, ни присыпка*»; «*ни тпру, ни ну*»; «*ни поет, ни свищет*»; «*ни сидит, ни пляшет*»; «*сырого не ем, жареного не хочу, вареного терпеть не могу*»; «*тпру не едет, ну не везет*»; «*хоть София и пуста, да не крутицким верста*»; «*не тряси головой, не быть с бородой!*»; «*ушами прядет, да хвостом вертит*»; «*как бешеная овца (или: как круговой баран) головой вертит*»; «*упрямый – что лукавый: ни богу свеча, ни черту кочерга*» [Даль, 1989, с. 180–182]; «*в один глаз тычь, другой подставляет*» [Никитина, Мокиенко, 2007, с. 117]; «*не тряси головой, как упрямая кляча – татарам продадим*»; «*упрямый вброд не ходит, а только вплавь*»; «*я и сам упрям: хоть надорвусь, да упрусь*» [Мокиенко и др., 2010, с. 190]; «*что в лоб, что по лбу*» [Русские пословицы..., 2010, с. 184].

В тематическую группу «упорство/упрямство», представленную в словаре пословиц и поговорок В.И. Даля, включено большое количество пословиц, выражающих противоречие и сопротивление двух сторон: «*кость на кость наскочила*»; «*ты впрягать, а она лягать*»; «*ты стал на пень, а он на корягу*»; «*ты его на берег, а он в воду*»; «*ты тянешь, и он тянет: кто кого ни перетянет, а обоим падать*»; «*оба луки, оба туги*»; «*ты ему вдоль, а он поперёк*»; «*говори аз, а он твердит буки и веди*»; «*ты ему слово, а он тебе де-*

сят»; «давали дураку холст, а он говорит: толст!»; «ты концом, а он кольцом, ты кольцом, а он концом»; «Ерёма в воду, Фома ко дну: оба упрямы, со дна не бывали», «ему говорят – стрижено, а он – брито»; «ты ему про Фому, а он – про Ерёму»; «упрямый урод всё делает наоборот»; «нашла коса на камень»; «жестокий жестокому, упрямый упрямому редко уступает» [Даль, 1989, с. 180–182]. Кроме того, к этой тематической группе В.И. Даль относил ряд пословиц с компонентом «спор»: «не ради дела, ради спора»; «за спором дело стало»; «люди споруются, животов (или себя) не жалеют»; «спорь до слез, а об заклад не бейся!»; «не споруйся ни с тюрьмой, ни с сумой (не пришлось бы дружить!)»; «спорь во всём, кроме власти божьей!»; «спор себя дороже»; «спор дороже денег» [Даль, 1989, с. 180–182]. Пословицы «его не переспоришь, не переубедишь», «гнуздалку не перегрызёшь, упрямого не переспоришь» также связаны с ведением спора.

Упрямство также проявляется в повторяемости одного и того же действия. Так, фразеологизмы «сколько волка ни корми, а он всё в лес смотрит», «заладила/затвердила (как) сорока Якова (одно про всякого)» часто говорят «о том, кто надоедливо, упрямо повторяет одно и то же» [Жуков, 2000, с. 124]. Таким образом, упрямство может вызвать негативные чувства или эмоции.

Нужно отметить интересный момент, что упрямство иногда является оправданным: «криклив, да на дело правдив» [Даль, 1989, с. 180]. В поговорке «факты – упрямая вещь» [Русские пословицы..., 2010, с. 189] акцент делается на компоненте «неизменность».

Фразеологическая единица «упрямство (есть) порок слабого ума» [Мокиенко и др., 2010, с. 933] выявляет, что упрямство является недостатком интеллектуальной способности. В пословице «упрямый, что слепой: ломит зря» [Русские пословицы..., 2010, с. 184] можно выделить отрицательно-оценочный компонент: слепота. Пословица «разумная стойкость не упрямство, а безрассудная настойчивость упрямство» [Мокиенко и др., 2010, с. 875] также указывает, что упрямство является неразумным, безрассудным. В некоторых пословицах ставят упрямство и пьянство в один ряд и выражают мысль о том, что упрямство хуже пьянства: «коли пьян, так не будь упрям» [Даль, 1989, с. 278]; «лучше иметь жену пьяную, чем упрямую»; «упрямство хуже пьянства»; «с упрямым да пьяным не сговориться» [Мокиенко и др., 2010, с. 340, 933, 934]. В других пословицах упрямство находится в одном ряду с такими отрицательными свойствами, как хитрость, уродливость, спесивость: «хитрого не поймёшь, упрямого не доймёшь» [Русские пословицы..., 2010, с. 191]; «он хохол (т. е. хитер и упрям)»; «либо старо – уродливое, либо молодо – спесивое, либо в ровню упрямчивое» [Даль, 1989, с. 302, 318]; «упрямый – что лукавый: ни богу свеча, ни черту кочерга» [Мокиенко и др., 2010, с. 75].

Кроме того, в словарях найден ряд пословиц с отношениями противопоставления. Во-первых, во многих пословицах противопоставляются «упрямый» и «прямой»: «хотя прям, да упрям; и прав, да самоправ»; «ехал бы прямо, да кобыла упряма»; «криво, да игриво; прямо, да упрямо» [Даль, 1989, с. 180, 304, 404]; «будь прям, да не упрям» [Ашурова и др., 1994, с. 51]; «лошадка упряма, да/а везёт прямо»; «будь прям, да упрям»; «нужда упряма – не ходит прямо»; «упрямо непрямо, а сбойливо/збойливо коварно»; «не будь упрям, а будь прям»; «будешь упрям, не будешь прям» [Мокиенко и др., 2010, с. 494, 607, 608, 933, 934]. Во-вторых, противопоставление упрямства и внешней красоты отражается в пословице «бела, румяна, да нравом упряма» [Мокиенко и др., 2010, с. 606]. В-третьих, в пословицах «конь-то добр, как добр, а зарок-то (или: а норовец-то) есть как есть», «матушкин сынок, да батюшкин горбок (и баловень, и упрям)» [Даль, 1989, с. 180, 336], «и хорош молодец, да есть норовец» [Ашурова и др., 1994, с. 49] выражается противопоставление: «упрямый» и «добрый», «хороший», «избалованный». Всё это свидетельствует об отрицательной коннотации концепта «упрямство» в русской языковой картине мира. К тому же, пословицы «стар да упрям – ни людям, ни нам», «не гнед, а саврас (ответ на нет)» [Даль, 1989, с. 181] позволяют выявить отрицательно-оценочный признак – упрямство является ненужным.

Следует отметить, что в русской языковой картине мира упрямство считается препятствующим фактором для получения желаемого результата. Это выражается фразеологическими оборотами *«бившись/бьючись с коровой – не молоко», «бившись с козой – не удой»* [Даль, 1989, с. 181], *«ласковое телятко/телятка две матки сосет, а упрямое – ни одной»* [Жуков, 2000, с. 158]. Фразеологические обороты *«каши/пива не сварить с кем»* [Фёдоров, 2008, с. 596] подчёркивают неудачу или отрицательный результат, принесённый упрямством. Упрямство также приносит неэффективность и бессмысленность в общении, что выражается пословицей *«с ним говорить – что решетом воду носить»* [Ашурова и др., 1994, с. 50].

Кроме того, упрямство часто влечет за собой отрицательные результаты или негативные последствия, оно даже может привести к саморазрушению, смерти: *«кряхти да гнись: упрешься – переломишься»*; *«подавайся по рукам, так легче будет волосам (в старину спорящие перетягивались за волосы)»*; *«не хотел жить – ступай умирать!»*; *«умирает, а ногой дрягает (или: а зелье хватает; т. е. всё своё)»*; *«его сразу не похоронишь»*; *«упирливая/вперливая коза – волку корысть»*; *«упрямая овца волку корысть»*; *«не купил батька шапки – пусть уши мерзнут (или: не дал батька шапки и проч.)»* [Даль, 1989, с. 181–182]; *«упрямого креси, а он в могилу лезет»*; *«упрямый умрёт – никто его уймёт»*; *«злой с упрямым водились, да оба в яму свалились»* [Мокиенко и др., 2010, с. 543, 934, 1016]; *«упрямый, что слепой: ломит зря»*; *«не купил батька рукавичек, пусть руки зябнут!»*; *«не купил батька рукавички, так пусть же руки мерзнут»* [Русские пословицы..., 2010, с. 184]. Именно поэтому существуют пословицы, где говорится о том, что лучше уступать, чтобы избежать неприятного последствия: *«чем маяться, так лучше отступить»*; *«лучше гнуться, чем переломиться»* [Даль, 1989, с. 181]; *«не ломайся, ковер, не коверкайся, не упрямясь, не кичись»*; *«покорство лучше упорства»* [Мокиенко и др., 2010, с. 417, 682].

Заключение

В данном исследовании впервые проанализированы фразеологические единицы, репрезентирующие концепт «упрямство». В ходе исследования было установлено, что концепт «упрямство» имеет в русском языке высокую номинативную плотность, имеет множественное смысловое наполнение. Это свидетельствует об актуальности данного концепта для языкового сознания русского народа.

Анализ фразеологических материалов позволил выявить культурно-национальное своеобразие и оценочные характеристики концепта «упрямство». На основе проведённого исследования можно резюмировать следующие когнитивные признаки концепта «упрямство»: «черта характера, нрава», «твёрдое отстаивание своей позиции, мнения, убеждений», «недопущение другой возможности, отсутствие гибкости ума, слепое следование определенным моделям», «стойкость, неизменность, постоянство, твёрдость, способность не поддаваться внешнему воздействию», «несогласие, возражение, противодействие, противостояние, сопротивление другому», «нежелание действовать, отказ делать что-либо», «повторяемость одного и того же действия», «отсутствует средств исправить упрямого человека», «для изменения упрямых людей необходимо применить жестокое средство или особый способ», «свойство или поведение, сопутствующее негативным чувствам и эмоциям: обида, взбалмошность», «свойство, сопутствующее другим отрицательным чертам характера: глупость, слепота, неразумие, безрассудность, сумасбродство, заносчивость, высокомерие, гордыня», «свойство или поведение, способное вызывать отрицательные оценки, негативные чувства и эмоции: надоедание, порок, болезнь; хуже пьянства», «фактор, мешающий, препятствующий, осложняющий осуществление чего-либо», «свойство

или поведение, способное вовлечь за собой отрицательные результаты или негативные последствия», «оправданный, правильный признак действия или качество характера», «ненужное качество», «носитель данной характеристики: баба, муж, жена, старый, новгородцы, чёрт и т.д.», «образ поведения животных: бык, бычок, осёл, баран, ослица, коза, лошадь, рога, ёж и т.д.», «образ частей тела или образ предмета: медный лоб, голова, зырянская башка, неотесанное бревно».

Список источников

1. Ашурова С.Д. Шаталова З.И., Зимин В.И., Шанский В.Н. 1994. Русские пословицы и поговорки: учебный словарь. М., Школа-Пресс, 317 с.
2. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. 1998. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. Под ред. В.М. Мокиенко. СПб., Фолио-Пресс, 700 с.
3. Булыко А.Н. 2007. Фразеологический словарь русского языка. Минск, Попурри, 448 с.
4. Быстрова Е.А., Окунева А.П., Шанский Н.М. 1997. Учебный фразеологический словарь. М., АСТ, 304 с.
5. Даль В.И. 1989. Пословицы русского народа. В 2-х т. Т. 1. М., Художественная литература, 431 с.
6. Жуков В.П. 2000. Словарь русских пословиц и поговорок. М., Русский язык, 544 с.
7. Жуков В.П., Сидоренко М.И., Шкляр В.Т. 1987. Словарь фразеологических синонимов русского языка. М., Русский язык, 448 с.
8. Ларионова Ю.А. 2014. Фразеологический словарь современного русского языка. М., Аделант, 512 с.
9. Михельсон М.И. 2008. Большой толково-фразеологический словарь русского языка Михельсона. В 3-х томах. Электронный словарь. ЭБС «Университетская библиотека ONLINE». URL: https://biblioclub.ru/index.php?page=dict&dict_id=127 (дата обращения: 30.11.2020).
10. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. 2010. Большой словарь русских пословиц. Под ред. проф. В. М. Мокиенко. М., ОЛМА Медиа Групп, 1026 с.
11. Никитина Т.Г. Мокиенко В.М., 2007. Большой словарь русских поговорок. М., ОЛМА Медиа Групп, 784с.
12. Русские пословицы и поговорки. 2010. Сост. Берсеньева К.Г. М., Центрполиграф, 383 с.
13. Степанова М.И. 2010. Школьный фразеологический словарь. М., Феникс, 117 с.
14. Сысоев В.Д. 2009. Пословицы и поговорки. М., АСТ, 65 с.
15. Фёдоров А.И. 2008. Фразеологический словарь русского литературного языка. М., Астрель: АСТ, 878 с.
16. Фёдорова Т.Л. 2013. Фразеологический словарь русского языка. М., ЛадКом, 608 с.
17. Федосов И.В., Лапицкий А.Н. 2003. Фразеологический словарь русского языка. М., Юнвес, 598 с.
18. Фелицына В.П., Мокиенко В.М. 1990. Русские фразеологизмы. Лингвострановедческий словарь. М., Русский язык, 224 с.
19. Фразеологический словарь русского языка. 1967. Сост. Л.А. Войнова и др. Под ред. А. И. Молоткова. М., Сов. энциклопедия, 543 с.
20. Фразеологический словарь современного русского литературного языка. 2004. Под ред. А.Н. Тихонова. М., Флинта, Наука, 832 с.
21. Шанский Н.М., Зимин В.И., Филиппов А.В. 2001. Школьный фразеологический словарь русского языка: Значение и происхождение словосочетаний. М., Дрофа, 365 с.
22. Яранцев Р.И. 1997. Русская фразеология. Словарь-справочник. М., Дрофа, Русский язык, 848 с.

Список литературы

1. Алефиренко Н.Ф. 2016. Современная фразеология: тенденции и инновации. М., СПб., Брянск, Новый проект, 200 с.
2. Кунин А.В. 1996. Курс фразеологии современного английского языка. М., Высшая школа, Дубна, Феникс, 381 с.

3. Телия В.Н. 1996. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., Языки русской культуры, 288 с.
4. Шанский Н.М. 1996. Фразеология современного русского языка. СПб., Специальная литература, 192 с.

References

1. Alefirenko N.F. 2016. Sovremennaya frazeologiya: tendentsii i innovatsii [Modern phraseology: trends and innovations]. М., SPb., Bryansk, Novyy proekt, 200 p.
2. Kunin A.V. 1996. Kurs frazeologii sovremennogo angliyskogo yazyka [Course of phraseology of modern English]. М., Publ. Vysshaya shkola, Dubna, Feniks, 381 p.
3. Teliya V.N. 1996. Russkaya frazeologiya: Semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokul'turologicheskiy aspekty [Russian Phraseology: Semantic, Pragmatic and Linguocultural Aspects]. М., Publ. Yazyki russkoy kul'tury, 288 p.
4. Shanskiy N.M. 1996. Frazeologiya sovremennogo russkogo yazyka [Phraseology of the modern Russian language]. SPb., Publ. Spetsial'naya literatura, 192 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сюй Лили, аспирант кафедры преподавания русского языка в других языковых средах Института филологии и журналистики Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lili Xu, Postgraduate Student, Department of Teaching Russian in Other Language Environments, Institute of Philology and Journalism, Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia

УДК [81'373.4:2] – 047.37
DOI 10.18413/2712-7451-2021-40-1-139-148

Методика фреймового сценария языковой единицы с сакральной семантикой

Шкуран О.В.

Луганский государственный педагогический университет,
Луганская Народная Республика, 91011, г. Луганск, ул. Оборонная, 2
E-mail: oksana.shkuran@mail.ru

Аннотация. В современном языкознании наблюдается повышенный интерес к номинациям сакральных ценностей, сохраняющих во внутренней форме образы традиционной культуры. Независимо от того, что сакральное представляет высшие недостижимые ценности в форме идеала, дихотомичный и внутренне противоречивый феномен современной профанизации главенствует в языке и речи. Нами представлен пошаговый фреймовый сценарий по выявлению сакрального компонента во внутренней структуре языковой единицы. Такая процедура позволяет представить в диахроническом и синхроническом срезах слоты языковой единицы, содержащие как особенности существующих объектов, так и специализированные фоновые знания, энциклопедические данные, которые были утрачены или трансформированы в современных интернет- и медиадискурсах. Представленное исследование выявляет в когнитивно-мыслительных кодах русской лингвокультуры содержание и критерии языковых единиц с сакральной семантикой.

Ключевые слова: культурный код, когнитивный механизм, фреймовый сценарий, субфрейм, слот.

Для цитирования: Шкуран О.В. 2021. Методика фреймового сценария языковой единицы с сакральной семантикой. Вопросы журналистики, педагогики, языкознания, 40 (1): 139–148. DOI 10.18413/2712-7451-2021-40-1-139-148

Frame scenario methodology language unit with sacred semantics

Oksana V. Shkuran

Lugansk State Pedagogical University,
2 Oboronnaya St, Lugansk, 91011, Lugansk People's Republic
E-mail: oksana.shkuran@mail.ru

Abstract. In modern linguistics, there is an increased interest in the nominations of sacred values that preserve the images of traditional culture in their inner form. Regardless of the fact that the sacred represents the highest unattainable values in the form of an ideal, the dichotomous and internally contradictory phenomenon of modern profanization dominates language and speech. We have presented a step-by-step frame scenario for identifying the sacred component in the internal structure of a language unit. This procedure makes it possible to present in diachronic and synchronous slices the slots of a linguistic unit containing both the features of existing objects and specialized background knowledge, encyclopedic data that have been lost or transformed in the modern Internet media discourse. The presented research reveals the content and criteria of linguistic units with sacred semantics in the cognitive-thinking codes of Russian linguoculture.

Key words: cultural code, cognitive mechanism, frame script, subframe, slot.

For citation: Shkuran O.V. 2021. Frame scenario methodology language unit with sacred semantics. Issues in Journalism, Education, Linguistics, 40 (1): 139–148 (in Russian). DOI 10.18413/2712-7451-2021-40-1-139-148

Введение

Антропоцентрическая парадигма современного языкознания в конце XX столетия повлекла за собой изучение языка в широком его смысле. Помимо кодифицированных знаний, ученых стали волновать внешние социальные, психологические, политические, этнические, культурные факторы воздействия. Основой происходящих процессов являются существенные изменения в «языковом вкусе и чутье языка» современной эпохи [Костомаров, 2015]. Падение уровня эстетики языка повлекло разрушение традиционной лексики, фразеологии, паремиологии и др. Весомым аккумулятором, накапливающим знания о традиционной вере и всего, что связано с ней, становятся языковые единицы с сакральной семантикой. Вполне закономерным представляется изучение процесса взаимодействия внутреннего языка и религии как одних из форм репрезентации сакральности, а условия, в которых развивался тот или иной язык, по словам Ф. де Соссюра, совершенно не требуется знать, поскольку это «не затрагивает внутреннего организма самого языка», «язык есть система, которая подчиняется лишь своему собственному порядку [Соссюр, 1999]. Известный европейский лингвист противопоставлял язык и речь, определяя роль внутрилингвистических отношений как более важную, чем языковые контакты и экстралингвистические факторы.

Обращаясь к концепции В. фон Гумбольдта, помним: развитие языка неразрывно связано с духовным наследием человечества: «...дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более тождественное» [Гумбольдт, 2000, с. 36]. Согласно его учению, во внутренней форме языка отражается «индивидуальный характер» этноса, что благоприятствует различению внутренней формы языков разных народов. Эта концепция близка современным лингвокультурологам [Телия, 1996; Карасик, 2002; Воркачев, 2007; Воробьев, 2008; Ковшова, 2013; Ломакина, 2018; Шкуран, 2020а], утверждающим, что четкую грань между языкознанием и прочими науками провести затруднительно, поскольку «в настоящее время для этого возникает все больше трудностей, что обусловлено тенденцией к интеграции наук» [Гадомский, 2004, с. 12]. Поэтому считаем необходимым учитывать все сформировавшиеся факторы для более целостного изучения языковых единиц с сакральной семантикой.

В отечественном языкознании с начала текущего столетия проблемами изучения категориального статуса языковых единиц с сакральной семантикой занимаются Т.Б. Захарян [2006], Т.Н. Бурмистрова [2007], Н.И. Коновалова [2007], К.Д. Наумов [2010], Т.В. Кузьмина [2011], Воробьева [2012], О.А. Дмитриева, И.Г. Чеботарев [2015], Т.Б. Радбиль [2016], О.В. Шкуран [2020в] и др., они используют определение сакральности в ее широком смысле. Русисты осуществили попытку описать исследуемые единицы, однако целостно, не используя ограничений, без осмысления его лингвокультурологического и когнитивного единства со структурированным пространством, варьирующим во времени и социуме, но методология отсутствует.

Целью данного исследования является создание собственной методики пошагового алгоритма языкового сценария по выявлению языковых единиц с сакральной семантикой, что дает возможность выявить сложную и многоаспектную вариацию интерпретаций заложенного в них духовного смысла и проиллюстрирует сакральные центры, организующие единое культурное пространство.

Объекты и методы исследования

Методика выявления языковых единиц с сакральной семантикой (ЯЕСС) в русском языке является важной ступенью в анализе и частотности использования лексических единиц, фразеологизмов, паремий в разных контекстах исследования (словарные статьи, тексты художественной прозаической и поэтической литературы, интернет- и медиатексты, результаты лингвистических экспериментов). Все рассматриваемые языковые едини-

цы русского сознания соотносятся со сценарием «сакральной вертикали» и располагаются в этом сценарии относительно центральной сакремы «бог» в соответствии с ценностной триадой: *сакральный язык – профанный язык – десакральный язык*.

Объектом исследования выступают языковые единицы высокого уровня, называющиеся центральные понятия и реалии религиозного мировоззрения и духовной христианской практики русского человека, обозначающие сущности невидимого, умопостигаемого мира.

К важнейшим признакам ЯЕСС мы относим наличие в их смысловой структуре коннотативных эмоционально-оценочных сем, иллюстрирующих не только сакральную семантику, но и профанную или десакральную; аккумулятивность, сохраняющую в своей структуре культурно-историческое наследие; кодифицированность (упорядоченность) на материале церковнославянского языка в «семиотическом ландшафте» (Б. Беннет) страны; рефлексивность и др.

В работе используются следующие методы: функционально-семантический, описательный, метод синхронного дефиниционного и сопоставительного анализа, контекстуальный анализ, метод лингвистического портретирования и др.

Результаты и их обсуждение

В качестве когнитивного инжиниринга нами проиллюстрирован пошаговый алгоритм фреймового сценария ЯЕСС. Разумность обращения к такой структуре можно аргументировать тем, что определенная последовательность дает возможность анализировать крупные события (субфреймы) через их мелкие части (слоты). Это помогает языковой личности родного лингвосообщества формировать линейные связи сущности, зависимости, взаимодействия и т.д.

Одной из характеристик фреймового сценария является культурологическая маркированность ЯЕСС, благодаря которой формируется иерархическая система наполнения слотов традициями народа, возможностями общественного слоя, духовного климата эпохи.

Субфрейм 1. Создание гипотетической ситуации по обработке семантики лексемы, фразеологизма, паремии и выделению сакральной составляющей в ее составе:

Слот 1. Первая фиксация ЯЕСС в этимологических, толковых, энциклопедических словарях, справочниках.

Слот 2. Определение источника и проведение синхронического и диахронического сравнения словарных статей.

Б. де Куртенэ утверждал, что периоды языка не сменялись поочередно, потому что каждый из них создавал «подкладку для дальнейшего развития», а швейцарский ученый настаивал на синхронной лингвистике, поскольку все периоды развития, по его мнению, практически тождественны. С.П. Обнорский писал: «Именно в языке полнейшим образом... запечатлеваются все этапы истории народа... по которым направлялось движение его культуры» [Виноградов, 1958, с. 8]. Закономерно, что подлинная история языка выступает органической частью общей истории народа, истории его просвещения и культуры. «История русского языка... не может быть представлена... совокупностью замкнутых в себе явлений и процессов... Процессы языковой жизни, языковых изменений протекают в необходимом взаимодействии с течением исторического процесса народности» [Виноградов, 1958, с. 82].

Словарный фонд языка, поддаваясь безостановочным изменениям в технологической и во всякой инновационной деятельности человека, находится в состоянии непрерывной жизнедеятельности. Даже государственные и политические кризисы не могут остановить процесс единения между минувшим и новым «настроением» языка, создаваемый путем постепенного расширения новых лексических комплексов и появления новых коннотаций в процессе отмирания и трансформации архаизмов и историзмов. Потенциальность

конкретных и неопровержимых фактов предопределенности развития словарного фонда дает прочные ценностные установки для изучения общего характера и единообразия тех сдвигов в лексике и семантике, которые возникли в постсоветский период, а пласты новой лексики фокусируют эволюцию словообразовательной и семантической систем.

Таким образом, словари разных типов отражают многие стороны содержания языковой единицы; анализ этимологических, толковых, энциклопедических словарей, справочников является фундаментом для современных лингвокогнитивных исследований. Глубокого теоретического доказательства требует статусность устойчивости языковых единиц фундаментального ресурса современного русского языка в тесной связи с изучением природы устойчивых реалий. Повышенное внимание должно быть обращено на выявление в полной мере всех возможных ЯЕСС, обладающих склонностью к долгой исторической сопротивляемости и сохранности. Зачастую важная для понимания содержания информация эмоционального и оценочного содержания остается за пределами словарной статьи.

Субфрейм 2. Выявление императива благоговения перед святым, трансцендентальным в содержании ЯЕСС:

Слот 1. Идентификация божественной темы или ситуации.

Слот 2. Определение ролей.

Слот 3. Определение правил ситуации.

Слот 4. Установления последовательности целенаправленной сцены – обряда, ритуала.

В понимании сакрального можно выделить два вектора – теологическая трактовка и философская интерпретация. Представление о сакральном, по мнению многих ученых, с наибольшей полнотой выражено в религиозном мировоззрении, а философский контекст называет сакральное универсальной категорией религиозного сознания, требующей благоговейного отношения к непреходящему наследию и исключительной значимости верования. Данная категория является высшим уровнем реальности, то есть божественности, непостижимыми знаниями, исключительным явлением, а с точки зрения языкознания – абсолютной ценностью. Возвышая человека и приближая к Богу, христианство внесло корректировку в глубокое совершенствование человеческой природы с целью уподобления Богу. Об этом сказано в Евангелии: «Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный» [Святое Евангелие, 2019, с. 18]. Евангелие открыло человеку западной культуры сферу сакрального – преобладание духовной природы над телесной. Российский богослов, епископ и физиолог А.А. Ухтомский писал: «Бог – это центральная идея, с которой носится человек в истории. Вся история – ряды человеческих попыток осуществить Бога» [Ухтомский, 1996, с. 144].

Эпоха Ренессанса выделила горизонтальный вектор развития эгоцентричного личного «я» для стремительного биологического и социального совершенствования. Место традиционной конфессии, основанной на сакральности, заняло социальное рабство, ограничивающее его духовную свободу. Соприкасаясь с метафизическими проблемами, сознание разумного человека рано или поздно погрязло в страхе о бытии. Неясность природы своей собственной бытности, неумение взглянуть в бесконечность своей души, чтобы услышать «зов бытия» [Хайдеггер, 1993, с. 116] – вся жизнь человека попала в состояние двусмысленности, невразумительности по отношению к сакральному. Именно личностный уровень каждого человека способствует богатой духовной жизни этноса в целом. В основе таких значимостей положено сакральное начало. Деформация сакральных ценностей происходила и происходит в результате несхожести мировоззренческих уровней религии и науки, мифологии и философии и др. Н. Бердяев свои взгляды на сакральное в

пространстве культуры изложил в работе «Смысл творчества»: «Ценности культуры священные, и всякий нигилизм по отношению к ним – безбожен» [Бердяев, 1990, с. 47].

Субфрейм 3. Определение профанного и десакрального значения ЯЕСС.

Слот 1. Выявление коннотаций сакрального характера в структуре фразеологизмов, паремий и др.

Приведем пример: определяя ценностную установку библеизмов в светской жизни, невозможно констатировать высокую распространенность этих языковых единиц в текстах «вообще». Все же библеизм представляет целостную событийную когнитивную прагмему-схему, сохраняющую информацию-первоисточник и функционирование библейского образа в культуре. Их популяризация зависит от функционального назначения текста, от его тематического и идейного сюжета, и от его социальной установки. Библеизм преимущественно фокусируется в кульминационных местах текста, где необходимо наивысшее привлечение всех эмоционально-экспрессивных возможностей: *«Не хлебом единым будет жив человек, но всяким маслом, на него намазанным»* [Шкуран, 2020б]. Пользователи социальных сетей, авторы публицистических текстов привлекают внимание пользователей Всемирной паутины использованием библеизмов в различных жанрах, снижая ценностно-смысловой регистр и приближая манеру написания к разговорному стилю, т.е. десакрализируют библейское содержание.

Слот 2. Декодирование культурной информации в различных современных источниках (художественная литература, СМИ, интернет-, медиатексты).

Общепризнанным является утверждение, что язык представляет собой культурный код нации. Наши исследования над популярным языком газетной и интернет-публицистики способствуют утверждению об активном употреблении в медиаконтенте крылатых единиц, о построении периферийных сем лексем, которые со временем могут войти в ядерную зону. Раскрытие ментальности народа через его современный язык иллюстрирует пласт экстралингвистической информации, формирующийся Всемирной паутиной. По словам О.В. Ломакиной, данный жанр позволяет говорить «о существовании у современных журналистов своего рода шорт-листа крылатых единиц как самого употребительного разряда фразеологических ресурсов языка, которые активно используются при выборе заголовков» [Ломакина, 2018, с. 37]. Например: крылатая единица *сакральная жертва* широко употребляется в значении ‘заказное политическое убийство как акт победы над оппонентом, и речь идет о человеческих жертвах. Объект выбирается по особым признакам и ради чего-то убивается определенным ритуалом. Это не имеет отношения к христианской религии, где узаконенное место казни преступников на кресте через распятие олицетворяет жертву Богочеловека ради вечной праведной жизни. Если во времена древнего мира члены языкового общества полагались на тексты богодухновенных книг или на собственные традиции, передающиеся из поколения в поколение, то современный информационный мир отражается и реконструируется с помощью медиатекстов, воспроизводящих мир в своем противоречии, многообразии, и ставит человека в ситуации выбора семантики языковой ментальной единицы.

Слот 3. Проведение лингвистических экспериментов с целью выявления сакральной, профанной или десакральной семантики.

Достаточно продуктивными методами исследования интерпретационного поля языковой единицы признаны экспериментальные приемы, используемые в психо- и социолингвистике. Свободный ассоциативный эксперимент позволяет выявить актуальное содержание ЯЕСС, описать ее интерпретационные поля и проверить все выделенные при исследовании компоненты и слоты на их реальное присутствие в сознании респондентов. Свободный ассо-

циативный эксперимент предлагает респондентам слова-стимулы, требующие любой словесной реакции. Ассоциации, вызванные у респондентов словами-стимулами, записываются экспериментатором и классифицируются по разным критериям: 1) парадигматические связи; 2) синтагматические связи; 3) тематические связи и др. [Гусельникова, 2010, с. 141]. После обработки результатов экспериментатор получает интерпретации ассоциаций как отражение исследуемых концептуальных признаков анализируемой ЯЕСС.

Субфрейм 4. Распознавание ядерной и периферийной части ЯЕСС:

Слот 1. Выделение смысловых зон (ядра, ближней, дальней, крайней периферий);

Слот 2. Определение сакральной, профанной, десакральной интенции.

Содержание ЯЕСС внутренне упорядочено: структурно можно выделить ядро, ближнюю, дальнюю и крайнюю периферии. Преимущественно яркость признака в сознании носителя языка определяет, к какой сфере содержания следует его отнести. Но для полноты описания и выявления сакрального компонента предпочтительна комплексная методика исследования ЯЕСС, поскольку раскрытие различных компонентов содержания требует рассмотрения всех возможных и зафиксированных в языке средств словесной репрезентации, что позволяет наиболее полно выяснить смысл ЯЕСС как единицы мышления лингвокультурного сообщества.

Приведем пример: в «Словаре символов» Джека Трессидера к ЯЕСС *рай* дается ссылка к понятию *загробный мир* с объяснением: «Рай расположен почти всегда на небе, там сияет свет и звучит прекрасная музыка; ад расположен под землей, там тьма, дым, смрад и мучения» [Трессидер, 2001, с. 78]. Современные интернет-, медиадискурсы популяризируют секуляризированное пониманиерая и привлекают внимание аудитории, «вербальный текст всё более замещается мультимедийным, его словесная составляющая иллюстрируется, дополняется, многократно усиливается медийным компонентом, создавая визуальные образы, оказывающие мощное воздействие на сознание человека» [Добросклонская, 2016, с. 14]. В значительной степени данная ЯЕСС *рай* приобретает семы ‘удобное место для проживания, отдыха’, ‘выгодные условия для развития бизнеса’ и т.д. Вместе с тем фиксируются и общие ключевые концепты русской культуры: *Бог, ад, ангел, Адам и Ева, благоденствие, блаженство, вечность, врата, голубь, дерево, другой мир, жилье умерших, змей, иной мир, награда, неземная благодать, оазис, сад, Царство Небесное, после смерти, праведник, Эдем, яблоко* с религиозной семантикой и библейским пониманием греховности человеческой природы. К часто упоминаемым ассоциатам с дендронимной и флористической семантикой, кроме яблока, названы: *банановая пальма, фруктовые деревья, инжир, персик, цветок, лилия, растения, зеленая трава*.

Субфрейм 5. Заключение.

Значения ЯЕСС, которые представлены в пошаговом фреймовом сценарии языковой сакрализации, иллюстрируют пространство современного языка с его многообразием и упорядоченной совокупностью сакральных, профанных и десакральных семантических компонентов. ЯЕСС *рай, сакральная жертва* и др. являются общеизвестными для данного русскоязычного социума со времен принятия христианства на Руси. Представленный анализ показал, что языковая единица состоит из сем, репрезентирующих определенные стороны явлений реальности. Реконструируя значение данных единиц, мы в процессе исследования выявляем позитивно-негативную дихотомию в объеме полученных значений. Но все-таки мембраной ядра смысловой зоны выступают сакральные значения, что свидетельствует о целесообразно выбранном методе исследования.

Заключение

Комплексное рассмотрение языкового материала необходимо для создания пошагового алгоритма фреймового сценария и для выявления закономерности: семантического членения на ядро, ближнюю и дальнюю семантическую периферию при анализе этимологических, толковых, энциклопедических словарей; контекстуального анализа художественной литературы XVIII–XXI вв., интернет-, медиадискурсов, при проведении лингвистических экспериментов и т.д. Одним из шагов данного алгоритма является определение религиозной составляющей с использованием библейских текстов и святоотеческого учения, что дает полное основание из полярных сем одной языковой единицы выделить сакральную семантику. На пяти этапах алгоритма фреймового сценария данной методики мы можем выявить сакральную, профанную и десакральную составляющую. Семантические изменения содержательного наполнения определенных терминалов приводят к формированию семиосферы ЯЕСС, обеспечивают возможность идентификации событий, структурированных данным сценарием. В данном случае это когнитивная структура, в которой представлены пять этапов последовательности действий. М. Минский писал: «Есть набор характеристик, обладающих следующим свойством наличия достаточного количества этих характеристик, которые приводят к активации фрейма в целом» [Минский, 1979, с. 89]. То есть структуры языкового сценария охватывают информацию в формате субфреймов, добавляемых по умолчанию и содействующих восстановлению композиции сценария. Таким образом, на основании знаниевого религиозного, культурного, исторического, социального контекста мы сознательно эксплицируем сакральную семантику и заполняем слот культурно маркированной информацией, которая благоприятно используется для создания вторичных сем.

Список источников

1. Бердяев Н.А. 1990. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX – начала XX века. В кн.: О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского Зарубежья. Сост. М.А. Маслин. М., Наука: 43–271.
2. Виноградов В.В. 1958. Научная деятельность академика С.П. Обнорского: К 70-летию со дня рождения. Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. 17. Вып. 3: 247–262.
3. Национальный корпус русского языка. 2003–2021. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 26.11.2020).
4. Святое Евангелие. 2019. М., Сибирская Благовонница, 383 с.
5. Тресиддер Дж. 2001. Словарь символов. Пер. с англ. С. Палько. Москва, Гранд, ФАИР-Пресс, 448 с. (Tresidder J. Dictionary of Symbols. Chronicle Books, 544 p.)
6. Ухтомский А.А. 1996. Интуиция совести: Письма. Записные книжки. Заметки на полях. СПб, Петербургский писатель, 653 с.
7. Хайдеггер М. 1993. Время и бытие: статьи и выступления. Пер с нем. В.В. Библихина. Москва, Республика, 447 с. (Heidegger M. 1927. Sein und Zeit. Halle, M. Niemeyer, 438 p.)

Список литературы

1. Бурмистрова Т.Н. 2007. Сакральная фитонимия как отражение стереотипов национального сознания. Вестник МГОУ. Сер. Русская филология, 3: 62–65.
2. Воркачев С.Г. 2001. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании. Филологические науки, 1: 64–72.
3. Воркачев С.Г. 2007. Лингвокультурный концепт: типология и области бытования. Под ред. С.Г. Воркачева. Волгоград, ВолГУ, 400 с.
4. Воробьев В.В. 2008. Лингвокультурология. Москва, Изд-во «Российский университет дружбы народов», 336 с.

5. Воробьева Н.А. 2012. Лингвокультурологический подход к изучению русской сакральной идиоматики. Уральский филологический вестник. Сер. Психолингвистика в образовании, 5: 6–11.
6. Гадомский А.К. 2004. Проблема взаимодействия языка и религии. Культура народов Причерноморья, 49. Т. 1 (77): 164–166.
7. Гумбольдт В. фон. 2000. Избранные труды по языкознанию. Пер. с нем. Г.В. Рамишвили. Под ред. Г.В. Рамишвили. М., ОАО ИГ «Прогресс», 400 с. (Wilhelm von Humboldt. 1904. Gesammelte Schriften, Bd. I, Berlin, 314 p.)
8. Гусельникова О.В. 2010. Терминологический аппарат системы фрейма. Вестник Челябинского государственного педагогического университета, 9: 137–149.
9. Дмитриева О.А., Чеботарев И.Г. 2015. Юродство и лжеюродство на Руси (богословский и лингвистический обзор). Саратов, Вузовское образование, 157 с.
10. Добросклонская Т.Г. 2008. Медиалингвистика: Системный подход к изучению языка СМИ: Современная английская медиаречь. Москва, Флинта, Наука, 263 с.
11. Захарян Т.Б. 2006. Сакральный символ в языке религии. Екатеринбург, (Нижний Тагил, РИФ «ТРМ»), 196 с.
12. Карасик В.И. 2002. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, Перемена, 477 с.
13. Ковшова М.Л. 2013. Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры. Москва, URSS, 456 с.
14. Коновалова Н.И. 2007. Сакральный текст как лингвокультурный феномен. Под ред. Т.А. Гридиной. Екатеринбург, ГОУ ВПО «Уральский гос. пед. ун-т», 298 с.
15. Костомаров В.Г. 2015. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений из речевой практики масс-медиа. СПб., Златоуст, 320 с.
16. Кузьмина Т.В. 2011. Сакральное значение слова ангел. В кн. Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы IX Международной конференции, г. Владимир. 22–24 сентября 2011 года. Под ред. М.В. Пименовой. Владимир, Транзит-ИКС: 254–259.
17. Ломакина О.В. 2018. Фразеология в тексте: функционирование и идиостиль. Под ред. В.М. Мокиенко. Москва, Изд-во РУДН, 344 с.
18. Минский М. 1979. Фреймы для представления знаний. Пер с англ. О.Н. Гринбаума. Подред. Ф.М. Кулакова. Москва, Изд-во «Энергия», 152 с. (Minsky M. 1975. Frame work for Representing Knowledge. In: Thepsychology of computer vision. Ed. P.H. Winston. New York, McGraw-Hill Book).
19. Радбиль Т.Б. 2016. Сакрализация идеологем революции, социализма и коммунизма в языке русской литературы первой половины XX в. В кн.: Православие и русская литература. Под ред. Б.С. Кондратьева. Арзамас, Арзамасский филиал ННГУ: 22–31.
20. Соссюр Ф. де 1977. Труды по языкознанию. Пер. с франц. А.А. Холодовича. Под ред. М.А. Оборониной. Москва, Изд-во «Прогресс»: 689 с. (Saussure F.de 1921. Recuell des publications scientifiques de Ferdinand de Saussure.Paris, 494 p.)
21. Телия В.Н. 1996. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. Москва, Школа «Языки русской культуры», 289 с.
22. Шкуран О.В. 2020а. Бинаризация понятий профанный – десакральный в культурно-языковой константе «русскости». Теория языка и межкультурная коммуникация, 2 (37): 327–342. URL: <https://tl-ic.kursksu.ru/#new-number?id=164> (дата обращения: 30.11.2020).
23. Шкуран О.В. 2020б. Десакрализация библейского фразеологизма «Не хлебом единым жив человек» на материале интернет-, медиадискурса. Ученый записки Петрозаводского государственного университета, 42 (7): 54–63.

References

1. Burmistrova T.N. 2007. Sakral'naya fitonimiya kak otrazhenie stereotipov natsional'nogo soznaniya [Sacred phytoonymy as a reflection of the stereotypes of national consciousness]. Bulletin MSRU serie Russian philology, 3: 62–65.
2. Vorkachev S.G. 2001. Lingvokul'turologiya, yazykovayalichnost', kontsept: stanovlenie antropotsentricheskoy paradigmy v yazykoznanii [Linguoculturology, linguistic personality, concept: the formation of an anthropocentric paradigm in linguistics]. Filologicheskie nauki, 1: 64–72.

3. Vorkachev S.G. 2007. Lingvokul'turnyykontsept: tipologiya I oblasti bytovaniya [Linguocultural concept: typology and areas of existence]. Ed. S.G. Vorkachev. Volgograd, Publ. VolGU, 400 p.
4. Vorob'ev V.V. 2008. Lingvokul'turologiya [Linguoculturology]. Moskva, Publ. Rossiyskiy universitet druzhby narodov, 336 p.
5. Vorob'eva N.A. 2012. Lingvokul'turologicheskiy podkhod k izucheniyu russkoy sakral'noy idiomatiki [Linguoculturological approach to the study of Russian sacred idioms]. Ural'skiy filologicheskij vestnik. Ser. Psycholinguistics in education, 5: 6–11.
6. Gadomskiy A.K. 2004. Problema vzaimodeystviya yazyka I religii [The problem of interaction between language and religion]. Culture of the peoples of the Black Sea region, 49. Voll.1 (77): 164–166.
7. Gumbol'dt V. fon. 2000. Izbrannye Trudy po yazykoznaniiyu [Selected Works on Linguistics]. Translated from German G.V. Ramishvili. Ed. G.V. Ramishvili. M., Publ. OAO IG «Progress», 400 p. (Wilhelm von Humboldt. 1904. Gesammelte Schriften, Bd. I, Berlin, 314 p.)
8. Gusel'nikova O.V. 2010. Terminologicheskiy apparat sistemyfreyma [Terminological apparatus of the frame system]. Bulletin of Chelyabinsk State Pedagogical University, 9: 137–149.
9. Dmitrieva O.A., Chebotarev I.G. 2015. Yurodstvo i lzheyurodstvo na Rusi (bogoslavskiy i lingvisticheskiy obzor) [Foolishness and false foolishness in Russia (theological and linguistic review)]. Saratov, Publ. Vuzovskoe obrazovanie, 157 p.
10. Dobrosklonskaya T.G. 2008. Medialingvistika: Sistemnyypodkhod k izucheniyuyazyka SMI: Sovremennaya angliyskaya mediarech' [Medialinguistics: A Systematic Approach to Learning the Language of the Media: Modern English Media Speech]. Moskva, Publ. Flinta, Nauka, 263 p.
11. Zakharyan T.B. 2006. Sakral'nyysimvol v yazykereligii [The sacred symbol in the language of religio]. Ekaterinburg, Publ. Nizhniy Tagil, RIF TRM, 196 p.
12. Karasik V.I. 2002. Yazykovoykrug: lichnost', kontsepty, diskurs [Linguistic circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd, Publ. Peremena, 477 p.
13. Kovshova M.L. 2013. Lingvokul'turologicheskiy metod vo frazeologii. Kodykul'tury [Linguocultural method in phraseology. Culture codes]. Moskva, Publ. URSS, 456 p.
14. Konovalova N.I. 2007. Sakral'nyytekstkaklingvokul'turnyyfenomen [The sacred text as a linguocultural phenomenon]. Ed. T.A. Gridina. Ekaterinburg, Publ. GOU VPO Ural'skiygos. ped. un-t, 298 p.
15. Kostomarov V.G. 2015. Yazykovoy vkus epokhi. Iz nablyudeniy iz rechevoy praktiki mass-media [Language taste of the era. From observations from the speech practice of the mass media]. SPb., Publ. Zlatoust, 320 p.
16. Kuz'mina T.V. 2011. Sakral'noeznachenieslova angel [The sacred meaning of the word angel]. In: Yazykovye kategorii i edinit'sy: sintagmicheskiy aspekt [Language categories and units: syntagmatic aspect]. Proceedings of the IX International Conference, Vladimir, September 22–24, 2011. Ed. M.V. Pimenova. Vladimir, Publ. Tranzit-IKS: 254–259.
17. Lomakina O.V. 2018. Frazeologiya v tekste: funktsionirovanie i idiosstil' [Phraseology in the text: functioning and idiostyle]. Ed. V.M. Mokienko. Moskva, Publ. Izd-vo RUDN, 344 p.
18. Minskiy M. 1979. Freymy dlya predstavleniya znaniy [Frames for knowledge representation. Per from English]. Translated from English O.N. Grinbauma. Ed. F.M. Kulakov. Moskva, Publ. Energiya, 152 p. (Minsky M. 1975. Frame work for Representing Knowledge In: Thepsychology of computer vision. Ed. P.H. Winston. New York, McGraw-Hill Book).
19. Radbil' T.B. 2016. Sakralizatsiya ideologem revolyutsii, sotsializma i kommunizma v yazyke russkoy literatury pervoy poloviny XX v [Sacralization of the ideologemes of revolution, socialism and communism in the language of Russian literature of the first half of the twentieth century]. In: Pravoslaviei russkaya literature [Orthodoxy and Russian literature]. Ed. B.S. Kondrat'ev. Arzamas, Publ. Arzamasskiy filial NNGU: 22–31.
20. Sosyur F. de 1977. Trudy po yazykoznaniiyu [Works on linguistics]. Translated from French A.A. Kholodovicha. Ed. M.A. Oboronino. Moskva, Publ. Progress: 689 p. (Saussure F.de 1921. Recuell des publications scientifiques de Ferdinand de Saussure. Paris, 494 p.)
21. Teliya V.N. 1996. Russkaya frazeologiya. Semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokul'turologicheskiy aspekty [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. Moskva, Publ. Shkola Yazyki russkoy kul'tury, 289 p.

22. Shkuran O.V. 2020a. Binarizatsiya ponyatiy profanny – desakral'nyy v kul'turno-yazykovoy konstante «russkosti» [Binarization of the concepts profane – desacral in the cultural and linguistic constant of "Russianness"]. *Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, 2 (37): 327–342. Available at: <https://tl-ic.kursksu.ru/#new-number?id=164> (accessed: 30.11.2020).

23. Shkuran O.V. 2020b. Desakralizatsiya bibleyskogo frazeologizma "Ne khlebom edinyim zhiv chelovek" na materiale internet-, mediadiskursa [Desacralization of biblical phraseological units "Man does not live by bread alone" on the material of the Internet, media discourse]. *Proceedings of Petrozavodsk State University*, 42 (7): 54–63.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шкуран Оксана Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий Луганского государственного педагогического университета, директор Института профессионального развития, г. Луганск, Луганская Народная Республика

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Oksana V. Shkuran, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian Linguistics and Communication Technologies of the Lugansk State Pedagogical University, Director of the Institute for Professional Development, Lugansk, Lugansk People's Republic